ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

2

9

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

121441

Сборник статей

ВЫПУСК 2

Ответственный редактор профессор *В. А. Ежов*

Пед. ин-т им. А.И. Герцена
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1973

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

Во 2-м выпуске сборника (вып. 1 был издан в 1969 г. к 150-летию Ленинградского университета) опубликованы исследовательские статьи, посвященные различным проблемам истории древнего мира, средних веков, истории СССР, а также археологии и этнографии. В ряде статей освещаются актуальные проблемы историографии и источниковедения отечественной и всеобщей истории.

Сборник рассчитан на преподавателей истории высших и средних учебных заведений, на студентов и аспирантов исторических факультетов и всех интересующихся историей.

П $\frac{0163—032}{076\,(02)\,73}$ 53—73

© Издательство Ленинградского университета, 1973 г.

М. И. АРТАМОНОВ

ГЕЛОНЫ, АГАФИРСЫ И СИГИННЫ

В одной из сохраненных Геродотом легенд о происхождении скифов говорится, что их родоначальник Скиф был младшим сыном фантастического существа — полуженщины-полузмеи Эхидны, обитавшей в пещере в дельте Днепра Гилее (Полесье), прижитым ею от греческого полубога Геракла. Братья Скифа звались Агафирс и Гелон. Они, как и Скиф, были родоначальниками народов, носивших их имена (Геродот, История, IV, 8—10). С этой легендой, облеченной в формы греческой мифологии и, видимо, созданной греками на скифской основе, Геродот сопоставляет другую параллельную легенду, которую он сам характеризует как скифскую. В ней тоже говорится о трех братьях: Липоксае, Арпоксае и Колаксае, родившихся от первочеловека Таргитая и дочери божества р. Днепра, т. е. своим происхождением так же, как и братья первой легенды, связанных с Днепром (Геродот, IV, 5, 6). И в дальнейшем содержании этих легенд много общего. И в той и в другой братья проходят через испытания, которые выдерживает только младший из них Скиф-Колаксай, благодаря чему ему достается во владение их общая родина Поднепровье, тогда как его братья вынуждены были уйти в другие страны.

Едва ли можно сомневаться в тождестве братьев этих двух легенд, тем более что имя Колаксай расшифровывается как царь (ксай) колов, или сколотов, — так назывались скифы на их языке (Геродот, IV, 6). Судя по этому, имена Липоксай и Арпоксай одной легенды соответствуют Агафирсу и Гелону другой. Геродот добавляет, что потомки Липоксая назывались авхатами, а Арпоксая — катиарами и траспиями, тогда как от Колаксая происходят паралаты (Геродот, IV, 6). Что означают эти имена, у Геродота не разъяснено, но одно из них — катиары — близко сходно с именем агафирсы (акатиры), указывая тем самым на соответствие Липоксая с Агафирсом и подтверждая правильность отождествления имен братьев од-

ной легенды с именами другой, хотя порядок их по старшинству в них и не совпадает. Согласно этим легендам, скифы общего происхождения с двумя другими народами — агафирсами и гелонами, — известными Геродоту под их собственными именами отдельно от скифов. Поскольку установлено, что скифы принадлежали к ираноязычным народам,[1] видимо, и родственных с ними агафирсов и гелонов следует относить к той же этно-лингвистической семье.

Местоположение агафирсов Геродот указывает по соседству со скифами к северу от Дуная в глубь материка (Геродот, IV, 100), так как Скифия тоже начиналась от Дуная, в Прикарпатье, западнее принадлежавшей скифам Буджакской степи, узкой полосой тянущейся вдоль северо-западного побережья Черного моря. В другом месте у Геродота скифы помещены в Трансильвании, в верховьях р. Мариса (Муреша) (Геродот, IV, 49), что ограничивает и уточняет первое из приведенных данных об их локализации, но не исключает возможности предполагать, что агафирсы жили по обе стороны Восточных Карпат, тем более, что они состояли из двух частей — не только катиаров (агафирсов), но и траспиев.

Вопрос о локализации гелонов сложнее. У Геродота говорится, что гелоны поселились в стране будинов, причем этих гелонов отец истории считает эллинами, вышедшими из греческих городов, чем и объясняется их отличие от будинов и более высокая культура, нежели у последних (Геродот, IV, 108, 109). Отождествление гелонов с эллинами, по-видимому, вызвано созвучием имен тех и других, хотя странно, как Геродот мог поддаться такому поверхностному сближению различных названий, тем более что по известному ему преданию гелоны были общего происхождения со скифами, а не с греками.

Что касается занятой гелонами страны будинов, то местонахождение ее надежно определяется археологическими данными. Давно уже установлено, что скифское население на р. Ворскле, левом притоке Днепра, находящемся в пограничье лесостепи со степью, появилось в VIII—VII вв. до н. э. с противоположной стороны Днепра[2] из северо-западного Причерноморья, где раньше, чем в Поворсклянье, возникают характерные формы ранней скифской (чернолесской) культуры, в особенности чернолощеная керамика с врезным и штампованным геометрическим орнаментом, усиленным заполнением белой пастой.[3] Это население частично перекрывает, а частич-

---

[1] Vasmer M. Die Iranier in Südrussland. Leipzig, 1923; Абаев В. А. Скифский язык. — В кн.: Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1948.

[2] Рудинський М. Я. Археологічні збірки Полтавського музею. — В кн.: Збірник, присвячений 35-річчю музею, т. 1. Полтава, 1928, с. 48; Ковпаненко Г. Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967.

[3] Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. — МИА, № 64, 1958, с. 76 сл.

но вытесняет автохтонов среднеднепровского Левобережья, представленных бондарихинской культурой, близко сходной с юхновской культурой Подесненья.[4] Последняя же с достаточным основанием связывается с балтами бассейна Верхнего Днепра,[5] благодаря чему и бондарихинская культура может относиться к той же этнической группе древнего населения Восточной Европы.

Тождество населения бондарихинской культуры с будинами Геродота, а поселившихся вместе с ними переселенцев с правой стороны Днепра — с гелонами подтверждается еще одним, очень важным, обстоятельством. По сообщению Геродота, в стране будинов был обширный деревянный город Гелон. «Городская стена его с каждой стороны имеет в длину 30 стадий, она высока и вся построена из дерева; дома и храмы тоже деревянные. Там есть святилища эллинских богов, по-эллински снабженные кумирами, жертвенниками и деревянными храмами, а в честь Диониса каждый год совершаются празднества с оргиями» (Геродот, IV, 106). Гелоны, продолжает Геродот, говорят на скифском языке, но знают и греческий, они занимаются земледелием и нисколько не похожи на будинов, которые говорят на другом языке и ведут кочевой образ жизни, питаясь шишками (Геродот, IV, 108, 109). Не все в этих сведениях заслуживает доверия, а в первую очередь то, что в отношении города Гелона связано с представлением Геродота об эллинском происхождении гелонов. Но данные о различной этнической принадлежности и разном уровне культурного развития гелонов и будинов вполне правдоподобны. В этом случае особый интерес вызывает огромный деревянный город Гелон с его стеною, домами и храмами.

Протяженность Гелона, по Геродоту, превышала 6 *км,* а окружность достигала 25 *км.* На территории Скифии известно только одно городище, приближающееся к этим размерам. Это знаменитое Бельское городище на р. Ворскле, внешняя ограда которого простирается более чем на 30 *км,* а общая площадь составляет 4400 *га.* В целом эта площадь не была заселена, но к ограде примыкают три выделенные особыми укреплениями поселения, плотно застроенные жилищами и хозяйственными помещениями, в том числе мастерскими. Одно из них (западное) достигает 122 *га,* другое (восточное) — 65,2 *га,* а третье, в северо-восточной части ограды, возникшее позже других, занимает около 10 *га.* По гребню валов городища в древности шла деревянная стена, а жилища и хозяйственные

---

[4] Ильинская В. А. Бондарихинская культура бронзового века. — СА, 1961, № 1, с. 26 сл.; Археологія Української РСР, т. 1. Київ, 1971, с. 363 сл. (Марьянівсько-бондарихинская культура).

[5] Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 163 сл.; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, с. 31 сл.

постройки тоже были деревянные. Храмов не обнаружено, но культовые жертвенники находились при раскопках.[6]

Без сомнения, это исключительной величины городище пользовалось большой известностью и именно его имел в виду Геродот, сообщая о городе Гелоне в стране будинов. Эта мысль не новая, ее придерживался ряд археологов, занимавшихся Бельским городищем.[7] Все другие, подобные Бельскому, городища скифского периода, отличаются меньшей величиной и не содержат столь значительного числа находок, свидетельствующих о торговых связях жителей с греческими колониями и о распространенности у них различных видов ремесленных производств. Бельское городище Гелон было важным торговым и ремесленным центром, находившимся в пограничье лесостепи со степью и обслуживавшим не только земледельцев среднеднепровского Левобережья, но и кочевников прилегающих к нему степей.

Обосновавшиеся на Ворскле гелоны в дальнейшем заняли все среднеднепровское Левобережье, и, по-видимому, они же освоили своими поселениями часть Подонья между реками Сосна и Тихая Сосна. Посульская керамика отличается от поворсклинской прежде всего тем, что среди нее очень мало или вовсе нет характерной для последней чернолощеной посуды с резным орнаментом, усиленным белой пастой. Некоторые отличия имеются и у кухонной посуды.[8] Однако из этого не следует, что поворсклинская и посульско-донецкая керамика, а вместе с нею и соответствующие группы населения скифского времени — различного происхождения. Это различия в большей мере не локального, а хронологического порядка. Берега Сулы и Северного Донца были позже заселены скифами или, точнее, гелонами, чем Ворсклы, причем заселение их могло быть следствием простого биологического размножения гелонов, первоначально осевших на южной окраине лесостепи по р. Ворскле, а оттуда продвинувшихся на север и на восток по лесостепной полосе, а также и смешивания их с туземцами.

Заселение скифами-гелонами Среднего Подонья относится к еще более позднему времени — к рубежу VI—V вв. до н. э. В занятой ими области известны памятники катакомбной, срубной и абашевской культур, но хронологически ни одна из них не дожила до появления скифов и в культуре последних не отразилась.[9] Особенности в культуре среднедонского населе-

---

[6] Ковпаненко Г. Т. Указ. соч., с. 61 сл.; О раскопках Б. А. Шрамко. — АО, 1966, с. 199 сл.; 1967, с. 209 сл.; 1968, с. 273 сл.; 1969, с. 243; 1970, с. 276.

[7] Scerbakivsky V. La situation géographique de la ville Gelon d'Hérodote. — Ksiega Pamitkowa pr. Wl. Demetrykiewicz. Warszawa, 1930.

[8] Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, с. 166 сл.

[9] Либеров П. Л. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. — МИА, 1969, № 51.

ния скифского времени объясняются главным образом территориальной близостью его к савроматам — восточным соседям скифов — и распространением среди него некоторых элементов савроматского происхождения.

Различия в культуре локальных групп населения лесостепной полосы, простирающейся к западу от Днепра (тясминской и каневской), не настолько велики, чтобы их можно было отнести на счет этнической разнородности между ними. Более существенной является разница между культурой скифского времени по обе стороны Среднего Днепра. Лощеная керамика с врезным геометрическим орнаментом с белой пастой появляется в Правобережье, как и на Ворскле, но в меньшем количестве, зато наряду с ней тоже, впрочем, в небольшом числе там находится лощеная посуда, украшенная желобками, валиками, сосочками и другими рельефными фигурами, какой в Левобережье нет, но какая характерна для Подолии. Наряду с обычными деревянными камерами в Правобережье имеются склепы с дромосом, в могилах находятся сопровождающие умершего кони, вовсе не известные на другой стороне Днепра. Кроме трупоположений встречаются полные и неполные трупосожжения, распространены и другие черты, не свойственные Левобережью [10] и свидетельствующие о несколько иных путях формирования культуры правобережной среднеднепровской Скифии, что, однако, не дает оснований проводить резкое различие между населением той и другой части Поднепровья, представлявшим, по Геродоту, в соответствии с основным направлением хозяйственной деятельности одно целое — скифов-пахарей.

Плиний (Ест. ист., IV, 82) — писатель I в. н. э. — в своей компиляции называет авхетов, т. е. авхатов Геродота, потомков Липоксая одной этногонической легенды, соответствующих гелонам другой, на р. Буге (Гипанисе), что могло бы указывать на этническую близость населения левобережного и правобережного Поднепровья, если бы Среднее Поднепровье и Побужье в культурном отношении не различались между собой много больше, чем по обе стороны Днепра. Население правобережного Среднего Днепра в археологическом отношении ближе к левобережным гелонам, чем к своим западным соседям на Буге и Днестре. Ввиду этого вполне вероятно, что и на правой стороне Среднего Днепра жили гелоны, если и не тождественные с левобережными, то все же более родственные с ними, нежели с другими группами населения Скифии.

О степной части Побужья и Поднестровья письменных и археологических данных очень мало. Кроме живших возле Ольвии каллипидов, название которых я прежде пытался связы-

---

[10] Петренко В. Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. — САИ, Д 1-4, 1967.

вать с Липоксаем,[11] а в действительности, как разъяснено самим Геродотом (IV, 17), представлявших собой смешанное греко-скифское население (эллино-скифы, миксэллины декрета в честь Протогена[12]) сельскохозяйственного округа (хоры) Ольвии. Выше его по Южному Бугу Геродот (IV, 17) указывает алазонов. Они занимали междуречье Южного Буга и Днестра там, где эти реки сближаются между собой, причем границей их со скифами-пахарями был левый приток Буга р. Синюха (Экзампей=Святые Пути) (Геродот, IV, 5). По словам Геродота (IV, 52), алазоны выращивали просо, чечевицу, лук и чеснок. Больше никаких сведений о них не имеется и археологически они тоже остаются не определенными. Судя по местоположению в степи, алазоны были кочевниками, но то обстоятельство, что они сеяли хлеб и выращивали лук и чеснок, как будто бы указывает на их занятие земледелием и огородничеством, следовательно, на сочетание земледелия со скотоводством и на оседлый или полуоседлый образ жизни. Алазон по гречески значит хвастун, шарлатан. Допустимо поэтому предположение, что название алазоны было не собственным именем части скифов, а презрительной кличкой, данной греками. Но что представляла собой названная так часть скифов, остается неизвестным.

Агафирсы были соседями скифов. Геродот (IV, 104) характеризует их как народ, питающий пристрастие к золотым украшениям и практикующий многомужество. По его словам, агафирсы имеют общих жен якобы с целью не испытывать вражды друг к другу и быть между собою братьями. В остальном, говорит он, агафирсы похожи на фракийцев, поэтому, несмотря на прямое указание этого автора о родстве агафирсов со скифами, их нередко причисляют к фракийцам. У Геродота (IV, 73) приведено имя царя агафирсов Спаргапифа, носящее иранский характер, и подтверждающее принадлежность их, как скифов, к иранской семье народов.

Между Трансильванией, где Геродот помещает агафирсов, и Восточным Прикарпатьем в археологическом отношении много общего. В конце эпохи бронзы и в период раннего железа в них одинаково представлены поселения с наземными жилищами, хозяйственными ямами и зольниками. Памятники, относящиеся к эпохе бронзы, составляют культуру ноа, одновременную с сабатиновским этапом срубной культуры Поднепровья, и характеризуются сходными со срубными банкообразными горшками, с одной стороны, и подлощенной столовой посудой, связывающейся, как и сабатиновская, с широким кругом карпато-дунайской керамики. В металлических изде-

[11] Артамонов М. И. Этногеография Скифии. — Учен. зап. Ленингр. ун-та, сер. истор. наук, 1949, вып. 13.

[12] Latyschev V. Inscriptiones antique. Petropoli, 1916, vol. 1, № 32, с. 43.

лиях наряду с преобладающими семиградскими типами имеются формы северочерноморского происхождения такие, как кельты, тесла и ромболистные наконечники стрел с длинной втулкой. Погребения в скорченном виде на боку в неглубоких прямоугольных или овальных ямах сходны со срубными.[13]

Эта культура, распространенная в Молдавии, Припрутской Румынии, Трансильвании и правобережном Среднем Поднестровье, в XI в. до н. э. сменяется проникающей из Средней Европы культурой так называемого фракийского гальштата; в Румынии она именуется культурой басараби. Ранний этап ее соответствует белозерскому этапу срубной культуры, а поздний совпадает по времени с раннескифским периодом. С этой культурой в добавление к скорченным трупоположениям появляются трупосожжения на стороне с погребением кальцинированных костей в урне или иногда, как и при трупоположениях, в каменном ящике под невысокими насыпями с каменным кольцом в основании. Кухонная керамика такая же, как и раньше, в столовой посуде преобладающее положение занимают чернолощеные сосуды, у которых вместо орнаментации каннелюрами и выступами распространяется геометрический орнамент, нанесенный резьбой и зубчатым штампом и заполненный белой пастой, а в формах выделяются чарки с поднимающейся над краем ручкой с шишечкой на перегибе, миски с загнутым внутрь краем и большие корчаги вилановского типа. Это та же керамика, которая известна в Среднеднепровском Правобережье и в Поворскленье.[14]

В Восточном Прикарпатье памятники этой культуры прекращают свое существование к началу V в. до н. э. Затем более чем столетие эта область оказывается лишенной постоянного населения, появляющегося вновь только в IV в. до н. э.[15] При-

---

[13] Балагури Е. А. Культура ноа. — В кн.: Археологія Української РСР, т. I. Київ, 1971; Мелюкова А. И. 1. Исследования памятников предскифской и скифской эпохи в лесостепной Молдавии. — В кн.: МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960; 2. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии. — МИА, № 96, 1961; Смирнова Г. И. Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье. — В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969; Петреску-Дымбовица М. Конец бронзового и начало железного века в Молдове в свете последних археологических раскопок — Dacia, IV, 1960.

[14] Мелюкова А. И. 1. Памятники скифского времени... — МИА, № 64, 1958; 2. О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. — СА, 1972, № 1, с. 57 сл.; Петреску-Дымбовица М. К вопросу о гальштатской культуре в Молдове. — МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев, 1960; Vulpe V. Zur mittleren Hallstattzeit in Rumanjen (Die Basarabi-Kultur). — Dacia, IX, 1965; Dumitrescu V. La nécropole tumulaire du premier âge du fer de Basarabi. — Dacia, XII, 1968; Zaharia E. Remarque sur la Hallstatt anoien de Transilvanie. — Dacia, IX, 1965.

[15] Мелюкова А. И. Памятники скифского времени... — МИА, № 64, 1958, с. 76, 90, 96, 102.

мерно та же картина обнаруживается на территории Подолии по лесостепному течению Днестра и Южного Буга. Но в культуре этой области наблюдаются некоторые отличия от Восточного Прикарпатья. Ярче всего они проявляются в лощеной столовой керамике, которая продолжает украшаться не нарезным, а рельефным узором из желобков, шишечек и валиков. Орнамент восточноприкарпатского типа проникает по Днестру не выше Могилева Подольского, где он находится наряду с рельефными украшениями. В погребениях Среднего Поднестровья распространены как трупоположения в скорченном виде, так и трупосожжения на стороне. Над погребениями возводятся курганы с каменными насыпями.[16]

Замечательными памятниками Подолии скифского времени являются городища-убежища того же типа, что и распространенные в Поднепровье, т. е. в виде более или менее обширной ограды с особо выделенным в ней небольшим укреплением, в котором в некоторых случаях находятся следы постоянного заселения. Самое известное из них Немировское городище расположено на берегах небольшой речки в бассейне Южного Буга близ города Немирова.[17] Это был центр того же рода, что и Бельское городище на р. Ворскле, но меньшей величины. Следует также отметить значительное по размерам Северновское городище на Буге со сплошным заселением и отсутствием внешней ограды.[18] Замечательно, что в Побужье, кроме городищ, вовсе не обнаружено соответствующих им по времени погребений. Подкурганные погребения указанных выше типов известны в Подолии только в Поднестровье. Чем объясняется это различие между сопредельными территориями с одинаковой во всем остальном культурой, остается неизвестным.

Жизнь в подольских городищах прекратилась примерно тогда же, когда и в Восточном Прикарпатье,— в начале V в. до н. э. Подолия так же обезлюдела и, должно быть, по одной и той же причине. Весьма вероятно, что ею было вражеское нашествие, спасаясь от которого население этих областей не нашло другого выхода, кроме ухода со своей территории. Таким нашествием не могло быть вторжение персов в 514 г. до н. э., так как, по свидетельству Страбона (География, VII, 9, 14), они, проникнув в Буджакскую степь, не дошли даже до Днестра; в лесостепном Прикарпатье, а тем более в Подолии персы вовсе не были. Единственным врагом населения Прикарпатья

---

[16] Там же, с. 8 сл.; Sulimirski T. Scythowie na Zachodniem Podolu. Lwow, 1936.

[17] Артамонов М. И. 1. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. — КСИИМК, вып. 59, 1955; 2. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-подольской археологической экспедиции. — КСИА, № 4, 1955.

[18] Смирнова Г. И. Северновское городище. — АС, вып. 2, 1961, с. 88 сл.

и Подолии в VI в. могли быть только кочевые скифы, точнее скифы-царские, в конце первой четверти этого века вернувшиеся после более чем девяностолетнего пребывания в Передней Азии и обосновавшиеся в степном Причерноморье. Привыкнув в Азии вести паразитическое существование за счет покоренных ими народов, над которыми, по Геродоту (I, 106), они властвовали 28 лет, изгнанные из Азии скифы и в Северном Причерноморье постарались подчинить туземное население и установить такие же, как в Азии, порядки.

Оттеснив остававшихся в степях Северного Причерноморья во время их длительного отсутствия скифов-кочевников (номадов Геродота) в степной Крым и подчинив их, скифы-царские направили свои усилия на покорение земледельческого населения лесостепной Скифии (скифов-пахарей), так как только они могли обеспечить их теми благами, в каких они нуждались. Еще до возвращения скифов-царских из Азии греки, обосновавшиеся на части северо-западного побережья Черного моря, на острове Березани, успели завязать экономические отношения с земледельческим населением Скифии, а в VI в., со времени основания Ольвии, наладить поступление от него наиболее важного для греков продукта местного производства, каким было зерно. Хлеб нужен был грекам-колонистам и их метрополии, в особенности остро в нем нуждались Афины. Торговля хлебом предоставляла туземной аристократии — племенным вождям и родовым старейшинам, через которых она осуществлялась, немалые выгоды и приводила к их обогащению. Еще в середине VI в. в земледельческой среднеднепровской Скифии появляются богатые туземные погребения с импортными греческими вещами.

Скифы-царские стремились воспользоваться выгодами развивающейся торговли и перехватить ее в свои руки, что оказалось возможным путем систематических нападений на земледельцев с целью принуждения их к покорности и выплате дани, а также с помощью контроля над проходившими через занятые кочевниками степи торговыми путями по Южному Бугу и рекам его бассейна Синюхе и Ингулу, а также Ингульцу. Именно эти реки, а не Днепр, отклоняющийся далеко на восток и пересеченный труднопреодолимыми порогами, были кратчайшими артериями, соединяющими скифов-пахарей с Ольвией.

Судя по возникновению сильно укрепленных городищ-убежищ и кладбищ воинов-дружинников, особенно больших у гелонов днепровского Левобережья, скифы-пахари создали крупные объединения и оказывали врагам упорное сопротивление, которое скифам-царским удалось сломить только в начале V в. После этого большая часть доходов от торговли с греками перешла в руки последних и явилась основой появления богатых царских погребений в степном Поднепровье, с одной стороны,

и уменьшения числа богатых погребений в Среднем Поднепровье — с другой. В V в. между среднеднепровскими скифами-пахарями и скифами-царскими установились какие-то формы сосуществования, основанные на зависимости первых от вторых, не исключающей, впрочем, сохранения у земледельцев внутренней организации с вождями во главе, о чем можно заключить по продолжавшим устраиваться, хотя и в меньшем, чем раньше, числе, богатым погребениям и по существованию городищ.

Но так было только в Среднем Поднепровье; в Восточном Прикарпатье и в Подолии дело обернулось иначе. В Восточном Прикарпатье и в Молдавии нет городищ, которые свидетельствовали бы о сопротивлении завоевателям. Население этих областей при нападении скифов-царских, видимо, без длительного сопротивления покинуло страну и ушло, вероятно, к своим соплеменникам агафирсам в Трансильванию за Карпаты и уже оттуда совместно с ними продолжало борьбу. У Геродота имеется упоминание о том, что скифский царь Ариапиф, живший около середины V в., погиб вследствие коварства царя агафирсов Спаргапифа (Геродот, IV, 78), надо полагать, в одном из столкновений между теми и другими.

В отличие от восточноприкарпатских агафирсов земледельцы Подолии выстроили мощные городища-убежища и некоторое время держались против скифов-царских, пока, наконец, убедившись в невозможности дальнейшего сопротивления, не предпочли вместо покорности врагам уйти тоже, вероятно, за Карпаты, но не в Трансильванию, а в Закарпатье и Северную Венгрию. Г. И. Смирнова и К. В. Бернякович обоснованно полагают, что куштановицкая культура Закарпатья возникла благодаря переселению туда западноподольского населения под натиском скифов.[21]

С южной стороны Карпат от Трансильвании до Словакии тянется довольно широкая полоса с находками вещей скифских типов, таких, как бронзовые наконечники стрел, акинаки, крестовидные бляхи, навершия, удила с трехдырчатыми псалиями, бронзовые котлы, зеркала с боковой ручкой, оформленной в зверином стиле, и отдельные произведения звериного стиля, такие, как, например, золотые бляхи в виде оленей.[22] В. Пырван и М. И. Ростовцев[23] объясняли их появление в Средней

---

21 Смирнова Г. И., Бернякович К. В. Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа Закарпатья. — АС, вып. 7, б/г., с. 89 сл.

22 Parducz M. Die Frage der ethnischen Verhältnisse der Skythenzeit und der Skythisch-Keltischen Beruhrungen in Ungarn.— Archeologicke Rozhledy, XXII.

23 Parvan V. Dacia, an outline of the early civilisation of the Carpato-Danubian countries. Cambridge, 1928; Rostowzev M. Skythen und Bosphorus. Berlin, 1935.

Европе скифскими военными вторжениями, хотя это вещи в большинстве своем местного производства с особенностями, отличающими их от вещей того же рода, распространенных в Скифии. К тому же они находятся в комплексах с вещами туземных типов. Не отрицая возможности отдельных вторжений скифов за Карпаты, все же несомненно, что закарпатские памятники со скифскими элементами, как показала А. И. Мелюкова,[24] оставлены местным населением, находившимся в связях со скифами.

Спрашивается, не появились ли вещи скифских типов по южную сторону Карпат в результате переселения скифов из Восточного Прикарпатья и Подолии? Стилистически закарпатские произведения скифских типов примыкают к архаическим формам скифских вещей, распространявшимся в Скифии немедленно после возвращения в Северное Причерноморье скифов-царских из Азии. В этих формах они могли проникнуть в Подолию и Восточное Прикарпатье и вместе с переселившимися из этих областей скифами влиться в культурное достояние народов, населявших южную сторону Карпатских гор. Но они могли попасть туда и независимо от переселения благодаря издавна существовавшим связям, соединявшим обе стороны Карпатского хребта. Решающим в данном случае может послужить характер скифообразных вещей, распространенных к югу от Карпат, ярче всего проявляющийся в художественных произведениях звериного стиля.

В Средней Европе различаются три области распространения памятников скифского типа: трансильванская, северо-венгерская и нижне-дунайская (болгарская). Вещи скифских типов раннего времени (VI—V вв.) характерны для первых двух из этих областей, в болгарской же сходные со скифскими формы появляются в более позднее время. Хотя еще в VI в. при преследовании персов скифы проходили по Фракии, а в V в. скифы-царские состояли в тесных династических связях с одрисами, следы скифского влияния во Фракии, за исключением скифских наконечников стрел, почти не наблюдаются. Датируемая VI в. бронзовая матрица для тиснения золотых украшений из Гаршиново в северо-западной Болгарии,[25] во-первых, относится к более позднему времени — к V в., а во-вторых, представляет формы, сходные с другими образцами звериного стиля, известными по находкам в Центральной Европе, такими, как золотые бляхи в виде оленя из Зольдхаломпушта,[26]

---

[24] Мелюкова А. И. 1. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы. — СА, XXII, 1955, с. 239 сл.; 2. Скифские элементы в гетской культуре.— КСИА, вып. 105, 1965, с. 32 сл.

[25] Fettich N. Der skythische Fund von Garschinovo. — Arch. Hung., XV, 1934; Filov B. Ein skythischer Bronzerelief aus Bulgarien. — ESA, IX, 1934.

[26] Fettich N. La trouvaille scythe Zoldhalompuszta.— Arch. Hung., III, 1928.

Тапиошентмартони[27] и даже Феттерсфельде (Витишково близ г. Губена) на р. Ниса Лужицка у границы ПНР и ГДР.[28] Все они менее жизненны, чем скифские, с чертами, не характерными для скифского искусства, такими, например, как поза оленя с выставленной вперед одной из передних ног, т. е. не лежащего, а встающего, не свойственная скифским изображениям этого животного, а распространенная в древневосточном и греко-ионийском искусстве. Не отрицая сходства скифского и центральноевропейского звериного стиля, все же следует отметить, что последний отличается особыми чертами, свидетельствующими о некоторой зависимости его от искусства Ахеменидского Ирана и Греко-Ионии, в котором, как известно, также господствовал звериный стиль.

Хотя искусство Ахеменидского Ирана и тесно связанной с ним Греко-Ионии определенно сказывается и на скифском искусстве V—IV вв., в художественных произведениях Центральной Европы его влияние выступает с чертами, свойственными не Скифии, а Фракии, через которую оно, видимо, доходило до Центральной Европы не ранее V в., времени формирования и расцвета искусства этой области.[29] У нас нет оснований датировать и другие художественные произведения скифского происхождения или созданные по скифским образцам в Центральной Европе более ранним временем, что опровергло бы их появление там вместе с переселенцами из областей, лежащих к востоку и северу от Карпат. Это они принесли в Центральную Европу ранние скифские формы, просуществовавшие, однако, в своем первоначальном виде весьма короткое время. Скифские мотивы были преобразованы на новом месте своего бытования влиянием Фракии, а в дальнейшем, в IV в., послужили основой для создания оригинального гетского искусства, тоже близкого со скифским, но находившегося не столько в зависимости от последнего, сколько подчинявшего его своему влиянию.[30] К этому остается добавить, что геты во времена Геродота и Фукидида (Фукидид, II, 96), жившие в Северной Болгарии южнее Дуная и, вероятно, в южном Прикарпатье, в IV в. заселили, кроме того, и северо-восточную Румынию с Молдавией до Днестра,[31] оставив в распоряжении кочевых скифов только степной коридор вдоль западного побережья Черного моря.

---

[27] Fettich N. Der Goldhirsch von Tapiezentmarton. Arch. Ert., XLI, 1927.

[28] Furtwangler A. Die Goldfund von Vettersfelde. — Berliner Winckelmann-Programm, 1883, S. 43.

[29] Benedikov J. L'art Thrace et l'art achemenide.— Actes premiers congrès international des études balkaniques et sud-est européennes, t. II. Sofia, 1970.

[30] Berciu D. Arta traco-getica. Bucuresti, 1969.

[31] Мелюкова А. И. К вопросу о границе между скифами и гетами.— В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 51 сл.

Обратившись к вопросу об этнической принадлежности населения Подолии в скифское время, мы, исходя из предшествующих заключений, можем полагать, что это были не гелоны и тем более, вопреки В. Щербаковскому, не агафирсы.[32] Вместе с тем несомненно, что это был народ, тоже родственный скифам и что он мог удалиться от скифов-царских за Карпаты, но не в Трансильванию, куда ушли агафирсы, а в Закарпатье и Северную Венгрию, в область, где, по мнению венгерских археологов, еще раньше нашли себе убежище от скифов изгнанные ими из Северного Причерноморья киммерийцы.[33] С Центральной Европой население Подолии издавна находилось в тесных связях, в результате которых у него распространились некоторые элементы культуры фракийского гальштата, наиболее ярко представленные лощеной керамикой с рельефными украшениями, и даже проникали образцы импортной, сделанной на гончарном круге, посуды среднеевропейского происхождения.[34]

После описания Фракии, простиравшейся до Дуная, Геродот (V, 9) замечает, что не знает, какая земля лежит к северу от нее, но что он по рассказам слышал о существовании одного народа, живущего за нею, за Дунаем. Поскольку к северу от устья Дуная, по Геродоту, начинается Скифия, а дальше на запад уже в Карпатах помещаются агафирсы, народ, о котором идет речь, видимо, находился на Среднем Дунае. Этот народ назывался сигиннами, а земля его, по Геродоту, простиралась почти до енетов на Адриатическом побережье. На основании этих сведений сигиннов следует помещать на территории современной Венгрии и, поскольку дело касается страны за Дунаем, в северной ее части, в Потисье, входящем в полосу распространения вещей скифских типов. Этот народ, говорит Геродот, производит себя от мидян, т. е. относится к той же, что и скифы, ираноязычной группе.

Страбон (География, XI, 11, 8) тоже знает сигиннов, помещая их среди «живущих около Кавказа и остальной горной страны», в которую входят и Карпаты. Он повторяет сведения Геродота об иранских, в данном случае названных персидскими, обычаях сигиннов и, кроме того, сообщает, что они пользуются маленькими косматыми лошадьми, которых запрягают в повозку четверкой; управляют ими женщины, причем самая искусная из них имеет право сожительствовать с любым муж-

---

[32] Scerbakivsky V. Zur Agathirsenfrage.— ESA, IX, 1939.

[33] Gallus S. et Horvath T. Un peuple cavalier prescythique en Hongrie. Budapest, 1939; Harmatta I. La problèm cimmerien. — Arch. Ert., VIII/IX,, 1946.

[34] Sulimirski T. Указ. соч., с. 116; Ганина О. Д. Поселення скіфського часу у селі Іване-Пуста. — Археологія, XIX, 1955, с. 106 сл.; Смирнова Г. И. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине.— АС, вып. 10, 1968, с. 18 сл.

чиной, что соответствует полиандрии агафирсов. Страбон объединяет Кавказ с Карпатами и называет сигиннов среди предгорных и горных народов, не противореча Геродоту. Указания же того и другого на иранские (у Геродота мидийские, а у Страбона персидские) признаки сигиннов позволяют сближать сигиннов со скифами, что находит подтверждение и в вышеуказанном распространении вещей скифских типов на их территории.

Распространение иранского этнического элемента к югу от Карпат, по-видимому, относится еще к эпохе бронзы, когда туда проникают некоторые формы срубной культуры, но усиление этого элемента обязано переселению населения из областей, лежащих севернее Карпат, в связи с чем в Северной Венгрии и Трансильвании и появляются вещи скифских типов. Не исключено, что народ сигиннов как таковой подольского происхождения. Однако это только предположение, нуждающееся в дальнейшем обосновании.

Мы с большой долей вероятности установили, что среднеднепровские скифы-пахари, обитавшие по левую сторону Днепра, принадлежали к родственному со скифами народу гелонов. В той же степени родства со скифами находились агафирсы и, возможно, сигинны. Представляли ли правобережные скифы-пахари тоже особый народ в пределах общего скифского этноса или совпадали с каким-либо из уже названных, скорее всего с гелонами, этого с полной уверенностью сказать нельзя. По своей культуре они отличались и от несомненных гелонов и от подольских скифов, не говоря уже о степных кочевых скифах, безразлично, скифах-царских или номадах, к которым в целом, по-видимому, относится название паралаты. Все названные подразделения ираноязычного населения Европы представляли родственные народы или объединенные в союзы племена. Нарицательные наименования населения Скифии у Геродота такие, как царские, пахари и другие, лишь частично соответствуют этим образованиям, собственные имена которых раскрываются только при учете сведений, не представлявших существенного значения для Геродота, да и для ольвийских греков, от которых он получил свою информацию, и лишь попутно включенных в его повествование. Название «скифы» обнимало только население, подвластное скифам-царским, скорее всего скифам в узком значении этого имени. На агафирсов и сигиннов к югу от Карпат оно не распространялось, поскольку они не находились под властью скифов-царских.

Попутно с другими вопросами выясняется значение имени будины как общего названия балтов. Оно распространялось не только на население среднеднепровского Левобережья, где жили гелоны, но и на других балтов, ввиду чего невры, поселившиеся вместе с будинами (Геродот, IV, 105), закономерно идентифицированы О. Н. Мельниковской с милоградской куль-

турой в бассейне Припяти и прилегающей части Днепра.[35] Названия андрофаги и меланхлены (Геродот, IV, 100, 106, 107), явно представляющие собой не собственные имена, а нарицательные обозначения, относились к локальным группам будинов, находившихся в Поднепровье где-то севернее скифов.

[35] Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

121441

Р. Ф. ИТС

ЮЖНОЕ ЧЖАО И ЕГО МЕСТО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ МИРА

В изучении всемирного исторического процесса очень важно наиболее полно осветить все его периоды в пределах основных регионов земли. В этом смысле важно знание истории народов азиатского континента как в эпоху античности или нового времени, так и средневековья. В ряду других объектов средневекового периода всемирной истории должна быть исследована история государства Южное Чжао, существовавшего на протяжении шести веков и распространявшего в пору расцвета власть на большую часть современного южного Китая, Тибета, северные районы современных Вьетнама, Лаоса и Бирмы, противостоявшего самой могущественной средневековой державе Восточной Азии Китайской империи.

Обстоятельный разбор социальной культуры, экономической и культурной жизни этого феномена в эпоху средневековья — дело будущего. Настоящая статья ставит своей целью конспективное изложение основных этапов истории Южного Чжао, которое известно в китайских письменных источниках как Наньчжао, что в переводе на русский язык и означает Южное Чжао.

В пору продолжавшейся междоусобной борьбы различных китайских царств в начале VII в. н. э. в долине р. Хуанхэ и Центральной равнины к югу от р. Янцзы, в пределах современных провинций южная Сычуань и Юньнань, на землях исторических цуань расселялись шесть крупных этнических подразделений. Вожди — правители каждого из них — были независимы друг от друга и назывались чжао. Также назывались и возглавляемые ими этнические подразделения. В чжао входили люди, которые сами себя называли или их называли летописцы умань.[1] По со-

[1] Цзютаншу. Издание «Соиньбона бэньэршисыши», цз. 197, с. 1474 (на кит. яз.) (в дальнейшем ЦТШ). — Цзютаншу, или «Старая история династии Тан», была составлена Сун Цзи (998—1061 гг.).

Пед. ин-т ... ерена ФУНД... БИБЛ...

общению комментатора «Цзютаншу» среди населения этих районов в то время выделялись две этнические группы: «у» и «бай», т. е. умань и баймань, или восточные и западные цуань.

Все отмеченные в «Цзютаншу» шесть чжао[2] расселялись в близком соседстве один от другого.[3] Они отличались одно от другого родовыми именами правителей, которые были и именем чжао. Шесть чжао были следующие: Мэнси, Юэси (оно еще называлось Мосе или Наси), Ланцюн, Дэншань, Шилан и Мэншэ. Самым южным было последнее и его нередко в письменных памятниках уже в то время называли Наньчжао, т. е. Южным Чжао. Вожди каждого племени чжао сами предводительствовали в войнах, а после военной удачи лучшую часть добычи и большее число пленных оставляли себе.[4] Пленные строили дома, обрабатывали землю и собирали урожай для вождя и его рода. У вождя были рабы из пленных, у его соплеменников также имелись рабы. Была категория пленных, которые принадлежали всем. Власть вождя не была наследственной.

И хотя самым многочисленным было чжао Мэнси, род Мэн, управлявший чжао Мэншэ, славился своим богатством. В первой половине VII в. старейшины родов и все племя Мэншэ избрали храброго воина Синуло из рода Мэн своим чжао. Синуло в 649 г.[5] отменил прежний обычай выбора правителя. В тот же год Синуло стал именовать себя правителем государства Дамэн «Великий Мэн», как было им названо чжао Мэншэ. По примеру китайских правителей Синуло присвоил себе и новое имя ван — правитель Цицзя.[6] Тех, кто противился нововведениям, сородичи Синуло просто уничтожали.

Отношения царства Дамэн с остальными пятью чжао были самыми дружественными. Они совместно выступали против древних тибетцев-туфаней[7] на северо-западе и против китайских войск на востоке. Пленных обращали в рабов, иногда приносили

---

[2] У Фань Чо — таиского дипломата, направлявшегося с посольством в Аннам и ставшим пленником Наньчжао, в его труде «Маньшу» (ок. 864 г.) дается описание шести чжао, но в самом начале сообщается, что прежде было восемь чжао, причем впоследствии одно чжао вошло в первое, другое в пятое (Фань Чо. Комментированное «Маньшу». Пекин, издание Сян Да, 1962, с. 55—56 (на кит. яз.).

[3] Названия чжао источники дают разные, здесь берутся за основу данные «Цзютаншу», скорректированные по Фань Чо.

[4] Здесь и далее сведения о социальных отношениях в Наньчжао и до его создания в отдельных чжао взяты из Фань Чо, а также ЦТШ, с 1475; Синьтаншу, издание «Сонньбона бэньэршисыши», цз. 222, ч. I, с. 1561 (на кит. яз.) (далее СТШ); «Синьтаншу» — «Новая история династии Тан» была составлена Оу-ян Сю (1007—1072 гг.).

[5] Все хронологические сведения по Наньчжао и Дали взяты из работы: Жун Мэй-юань. Хронология истории Китая. Пекин, 1956, с. 96—101 (на кит. яз.).

[6] Tchang M. Synchronimes Chinois. Schanghai, 1905, c. 260.

[7] ЦТШ, с. 1475; СТШ, с. 1562.

в жертву своим богам. Все шесть чжао хотя и осознавали свою общность по происхождению и совместно выступали в военные походы, однако не имели прочного политического единства и даже общего военачальника.[8] После окончания сражений войска расходились по своим чжао.

По тем мероприятиям, которые осуществлял Синуло — Цицзя, прояснялось его намерение создать царство наподобие китайской империи и всерьез помериться с ней силой. Но одно чжао, даже такое крупное, как Мэншэ, не могло выступить против Китая и формально признавало себя его вассалом.[9] Танские императоры не смогли пробиться через горы и окончательно покорить Дамэн, а Дамэн не могло достичь полной самостоятельности в одиночку. Прошло восемьдесят лет, и в 728 г. на престол в Дамэне вступил правнук Синуло Пилогэ. Он принял титул вана — правителя Наньчжао.[10] Именно с этого времени в истории появляется государство Наньчжао — Южное Чжао.

Пилогэ со своим войском атаковал северное государство Юэго (находилось на территории современного Вьетнама), разбил племена, селившиеся в долине реки Эрхэ, и стал называться также ваном — правителем Юньнани. Вот как излагает эти события «Цзютаншу»: [11] «Пилогэ после захвата княжества Юэго присвоил себе имя вана Гуйи и затем разгромил варваров Эрхэ. Проводя политику завоеваний, он назвал себя ваном Юньнани. Силы Гуйи росли и [государство] процветало. Силы [остальных] пяти чжао слабели».

Процветанию государства Пилогэ во многом способствовало и то обстоятельство, что, оставшись без наследника, правители самого многочисленного северного чжао Мэнси, соблазнясь лестными предложениями правителя Наньчжао, посетили его и вскоре, оказавшись фактически в заточении, согласились на объединение земель.[12] Этот акт был последним аккордом в объединительной деятельности Пилогэ. Все шесть чжао составили одно государство Наньчжао. Его границы включали почти всю современную провинцию Юньнань, южную Сычуань (район Ляншаня) и часть северных районов Вьетнама. Если учитывать сообщение в «Цзютаншу», то покоренное на юге княжество Юэго по географическим сводам включало также районы Северной Бирмы. Что же касается варваров Эрхэ, то не исключено, что здесь речь идет о населении района озера Эрхай, т. е. баймань или западных цуань.

Власть Наньчжао распространялась и на те районы современных уездов Чжаотун провинции Юньнань и Вэйнин провинции Гуйчжоу, где обитали племена умань, известные в сочине-

---

8 ЦТШ, с. 1475.
9 Там же; СТШ, с. 1562; Фань Чо. Указ. соч., с. 70.
10 ЦТШ, с. 1475; СТШ, с. 1562.
11 ЦТШ, с. 1475.
12 Фань Чо. Указ. соч., с. 57.

нии Фань Чо как роды А-дэн, А-пан, А-гань,[13] а также Момидянь, которые «все являются восточными цуань-умань».[14] Могущество Наньчжао резко возросло. Оно стало важной политической силой к юго-западу от Янцзы. «Шесть чжао должны были объединиться и стать одним чжао. Гуйи (Пилогэ) присоединил пять чжао (к Наньчжао). Все мани (варвары.— *Р. И.*) подчинились. [Пилогэ] разгромил войска и население Туфань... в 27 году (740 г.) сделал ставку в Дахэ».[15] Столица Наньчжао город Дахэ находился в пределах современного уезда Дали, т. е. на землях баймань — предков бай.

Наньчжао, созданное восточными цуань-умань, осуществляло свое господство над древними мяо, предками современных дай Юньнани и другими народами, населявшими его обширную территорию. Особое положение занимали баймань, которые хотя и не принадлежали к высшему уманьскому слою Наньчжао, однако были их союзниками и помощниками. Наньчжао вело длительные и почти беспрерывные войны на северо-востоке с танским Китаем, на северо-западе с Туфань — Тибетом, на юге с Аннамом.[16]

Со времени Сонгзанганбо (с 634 г.) связи между средневековым Китаем и Туфань — Тибетом были прерваны в результате завоевательных походов туфаньских правителей на северо-западные районы Китая. Мирные отношения были восстановлены только в 730 г. Однако вскоре Туфань попадает под власть Наньчжао и как его вассал участвует в битвах с танской империей. Вассалитет Туфань был закреплен после Пилогэ энергичными военными действиями его сына Гэлофэна. Его туфаньские правители вынуждены были величать восточным императором и преподнести золотую печать.[17] В 822 г. танским дипломатам удалось заключить новый мир с Туфань — Тибетом, который способствовал установлению дружественных отношений и их объединению в борьбе с Наньчжао.[18] Это событие оказало влияние на внешнеполитическое положение государства уманей.

Ваны из рода Мэн правили Наньчжао с 649 по 902 г. В 859 г. Шилун при вступлении на престол принял титул императора и переименовал Наньчжао в Дали.[19] Это второе название просуществовало всего 18 лет, и при преемнике Шилуна было заме-

---

[13] Там же, с. 29, 30.

[14] Там же, с. 31.

[15] ЦТШ, с. 1475.

[16] Су Юнь-цяо приводит следующие даты военных действий Наньчжао с Китаем: 750—754 гг., 756—757 гг., 779 г., 831 г., 869—870 гг., 873—875 гг. и т. д.; с Тибетом: 794—795 гг., 801 г. и т. д.; с Аннамом: 846 г., 854—858 гг., 860 г., 862 г., 862—863 гг. (см.: Hsu Yun-ts'io. Was Nanchao a Thai kingdom? — The J. of South-east Asian res., vol. IV, 1968, с. 13).

[17] Жун Мэн-юань. Указ. соч., с. 96.

[18] Очерки всеобщей истории Китая, под ред. Фань Вэнь-ланя. Чанчунь, 1949, с. 297 (на кит. яз.).

[19] Жун Мэн-юань. Указ. соч., с. 97.

нено на Дафэнминь, однако через несколько десятилетий название Дали было вновь возрождено.

В 902—903 гг. крупный сановник из рода Чжэн захватив престол, убил последнего правителя из рода Мэн. С этого периода начинается полоса дворцовых переворотов. Борьба за власть в Наньчжао привела к ослаблению его силы и могущества. Восстанием крупного военачальника Дуаньсыпина против династии Янов завершается первый период государства Наньчжао.

В 937 г. Дуаньсыпин, ведущий свой род от служилой знати при династии Мэн,[20] захватывает престол в Наньчжао и принимает титул «святого и мудрого, просвещенного императора-воина». Дуаньсыпин переименовывает государство Наньчжао в государство Дали и его род с кратковременным перерывом (с 1095 по 1096 гг.) правит более трехсот лет с 937 по 1253 г. Этот второй период Наньчжао, известный в истории как период государства Дали на юге Китая,[21] знаменует собой не только новую политическую, но и этническую ситуацию в этом районе.

В первый период своей истории Наньчжао представляло серьезную угрозу танской империи и ее владениям на юге страны. Не раз танские императоры делали попытку силой оружия покорить Наньчжао, но, как правило, китайские войска теряли в трудном походе много солдат от тропических болезней, и танская армия терпела неудачи.[22] Только в конце этого периода, воспользовавшись внутренними противоречиями южной империи и отпадением областей Туфань, танским императорам удалось несколько сократить владения Наньчжао, но оно продолжало оставаться независимым государством. Основателю новой династии Дуаньсыпину и его преемникам пришлось встретить сильное сопротивление южных и восточных вассалов Наньчжао, которых в 960 г. стала поддерживать объединившая Китай после краткого периода междуцарствия империя Сун. Постепенно отпали от Дали и вьетнамские области на юге и гуйчжоуские районы на востоке. Но в Юньнани полновластными хозяевами оставались правители Дали.

Создание Дуаньсыпином государства Дали означало политическое возвышение этнической группы западных цуань-байманъ, предков современного народа бай, потомками Наньчжао были ицзу. В Наньчжао рабами становились пленные других национальностей. Если учесть, что, по замечанию Фань Чо, у самих умань основой хозяйства являлось скотоводство,[23] а в Нань-

---

20 Там же, с. 98.

21 О государстве Дали сведения военно-политического характера см.: Сунши, издание «Соиньбона бэньэршисыши», цз. 495, с. 5663—5664 (на кит. яз.). (далее: Сунши).

22 СТШ, с. 1564; Думан Л. И. Очерк истории Китая. — В кн.: Китай. Под ред. В. М. Алексеева. М.—Л., 1940, с. 138.

23 Фань Чо. Указ. соч., с. 31, 32.

чжао было развито выращивание многих злаковых и технических культур, а также быстрыми темпами шло строительство городов и мостов, то станет ясным значение вклада иноплеменников в развитие этого государства. Земледелием в этот период Наньчжао широко занимались предки бай[24] и захваченные в плен предки мяо и дай из соседних восточных районов южного Китая. Трудом рабов в Наньчжао создавались поселения городского типа, дворцы и парки столичного города Хвост дракона (на месте этой столицы расположен современный центр автономного округа Дали народности бай город Сягуань). Город Хвост дракона лежал на пути купцов из Китая во Вьетнам и Бирму. Через него проходило посольство Фань Чо. До сих пор вызывают восхищение высеченные в скалах недалеко от Хвоста дракона статуи чиновника, воина, пастуха, кузнеца и других представителей различных слоев населения Наньчжао. В государстве Наньчжао имелась своя иероглифическая письменность, традиции которой сохранили до наших дней наси и ицзу. В обращении имели широкое хождение раковинные деньги.[25]

Рабовладельческие отношения в Наньчжао носили тот же кастово-племенной или сословно-племенной характер, какой мы видим в середине XX в. у ляншаньских ицзу.[26] Обособление древних ицзу в конце X в. от Дали и последующая изоляция самой компактной их группы в труднодоступном горном районе Ляншань на многие столетия законсервировали те социально-экономические отношения, какие сложились в первый период истории Наньчжао.

Монголы при пособничестве юньнаньских дай разгромили Дали. Был положен конец существованию в этом районе юга Восточной Азии независимых государств, наследников культуры античных царств района.

В современных условиях, когда на историческую арену вышли десятки прежде забытых и третируемых, как неисторические, народов, создание подлинной всемирной истории становится неотложным и актуальным делом. Обретающие свою национальную независимость народы хотят знать свою историю, культуру, определить собственную роль и роль своих предков в вековечном течении жизни человечества.

Мы, однако, медленно освобождаемся от традиционного (по

---

[24] Существует мнение, что современное разделение у ицзу Ляншаня на черных и белых ицзу имеет своими истоками разделение на умань и байманъ, где «у» может означать «черный», а «бай» — «белый» (см., например: Сун Ши-чэн. О характере общества ляншаньских ицзу до освобождения. — «Синьцзяньшэ», 1961, № 6, с. 20 (на кит. яз.).

[25] Ли Цзя-жуй. Общий обзор об использовании раковинных денег в древней Юньнани. — «Линьи яньцзю», 1956, № 9, с. 85—100 (на кит. яз).

[26] О социальном строе и его генезисе у ляншаньских ицзу см.: Итс Р. Ф., Яковлев А. Г. К вопросу о социально-экономическом строе ляншаньской группы народности. — В кн.: Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-восточной Азии. Л., 1967, с. 64—106.

преимуществу европоцентристского) подхода, сомневаемся в правомерности рассматривать историю тибетцев или тангутов так же, как средневековую историю французов или англичан. Мы с трудом привыкаем к мысли, что история мира творилась не только на улицах городов и сельских просторах Западной Европы, но и в многонаселенных и древних районах кхмеров и чжуан, малайцев и ицзу Восточной и Юго-Восточной Азии.

Южное Чжао — государство средневековья — оказало большое влияние на историческое развитие многих народов, живших к югу от Янцзы и на Индокитайском полуострове. Его существование, его социальный строй способствовали развитию классовых отношений у соседних народов, сложению их государственности, что особенно сказалось на истории древних вьетнамцев, чжуан и мяо.

Д. Г. САВИНОВ

К ВОПРОСУ ЭТНОГЕОГРАФИИ СЕВЕРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПРЕДМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

В советской этнографической науке разработано понятие историко-этнографической области — территории, население которой в результате длительного совместного проживания и культурных связей обладает близким обликом этнографической культуры. Если оперировать крупными регионами, то, кроме внешних проявлений культуры, историко-этнографическая область характеризуется единством исторического развития у народов различных культурно-хозяйственных укладов. В пределах одной области может образоваться несколько этнополитических ареалов, смешанных в культурном и этническом отношении, но входящих в какие-то государственные образования или имеющих свою политическую ориентацию. Устойчивость связей между этими ареалами определяет стабильность именно данной историко-этнографической области.

Эти понятия одинаково применимы и для уровня этнографической современности и к археологическим памятникам, особенно эпохи средневековья, где одинаковую роль играют археологические, этнографические и письменные источники. Основой такого комплексного рассмотрения является палеоэтнография, т. е. восстановление древних этнополитических ареалов и характера связей между ними.

С этой точки зрения в истории севера Центральной Азии наименее изученным остается предмонгольское время (XI—XII вв.). Это связано со значительным перемещением племен и народов

на рубеже II тыс. н. э. и тем, что древнетюркская этногеография, за исключением некоторых наиболее важных и древних этнонимов, почти не смыкается с монгольской. Монгольская историческая традиция, представленная в основном трудами Рашид ад-дина и «Сокровенным сказанием», знает уже совершенно иное расселение народов, в том числе и прежних. В настоящее время благодаря работам Л. П. Потапова, Л. Р. Кызласова, Н. А. Сердобова и других советских исследователей положение изменилось и многие вопросы этногеографии этого времени решены.[1]

Суммируя выводы и материалы этих исследователей, на севере Центральной Азии можно выделить несколько этнополитических ареалов, взаимоотношения между которыми во многом определили судьбу Южной Сибири: территория монголов, территория найманов, страны кыргызов и Баргуджин-Токум.

Первоначальная область расселения монголов охватывала долины рек Керулена, Онона и Толы в северной Монголии. Восточную Монголию (от озера Буир-Нур) занимали татары. Наиболее западным монгольским народом были кераиты, которые в верховьях Орхона граничили с найманами.

Территория найманов охватывала Монгольский Алтай от верховий Иртыша до верховий Орхона и прилегающие районы северо-западной Монголии. На юге они граничили с уйгурами, на севере с кыргызами. Найманы постепенно занимали территорию Южной Сибири, присоединяя районы, ранее входившие в состав государства кыргызов.

Государство кыргызов занимало в это время меньшую территорию, чем в IX—X вв. Приобрела самостоятельность страна Кем-Кемджиут (Тува), поэтому южная граница проходила в это время уже не по Танну-Ола, а, как и прежде, по Западным Саянам. Северная граница государства кыргызов доходила до места слияния Ангары и Енисея; восточная, вероятно, проходила по склонам Восточных Саян, включая район озера Косогол. Здесь находились подвластные кыргызам племена, наиболее крупное из которых — туматы.

Специально следует остановиться на вопросе местоположения области Баргуджин-Токум, используя при этом в основном данные Рашид ад-дина. Название это объясняется из этнонима баргут — страна баргутов, предков современных бурят. Тот же этноним лежит в основе названия р. Баргузин. Из народов, населяющих эту область, упоминаются, кроме баргутов, туматы, кори, теленгуты, урасуты и «множество других племен: ойрат, булагачин, кэрэмучин и другое племя, которое называют

---

[1] Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. Изд. Московск. ун-та, 1969; Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971.

хойин-урянха».[2] Все эти племена, по классификации Рашид ад-дина, относятся к народностям, «которых называют в настоящее время монголами, однако в начале их название не было таковым». (Рд, т. I, кн. 1, с. 77). Этим они отличаются от народов, «которые не столь давно получили имя монголов» (кераиты, найманы, кыргызы и др.). Очевидно, здесь идет речь о разных хронологических уровнях: наиболее раннем, когда существовала самостоятельная область Баргуджин-Токум, а юртом монголов «были долины рек Онона, Кэлурена и Тоглы» (XI—XII вв.); среднем, когда происходило присоединение территории найманов и кыргызов (конец XII — начало XIII в.) и позднем, когда монгольский «юрт простирается от пределов страны уйгуров до границ Хитая и Джурджэ в тех областях, которые ныне называют Могулистан» (Рд, т. I, кн. 1, с. 153).

Локализация области Баргуджин-Токум в литературе решается по-разному. Г. Е. Грум-Гржимайло считал, что это Саяны и северные пределы Хангая.[3] Большинство современных авторов помещает ее в Прибайкалье, указывая на Байкал «как естественный центр древней родины бурят-монголов».[4] С. И. Вайнштейн и Н. А. Сердобов присоединяют к ней также юго-восточную Туву (верховья Малого Енисея).[5] В «Истории Бурят-Монгольской АССР» Баргуджин-Токум занимает не только район Байкала, но и значительную часть Восточной Сибири до среднего течения Ангары, но не включая верховьев Енисея.[6] По мнению Б. Барадина, приведенному в работе Б. Бамбаева, «бурят-монгольские племена обитали преимущественно в лесных и горных районах нынешнего Забайкалья».[7]

Последнее определение более всего соответствует данным самого Рашид ад-дина, который помещал Баргуджин-Токум «выше Селенги, на востоке Монголии» (Рд, т. I, кн. 2, с. 111). Баргутов, кори и туласов он помещает «на той стороне Селенги, на самом краю местностей и земель, которую населяют монголы и которая называется Баргуджин-Токум» (Рд, т. I, кн. 1, с. 121). «Туматы жили в пределах страны кыргызов... поблизости вышеназванной местности Баргуджин-Токум» (Рд, т. I, кн. 1, с. 122). «У самого края страны кыргызов» находились также в Баргуджин-Токум кэрэмучины и булагачины. Часть туматов прожи-

---

[2] Ад-дин Рашид. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.—Л., 1952, с. 121. — В дальнейшем ссылка на Рашид ад-дина в тексте (Рд, т. I, кн. 1, с. 121).

[3] Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926, с. 415—416.

[4] Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). Л., 1937, с. 28.

[5] Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961, с. 29—30; Сердобов Н. А. Указ. соч., с. 118.

[6] История Бурят-Монгольской АССР, т. I. Улан-Удэ, 1954, с. 40.

[7] Бамбаев Б. Б. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа.— «Бурятиеведение», 1929, № 1—2, с. 118.

вала и в Баргуджин-Токум, поэтому граница между страной кыргызов и Баргуджин-Токум должна была проходить скорее всего по их территории между Косоголом и Байкалом.

В качестве естественной границы между территорией монголов и Баргуджин-Токум Рашид ад-дин неоднократно называет Селенгу. В этом отношении наиболее показательно обращение к монголам во время войны с меркитами: «Как только они придут с (реки) Кара-Селенги, которая является их стойбищем, к Кара-Онону, нашему стойбищу...» (Рд, т. I, кн. 2, с. 40). Меркиты жили в верховьях Селенги. После разгрома найманов, с которыми они были в союзе, хан меркитов Токтай и его сыновья бежали вниз по Селенге в Баргуджин-Токум.

Прямых свидетельств о вхождении северного Прибайкалья в Баргуджин-Токум нет. Озеро Байкал не упоминается в монгольских источниках. Раньше Восьмиречье, место обитания туматов и позднее ойратов, помещалось в Приангарском крае (Ангара с западными притоками), поэтому центр Баргуджин-Токум естественно помещался в северном Прибайкалье. При этом оставалась непонятной «близость к упомянутым областям кыргызов».[8] Сейчас твердо установлено, что Восьмиречье — это Секиз-Мурэн, верховья Малого Енисея. При такой локализации близость Баргуджин-Токум к стране кыргызов совершенно очевидна. Относительно Ангары сообщается только, что на ней «живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун. Границы его расселения в настоящее время находятся...» (Рд, т. I, кн. 1, с. 102). Дальше границы не уточняются. Сведения о совместном проживании по низовьям рек, впадающих в Ангару, татар, дурбан и салджиут вряд ли достоверны. Создается впечатление, что районы севернее Байкала были известны Рашид ад-дину в значительно меньшей степени, чем Баргуджин-Токум и, возможно, не входили в эту область.

Таким образом, область Баргуджин-Токум должна была охватывать территории южного Прибайкалья, Западного и Центрального Забайкалья. Южная граница области, вероятно, проходила по Яблоневому хребту или хребту Черского, примерно по линии современных Чита — Кяхта. На востоке она включала район Баргузина. По своим ландшафтным особенностям это преимущественно горно-таежные районы с заходящими сюда языками монгольских полупустынь.

В этническом и хозяйственном отношении в Баргуджин-Токум проживало смешанное население, которое источники называют «лесными народами». Совершенно прав Г. Н. Румянцев, считая, что «термин „лесные народы" применялся Рашид ад-дином, а также, очевидно, его современниками преимущественно для характеристики места обитания того или иного племени, но

---

[8] Там же, с. 123—124.

не специфики его хозяйства».[9] Во всяком случае на 95 нойонов-тысячников, назначенных на Курултае 1206 г. из монголов, приходилось столько же и из «лесных народов». Вряд ли это могло иметь место, если бы под «лесными народами» понимались только охотники и рыболовы, стоящие на более низкой ступени общественного развития. В Баргуджин-Токум проживали, конечно, и скотоводческие племена (баргуты, меркиты, теленгуты), близкие по своему социально-экономическому уровню монголам и поэтому хорошо им известные. Дальше за Байкалом лежала неведомая для кочевников восточносибирская тайга.

Область Баргуджин-Токум имела большое значение в ранней истории монголов и народов Южной Сибири, впоследствии вошедших в состав Улуса Чжучи. Говоря о тайджиутах, о которых в другом месте прямо сообщается, что они живут в верховьях Селенги, Рашид ад-дин помещает их «между страной монголов, кыргызов и баргутов» (Рд, т. I, кн. 1, с. 123), устанавливая тем самым непосредственное соседство и равноправие этих областей.

Конкретных сведений о походах монголов в Баргуджин-Токум не имеется, хотя они, вероятно, и были. Источники говорят в основном о продвижении монголов на Запад и в связи с этим неоднократно называют Селенгу. В описании страны кыргызов говорится, что «Кэм-Кэмджиут (Енисей с притоками) большая река, и одной стороной она соприкасается с областью монголов и одна ее граница с рекой Селенгой» (Рд, т. I, кн. 1, с. 150). Действительно, самые верховья Малого Енисея (Шишхид-Гол) почти непосредственно в районе озера Косогол смыкаются с верховьями притоков Селенги. По этим рекам прошел Чжучи «по льду через Селенгу и другие реки, которые замерзли, и захватил область кыргызов» (Рд, т. I, кн. 1, с. 123). Перед этим Нока (начальник передового отряда) «обратил в бегство кыргызов и вернулся назад от восьмой реки» (Рд, т. I, кн. 1, с. 151). Возможно, этим путем шел сначала и сам Темучин во время войны с Буюрук-Ханом найманским, потому что по дороге его «передовые части наткнулись на племя ойрат... оно покорилось, показало дорогу» (Рд, т. I, кн. 2, с. 151—152). Племя ойратов в то время обитало в Восьмиречье. Селенга имела большое значение и в дальнейшей войне с найманами и меркитами — бегство меркитов по Селенге в Баргуджин-Токум, упоминание Идэр-Алтая по пути к Иртышу (Идэр — один из притоков Селенги) и др.

Таким образом, система Селенга — верховья Енисея является наиболее вероятной связующей артерией между разными областями севера Центральной Азии и Южной Сибири в предмонгольское и монгольское время. Этот путь, минуя Бар-

---

[9] Румянцев Г. Н. Некоторые проблемы истории культуры монголов XII—XVII вв. — Тр. Бурятск. ин-та обществ. наук, вып. 3. Улан-Удэ, 1968, с. 149—151.

гуджин-Токум, неоднократно использовался монголами при военных походах, по нему же, очевидно, происходило и переселение каких-то этнических групп под давлением монголов из Баргуджин-Токум в Саяно-Алтай. Так, ойраты упоминаются среди народов и Баргуджин-Токум и Восьмиречья. Теленгуты и урасуты, прежде жившие также в Забайкалье, оказываются «по ту сторону страны кыргызов на расстоянии одного месяца пути» (Рд, т. I, кн. 1, с. 123). Интересно упоминание в «Сокровенном сказании» Телегетуйских падей, где находилась половина людей и скота Ван-Хана кераитского, где-то в районе Иртыша, возможно, в местах современного проживания теленгитов (Восточный Алтай).[10]

[10] Сокровенное сказание, т. I. М.—Л., 1941, с. 126—136.

Б. П. ШИШЛО

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТА ПРЕДКОВ

В современной этнографии культ предков изучен гораздо меньше, чем другой стадиально предшествующий ему институт первобытной эпохи — тотемизм. Особенно неясной остается проблема происхождения культа предков вообще и сущности его у разных народов, хотя понятие «культ предков» употребляется повсеместно в литературе.

Многие авторы до сих пор считают, что культ предков вырастает из представлений о душе (духе) умершего и не делают различия между почитанием умерших и культом предков,[1] хотя на принципиальность такого разграничения справедливо указывали крупнейшие этнографы.[2] Устаревший подход к сложной проблеме характерен и для большинства зарубежных исследователей, а упрощенная формула, приравнивающая культ предков к поминальным трапезам на могиле или кормлению символических изображений умерших, встречается в последних капитальных трудах по истории религии,[3] в специальных справочни-

[1] Денисов П. В. Религиозные верования чувашей. Чебоксары, 1959. с. 46; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967, с. 347; Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 318—337, и др.

[2] Харузин Н. Этнография, т. IV. СПб., 1905, с. 225; Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936, с. 347; Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, с. 197.

[3] Heiler F. Erscheinungsformen und Wesen der Religion. — In: Die Religionen der Menschheit. Bd. I. Stuttgart, W. Kohlhammer Verl., 1961, s. 427.

ках[4] и в новейших энциклопедиях.[5] Следует заметить, что, вероятно, именно неверное истолкование полевыми исследователями обычая изготовления изображений умерших в Сибири дало повод, например, Р. Лоуи говорить о распространении в этом районе культа предков почти в той же степени, как в Китае и в Африке,[6] что, конечно, неверно.

Рассматривая связи, несомненно существующие между культом предков, представлениями о душе и погребальными обрядами, необходимо обратить внимание на следующее. Во-первых, если типологически сходные древние представления о душе (душах) имеются у народов, стоящих на разных ступенях развития,[7] то в отличие от них именно погребальный обряд, практически выражающий отношение к умершему, способен фиксировать уровень общественной дифференциации (но также и психологическое осмысление различных причин, вызывающих смерть). Во-вторых, если представления о душе и погребальные обряды, как первобытные артефакты культуры, этнографы отмечают по всей ойкумене, то культ предков распространен не везде и является «далеко не первобытным явлением».[8] Отношение, в котором друг к другу находятся культ предков и погребальный обряд, лучше всего рассматривать как антиномию. Культ предков появляется благодаря развитию погребальных обрядов, потому что базируется на вере в посмертное существование человека. В то же время культ предков возникает вопреки погребальным обрядам, конечная цель которых всегда в прекращении всяких связей между умершим и родственной группой, тогда как в культе предков такие связи не только не прерываются, но даже усиливаются.

До сих пор большинство исследователей считают культ предков формой религиозных верований. Эта традиция во многом восходит к теории Г. Спенсера, евгемеристический характер которой подвергался критике, однако, и сейчас в заслугу Спенсеру ставят то, что «он обратил внимание на универсальность культа предков»,[9] хотя здесь нужно видеть другую его ошибку. Религиозные аспекты культа предков часто подчеркивались, а иногда и преувеличивались. Так, один из авторов писал: «Без культа предков первобытные общности не могли бы существовать и социальная жизнь для первобытных людей была бы невозможна».[10]

---

[4] Wörterbuch der Religionen. Stuttgart, Alfred Kröner Verl., 1962, c. 13.

[5] Brockhaus Enzyklopädie in zwanzig Bänden. Bd. I. Wiesbaden, 1966, 17. Aufl., c. 234.

[6] Lowie R. Primitive religion. N. Y., 1936, c. 174.

[7] Paulson I. Die primitive Seelenvorstellungen der nordeurasischen Völker. Stockholm, 1958.

[8] Токарев С. А. Указ. соч., с. 266.

[9] Kowalski S. Spor o religie pierwotna. Iskry. Warszawa, 1966, c. 74.

[10] Visscher H. Religion und soziales Leben bei den Naturvölkern. Bd. II. Bonn, 1911, c. 280.

Виднейший советский этнограф Л. Я. Штернберг, задавая вопрос о том, может ли культ предков «действительно считаться религией», отмечал, что это явление «мы находим... там, где существует патриархальный строй, где глава семьи еще при жизни пользуется особым престижем среди своих детей, где главы семей являются лицами с огромной властью, с правом жизни и смерти над своими детьми и прочими членами своей семьи, и это чувство подчиненности, страха перед главой семьи переносится на него и после смерти».[11] Ту же мысль позже повторил и А. Ф. Анисимов. Но не следует думать, что переход к патриархату был автоматически связан с непременным возникновением культа предков.

При определении истоков зарождения рассматриваемого явления возникает много нерешенных проблем. Еще Лёббок писал, что «культ человека не может явиться в совершенно неразвитых обществах, потому что вожди их, находясь в постоянных сношениях с приближенными, лишены таинственности, требуемой религией». Полная сакрализация власти, которую мы действительно видим при развитом культе предков, некоторыми исследователями рассматривается даже как непременное условие возникновения «высоких культур».[12] Но какие общества считать неразвитыми? Г. Спенсер полагал, что «душевная природа и общественный прогресс стоят на самом низком уровне» у кочевых групп, «оставляющих далеко за собою те места, где зарыты их умершие члены».[13] Мнение о несовместимости «сколько-нибудь значительной цивилизации с кочевым бытом», высказывавшееся и многими советскими историками, сейчас преодолено.[14] Поэтому речь должна идти о целесообразности социальных структур, приспособленных к условиям жизни, и об их изучении.

С. М. Абрамзон утверждает, что генеалогические предания у кочевников «целиком исходят из культа предков».[15] Однако в более ранней работе он называл полулегендарные и оторванные от реальной жизни генеалогические схемы отражением классовой идеологии и называл «совершенно безнадежными» попытки реконструировать на их основании родоплеменные структуры, так как «родовое» имя мог навязать целому объединению скотоводов тот или иной феодал. Следует учитывать также, что «традиционный метод генеалогической реконструкции», как пишет Л. П. Лашук, «довольно слабо» увязывается «с историко-со-

---

[11] Штернберг Л. Я. Указ. соч., с. 347.

[12] Nachtigall H. Das sacrale Königtum bei Naturvölkern und die Entstehung früher Hochkulturen. — Zeitschrift für Ethnologie, Bd. 83, H. 1. Braunschweig, 1958, c. 34—44.

[13] Спенсер Г. Основания социологии, т. I. СПб., 1876, с. 303.

[14] Семенюк Г. И. О характере и причинах застойности кочевых скотоводческих обществ. — Тюркологический сборник. М., 1970, с. 223—237.

[15] Абрамзон С. М. Указ. соч., с. 337.

циологическим подходом к изучаемым явлениям».[16] Тот же автор отмечал, что «генеалогические предания служат важным элементом в определении этнического родства племен»,[17] этим же целям они несомненно отвечали и у народов, не имевших культа предков. Истоки же генеалогических преданий, вероятно, нужно усматривать в экзогамии.[18]

В Средней Азии, как показывают новые исследования, генеалогические схемы часто отражали представления о мнимом родстве. В обрядовой сфере у кочевников Средней Азии можно заметить некоторые черты, свойственные культу предков. Но необходимо отметить при этом и влияние земледельческого населения данного района, у которого культ предков представлял собой прочный социально-религиозный институт.[19] Показательно, что черты пиэтета по отношению к умершим совершенно отсутствовали у тюркоязычных народов Саяно-Алтая, которые с определенного момента развивались в иной социокультурной среде, чем родственные им киргизы и казахи. То явление, которое некоторые этнографы по традиции однозначно характеризуют как культ предков, можно точнее определить как контаминацию погребального культа с культом вождей и героев, а последний вовсе не тождествен культу предков и не всегда приводил к нему.[20]

При взгляде на этническую карту Евразии бросается в глаза, что культ предков является характерным именно для оседлого земледельческого населения.[21] Этот социально-религиозный институт имелся, в частности, у всех финноязычных народов, причем, как правильно отметил Н. Ф. Мокшин, «культ предков у восточнофинских (и у западнофинских также— *Б. Ш.*) народов возникал тогда, когда они уже выделившись из единой этнической общности, стали развиваться своеобразно, исходя из собственных жизненных условий».[22] Эти «собственные условия» и были специфическими факторами социального развития, на основе которых трансформировался культ умерших, достигший определенного развития еще в эпоху финно-угорского этно-культурного единства.

---

16 Лашук Л. П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников. — СЭ, 1967, № 4, с. 25.

17 Лашук Л. П. О формах донациональных этнических связей. — «Вопросы истории», 1967, № 4, с. 82.

18 Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969, с. 151.

19 Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

20 Pamsdell E. T. Ancestor worship.— In: Encyclopedia of Religion. N. Y., 1945, с. 21.

21 Значение земледелия в формировании культа предков как новой формы религии подчеркнул, например А. П. Каждан в книге «По этапам первобытных верований» (М., 1967, с. 14).

22 Мокшин Н. Ф. Культ предков как одна из форм религиозных верований финноугорских народов Поволжья. — Тез. докл. на 3-м Международном конгрессе финно-угроведов, т. II. Таллин, 1970, с. 82.

Что социальные факторы в конечном счете играли определенную роль в образовании рассматриваемого института, показывает и этнография нанайцев. Отсутствие у них культа предков отмечали столь разные авторы, как И. А. Лопатин и А. П. Липский.[23] В своем интересном исследовании Г. Рэнк правильно писал о превращении у некоторых групп нанайцев культа умерших в культ предков,[24] но он не подчеркнул, что это происходило в условиях насильственного переоформления маньчжурами автохтонных социальных структур.[25]

Таким образом, сравнительный анализ общественного строя и семейно-родовых обрядов у разных народов позволяет рассматривать культ предков как сложную систему, в которой древние идеологические элементы (погребальный обряд, представления о душе, культ плодородия и т. д.) преобразовывались под влиянием социальных условий, и, преобразуясь, сами скрепляли прочность той структуры, в основание которой легли. Для понимания сущности культа предков оказываются многозначительными слова К. Маркса о том, что религиозная сущность человека «в своей действительности... есть совокупность всех общественных отношений»,[26] если учитывать также и то, что «раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен».[27]

Конкретно-жизненные основы культа предков могут выявиться отчетливее, если исследователи будут рассматривать не только осколки первобытных верований, но и обратят более серьезное внимание на социальные реликты этого самого консервативного института прошлого. Социальное значение и последствия господства культа предков не следует преуменьшать. В эпоху становления империалистической Японии традиции культа предков позволили шовинистам выдвинуть идею о том, что вся страна «представляет собой как бы гигантскую сверхпатронимию во главе с императором».[28] Без учета того, что в Китае на протяжении тысячелетий существовал в классической форме культ предков, канонизированный Конфуцием и возведенный в ранг государственной религии,[29] невозможно понять и характер происходящих сейчас в этой стране событий.

---

23 Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922, с. 294; Липский Н. А. Использование этнографии для интерпретации археологических материалов. — СЭ, 1966, № 1, с. 109.

24 Ränk G. Die heilige Hinterecke in Hauskult der Völker Nordeuropas und Nordasien. — FFC, Nr 137. Helsinki, 1949, с. 180—181.

25 Сем Ю. А. Родовая организация нанайцев и ее разложение. Владивосток, 1959, с. 15—20.

26 Маркс К. Тезисы о Фейербахе.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 3.

27 Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 315.

28 Арутюнов С. А. Современный быт японцев. М., 1968, с. 44.

29 Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.

Это обстоятельство сейчас осознается в полной мере.[30] Во многих странах современной Африки концепции «культурной самобытности» также подразумевают неприкосновенными такие традиционные устои, как власть вождей, культ старейшин и т. д.[31] Необходимо учитывать, что и после разрушения основ, на которых покоился культ предков, его наследие обнаруживается не только в частично сохраняющейся обрядовой сфере, скажем, в поминальной надстройке погребального обряда, но и в явлениях, изучаемых социальной психологией.[32]

Таким образом, исследование культа предков представляет не только теоретический интерес для историков первобытной культуры, но позволяет специалистам в области современных социальных наук серьезнее оценить те явления, которые иногда легковесно заносят в разряд не слишком принимаемых в расчет «пережитков».

---

[30] Федосеев П. О идейно-политической сущности маоизма.— «Правда», 1971, 5 дек.

[31] Ерасов Б. С. Концепция культурной самобытности в странах третьего мира. — «Вопросы философии», 1971, № 11, с. 40—51.

[32] Сванидзе И. А. Влияние социальной психологии африканского крестьянства на сельское хозяйство. — СЭ, 1971, № 5, с. 75—84.

К. Ф. САВЕЛО

О СОВЕТЕ ЗНАТИ В ДОНОРМАНДСКОЙ АНГЛИИ

(по материалам VIII — начала X в.)

Известен тот вклад, который внесли советские медиевисты-англисты в разработку проблем генезиса феодализма. Советская историография много внимания уделяет вопросам складывания социально-экономических основ господствующего класса и утверждения форм феодальной эксплуатации крестьянства. В последние десятилетия возрос интерес и к проблемам социально-политическим. И все же многое в истории раннефеодального английского государства и сегодня представлено суммарно. К числу таких недостаточно разработанных тем относится и эволюция совета знати — англосаксонского уитенагемота. Между тем история уитенагемота находится в тесной связи со становлением феодальной общественно-экономической формации, формированием господствующего класса, укреплением компетенции и расширением функций королевской власти. Общая характеристика уитенагемота была дана А. Р. Корсунским и отчасти М. Н. Соколовой. Но специального исследования это учреждение в советской историографии не имеет.

Современные зарубежные историки (П. Блэйр, Б. Лайон, Т. Олесон), отказавшись от националистических теорий, свойственных вигской школе, и отвергнув концепцию демократического устройства англосаксонского общества, отказались и от интерпретации уитенагемота как выборного «национального собрания».[1] Развивая с некоторыми оговорками выдвинутую еще Ф. Мэтландом и Г. Чэдвиком и поддержанную в основном Ф. Стэнтоном идею аристократического государства,[2] западные медиевисты трактуют уитенагемот как собрание, состоящее из «королевских советников», связанных с главой государства личными узами. Подобная характеристика уитенагемота не оставляет места для старого представления о выборности его членов и приводит к иной оценке значения этого собрания в государственном управлении.

Сторонники концепции монархии, ограниченной «национальным собранием», видели в уитенагемоте равноправное с королевской властью учреждение (Д. Кембль, отчасти У. Стэббс и Ф. Либерманн),[3] представители критического направления отходят от этого определения (Ф. Мэтланд, Г. Чэдвик). Ф. Стэнтон говорит лишь о «сотрудничестве короля с уитенагемотом», Б. Лайон, намечая границы авторитета собрания уитанов, включает в его компетенцию лишь дела, касающиеся государства в целом.[4]

Современный английский исследователь П. Блэйр, признавая за этим учреждением «значительную роль в делах управления, особенно в X—XI вв.», вместе с тем отрицает наличие у его членов решающего голоса, созыв уитенагемота связывает со стремлением короля обеспечить большую гласность своим распоряжениям.[5] Правда, за собранием уитанов признается своего рода дисциплинарная роль: сам факт существования этого учреждения и традиция «советоваться» с ним препятствовали развитию монархических тенденций и придавали англосаксонскому государству в некотором роде форму конституционной монархии (Ф. Стэнтон, П. Блэйр).[6] В итоге, уитенагемот предстает как учреждение весьма неопределенное по своей значимости.

Выработке объективного взгляда на характер этого учреж-

---

[1] Blair P. H. An introduction to Anglo-Saxon England. Cambr., 1956; Lyon B. A constitutional and legal history of medieval England. N. Y., 1960; Oleson T. J. The Witenagemot in the reign of Edward the Confessor. London, 1955.

[2] Maitland F. The constitutional history of England. Cambr., 1908; Chadwick H. M. Studies on Anglo-Saxon institutions. Cambr., 1905; Stenton F. Anglo-Saxon England. Oxf., 1943.

[3] Эту характеристику уитенагемота принимал и Д. М. Петрушевский. См.: Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937, с. 42—43; См. также: Liebermann F. The National Assembly in the Anglo-Saxon period. Halle, 1913.

[4] Stenton F. Указ. соч., с. 544; Lyon B. Указ. соч., с. 45.

[5] Blair P. H. Указ. соч., с. 217, 221.

[6] Там же, с. 221; Stenton F. Указ. соч., с. 546.

дения препятствует свойственный западным медиевистам формально-юридический подход к проблеме феодального государства и рассмотрение общественных отношений с точки зрения исключительного господства индивидуальных связей и частноправового подчинения. Кроме того, хотя изучение уитенагемота и ведется на материале источников, относящихся к довольно широким хронологическим рамкам (VII—XI в.), это, однако, не приводит к выявлению эволюции данного собрания, а разновременные детали принимаются как верные для всего периода в целом.

Разумеется, следует учитывать и скудость источниковедческой базы. Упоминания об уитенагемотах в хрониках редки и ограничиваются констатацией факта созыва собрания. Во вступлениях к «Правдам», как правило, оговаривается оформление их на собраниях уитанов, но в самом законодательстве мы не находим юридического закрепления статуса и полномочий уитенагемота. Не многим богаче материалом и грамоты, оформленные на уитенагемотах. Они в силу своей специфики характеризуют лишь причастность уитанов к оформлению земельных пожалований, завещаний и разбору земельных тяжб.

Но, думается, и имеющиеся в распоряжении исследователя материалы могут быть использованы с большей полнотой. Например, свидетельские подписи. Со свидетельскими списками в свое время работали Г. Чэдвик и Т. Олесон.

Однако еще Ф. Стэнтоном было высказано недоверие к спискам как к источнику. Это мнение нашло горячую поддержку со стороны Д. Уайтлок.[7] Исследователи справедливо отмечали, что в большинство грамот, дошедших до нас в более поздних списках, могли вкрасться по вине переписчика неточности, и особенно уязвимы в этом отношении списки свидетелей, которые могли быть намеренно сокращены. К этому побуждал и недостаток и дороговизна пергамента.

Разумеется, все это могло иметь место. Но при внимательном рассмотрении списков видно, что писцы стремились по возможности полнее представить «свидетелей» и располагали подписи не только в один-два, но и в три-четыре столбца, иногда буквально втискивая между ними явно не умещающиеся колонки с именами. В других грамотах, напротив, подписи обрываются при наличии свободного места. Добавим еще, что эти подписи едва ли не единственный источник свидетельствующий о социальном, численном и поименном составе собрания уитанов.

Изучение свидетельских подписей показывает, что на протяжении VIII — начала X вв. меняется социальный и численный состав уитенагемота. Из 15—30 человек общего количества уитанов в собраниях VIII — первой трети IX в. более половины

---

[7] Whitelock D. Engl. Hist. Rev., vol. LXXI, No 281, 1956, c. 640—641; Рец. см.: Oleson T. J. Указ. соч.

составляло духовенство — архиепископы, епископы, аббаты.[8] В преобладании духовенства нашла естественное отражение роль христианства в процессе становления раннефеодального государства. Церковь составляла единое целое с формирующейся государственной организацией. И духовенство неотъемлемой частью входило в органы местного (народное собрание) и оформляющегося центрального управлений, помогая феодальному государству в проведении его классовой политики и пользуясь в то же время защитой и покровительством со стороны этого государства.[9] И уитенагемот — совет знати, мог быть одновременно и собранием духовенства.

Второй элемент в собрании — светский. Это члены королевской семьи, элдормены и иногда лица без титула. В списках свидетелей грамот VIII — начала IX в. бросается в глаза отсутствие подписей тэнов (министериалов). Впервые среди свидетелей грамот, оформленных на уитенагемотах, тэны появляются в 30-е годы IX в., к середине столетия они постоянные члены этих собраний. К этому же времени становится особенно заметной и проявившаяся уже к началу IX в. тенденция к росту светского элемента в уитенагемоте. В середине IX в. из общего числа уитанов, равного в среднем 30, духовенства было 4—5 человек, элдорменов 5—7, а тэнов — 14—20.[10] В первые десятилетия X в., когда уитенагемоты становятся особенно многолюдными (по 40, иногда и 60—100 человек), это соотношение сохраняется. Например, из 100 уитанов собрания 931 г. представителей духовенства было 24, элдорменов — 15, тэнов — 59; из 69 членов собрания 932 г. было 23 лица духовного звания, 15—элдорменов, 47—тэнов; из 90 членов уитенагемота 934 г. — 23 представителя духовенства, 12 — элдорменов и 52 — тэна.[11] Если судить по подписям, то состав собраний уитанов и в первые десятилетия X в. мало менялся не только на протяжении одного, но и двух-трех лет.[12]

В свое время мы уже отмечали, что рост численности уитенагемотов был связан не столько с расширением границ англосаксонского государства, как это полагает П. Блэйр, сколько с глубокими социально-экономическими сдвигами.[13] Именно

---

[8] Cartularium Saxonicum. A collection of charters relating to Anglo-Saxon history. Vol. I. Ed. by W. de G. Birch. London, 1885, No 162, 274, 289, 290, 309, 313, 322, 335, 378 (742—825 гг.).

[9] Корсунский А. Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1968, с. 164—168; Соколова М. Н. Возникновение феодального землевладения и класса феодалов в Англии VII—X вв. — В кн.: Средние века, вып. 12. М., 1958, с. 26.

[10] Cartularium Saxonicum, vol. II. London, 1887, No 430, 445, 468—470, 503, 509, 513, 538.

[11] Там же, № 667, 689, 702.

[12] Там же, № 674, 675, 677. Ср. № 689, 690, 692.

[13] Савело К. Ф. К вопросу о природе и роли уитенагемота в IX—X вв. — XXIII Герценовские чтения. Исторические науки, вып. 2. Л., 1970, с. 112—114.

в конце IX—начале X в. особенно заметным становится процесс феодализации в Англии. Это, естественно, нашло отражение в разных сферах: в трансформации старых (фольклэнд) и утверждении новых форм собственности — собственности феодального типа,[14] в складывании категорий зависимого крестьянства и господствующего класса, в руках которого постепенно сосредоточивается власть над населением формирующейся вотчины и общеполитическое верховенство. Роль служилой знати в оформляющейся системе королевских должностных лиц, привлекаемых к управлению государством, начинает проявляться с наибольшей очевидностью. Обязанности королевских служащих (еще в VIII в. в основном слуг и телохранителей короля) включают, помимо военной повинности, фискальные, административно-полицейские, судебные полномочия, расширявшиеся за счет наступления на компетенцию органов местного самоуправления.

Правда, применительно к VIII и даже к IX—началу X в. мы не можем говорить о четком распределении функций среди королевских служащих из числа элдорменов и тэнов, что связано с незавершенностью процесса формирования сословий и системы вассалитета. Это нашло выражение в отсутствии в витенагемоте элемента субординации (в среде его светской части).[15] Все члены собрания обозначаются одним термином — «witan», или его латинскими эквивалентами.[16]

Следовательно, утверждение в составе витенагемота светской знати (особенно тэнов) явилось непосредственным отражением тех изменений, которые произошли в структуре формирующегося господствующего класса. И под действием этих изменений совет витанов — совет мудрых (народное собрание германцев эпохи переселения), сохраняя архаичное название, утрачивает свой первоначальный характер.

Особые трудности представляет вопрос о деятельности витенагемота. Сведения на этот счет скудны — редкие упоминания в источниках об участии витанов в рассмотрении отдельных вопросов. Суммируя эти свидетельства (для VII—XI вв.), некоторые исследователи (Ф. Либерманн, Ф. Стэнтон и др.) характеризуют витенагемот как учреждение с довольно широкими полномочиями, признавая за ним право назначать на церковные должности, санкционировать налоги, решать вопросы внутренней и внешней политики, избирать и смещать короля, состав-

---

[14] Гуревич А. Я. Англосаксонский фольклэнд и древненорвежский одаль (опыт сравнительной характеристики форм землевладения). — В кн.: Средние века, вып. 30. М., 1967, с. 63, 76, 80.

[15] Liebermann F. The National assembly in the Anglo-Saxon period, с. 33.

[16] Правда, витаны ставят свои подписи в определенной последовательности: король, архиепископы, члены королевской семьи, епископы, элдормены, аббаты, тэны.

лять законы, право оформлять земельные пожалования, разбирать земельные тяжбы и иные юридические казусы.

Но источники дают лишь отдельные примеры смещения уитенагемотом с должностей епископов (VII—VIII вв.) и объявления вне закона светских магнатов (конец X — начало XI в.). Ранние упоминания о санкционировании уитанами налогов («датские деньги») приходятся на конец X в., однако обычай «откупаться» от датчан широко практиковался и в IX в. Не менее скупы и сведения о внешнеполитической деятельности уитенагемота, а документ, подобный договору Уэссекса с датчанами, который «заключили и клятвой верности скрепили король Альфред и Гутрум, все английские уитаны и все население Восточной Англии»[17], для рассматриваемого периода — единственный в своем роде. Подобные свидетельства могут быть использованы скорее иллюстративно. И мы склонны разделить мнение о том, что эти вопросы могли оказаться в центре внимания уитенагемота, но не были его прерогативой.[18]

Дискуссионным является и тезис о праве уитанов избирать короля. Источники позволяют говорить о существовании правящей фамилии, в Уэссексе она прослеживается с конца VII в. Нам неизвестен порядок наследования престола. Ясно лишь, что принцип первородства решающей роли не играл. Обычная формула, к которой прибегал хронист, сообщая о вступлении короля на престол — «feng to rice» (принял или взял королевство). Но в некоторых латинских источниках (хроники, хартии) с X в. появляется в ряде случаев формула «elegerunt», «rex electione optimatum».[19] Эти формулы, а также единичные упоминания о низложении короля уитанами (в хрониках, в поэме «Беовульф») и используются рядом исследователей для обоснования положения об избрании короля у англосаксов.[20]

Но характер материала источников склоняет к мысли, что если в рассматриваемую эпоху (VIII — начало X в.) и существовал обычай «избирать» короля, то он носил скорее формальный характер и был данью обрядности.[21] И только в ситуации экстраординарной (например, при смуте) формальный обряд мог обернуться реальностью.

Более последовательно прослеживается причастность уитенагемота к оформлению земельных пожалований. В ряде грамот (VIII — начало X в.) засвидетельствованных уитанами, имеются формулы: «cum testimonio et licentia seu consensu», «cum con-

---

[17] Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. I. Halle an der Saale, Aelfred und Guthrum, 1898—1903, I, c. 126.

[18] Blair P. H. Указ. соч., с. 198; Lyon B. Указ. соч., с. 51.

[19] Monumenta Historica Britannica. Vol. I. Ed. by H. Petrie. London, 1848, Chronicon Aethelweardi an. 900.

[20] Stenton F. Указ. соч., с. 546.

[21] Liebermann F. The National assembly in the Anglo-Saxon period, c. 54; Blair P. H. Указ. соч., с. 198—199.

silio», «mid gewitnesse», «mid getheahte et mid gethafonge» («при свидетельстве, с разрешения и согласия», «при свидетельстве», «по совету и с согласия» уитанов).[22] Наличие подобных формул в документах и дало основание для утверждения о необходимости санкции собрания уитанов на пожалование земли королем (Ф. Либерманн, Ф. Стэнтон, Б. Лайон, Д. М. Петрушевский, А. Р. Корсунский).

Действительно, основная масса дошедших до нас хартий имеет списки «свидетелей». Свидетельствование пожалований, земельных сделок, завещаний было обусловлено стремлением обеспечить получателю определенные гарантии. Именно так обосновывает, например, король Альфред необходимость скрепления свидетельскими подписями дарственной грамоты одному из его тэнов.[23]

Анализ грамот показывает, что оформление дарений с конца IX в. происходило чаще не на уитенагемотах, и король нередко не только жаловал землю от своего имени, но и делал это без чьей-либо санкции.[24] Эта тенденция получила дальнейшее развитие в X в. В ряде королевских хартий IX в., а в X в. и в хартиях, составленных на уитенагемотах, члены собрания выступали исключительно как «свидетели» пожалования.[25] А правомерность акта порой обосновывалась ссылкой не на «согласие» уитанов, а на королевский авторитет (например, грамота Альфреда 895 г.). И мы не располагаем документами, в которых бы оспаривались не санкционированные уитанами королевские пожалования.

Напомним, что уже в законы Альфреда вводится установление, которое признает за королем преимущественное право разбора исков об отчуждении бокленда в спорных случаях.[26] И между стремлением короля к единоличному решению вопроса о земельном пожаловании и сосредоточением в его руках права рассмотрения дел о бокленде существует несомненная связь.

В случаях, когда уитаны действительно обладали решающим голосом, формула, выражавшая это, приобретала более категоричное звучание: по «решению» уитенагемота в Глостере в 896 г. были восстановлены держательские права Вустерской церкви («так мерсийские уитаны на гемоте решили»). Сходные формулировки («собрание решило», «собрание постановило»)

---

[22] Cartularium Saxonicum, vol. II, No 430, 447, 502, 503, 506, 510, 516, 525, 551, 557, 561.

[23] Там же, № 581.

[24] Последнее обстоятельство было отмечено М. Н. Соколовой. См.: Соколова М. Н. Возникновение феодального землевладения... — В кн.: Средние века, вып. 12. М., 1958, с. 27; Cartularium Saxonicum, vol. II, No 545, 563, 565, 571, 642.

[25] Cartularium Saxonicum, vol. II, No 612, 624, 642, 663, 669, 674, 677.

[26] Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. I, Aelfred, 41, c. 74—75.

имеются в других хартиях, касающихся земельных тяжб.[27] Как правило, это конфликты, затрагивающие интересы короля и церкви. В свете изложенного, тезис о безусловном праве уитанов санкционировать земельные дарения для рассматриваемого периода не может быть принят безоговорочно.

Утверждение практики единоличной раздачи земель королем — это одно из проявлений усиления королевской власти в эпоху политической консолидации англосаксонских королевств вокруг Уэссекса. Король присваивает себе право санкционировать поборы, регламентировать торговлю. Складывается представление о том, что король обладает правом «повелевать»; расширяются функции королевской власти в области суда, административного управления, законодательства. При знакомстве с законодательными сборниками прослеживается попытка вторжения королевской власти в нормы обычного права.[28] Но какова была роль короля в составлении законов?

В самих законодательных сборниках сведения о провозглашении их на собраниях уитанов впервые появляются в «Правде» Уитреда (около 695—696 гг.): «Достойные составили эти законы с общего согласия».[29] Беда Почтенный в «Церковной истории» говорит, что Этельберт (560—616 гг.) составил законы «по совету мудрых». О составлении или оглашении законов «с согласия» (или «по совету») уитанов говорится в «Правде» Инэ (688—726 гг.), Эдмунда (около 942—946 гг.), Эдгара (вторая половина X в.), Этельреда (980—1013 гг.), Кнута (XI в.).[30]

Провозглашались уэссекские законы в большинстве от имени короля. Альфред «собрал... приказал записать... объявил все [установления] своим уитанам... и повелел выполнять»; Эдуард Старший «приказывает» герефам и прочим «служащим» соблюдать составленные предписания; Эдмунд «уведомляет весь народ» о новых установлениях.[31]

Мы не знаем какова была процедура принятия законов. Законодательный материал VII — начала X в. сложен по своей природе. Он включает нормы обычного права («Я, король... собрал и приказал записать многие из установлений наших предков», — читаем мы в «Правде» Альфреда). Вместе с тем «законы предков» подвергались корректировке: исключались статьи,

---

27 Cartularium Saxonicum, vol. I, No 378—379; vol. II, No 574.

28 Корсунский А. Р. Указ. соч., с. 135—138; Савело К. Ф. Королевская власть англосаксов и тенденция к ее укреплению в эпоху короля Альфреда. — Вестник Ленингр. ун-та, 1967, № 8, с. 70—73.

29 Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen, Bd. I, Wihtraedes. Prol., c. 12.

30 Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen, Bd. I. Jne. Prol., c. 88; II Eadmund, c. 186; II Eadgar, c. 194; I Aethelred, Prol., c. 216, Cnut., c. 275.

31 Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen. Bd. I. Aelfred, 49, §§ 9, 10, s. 46—47; I Eadweard. Prol., s. 138; I Eadmund, s. 184; II Eadmund, c. 186.

утратившие практическое значение, вводились новые, обусловленные потребностями эпохи. А новое нуждается в авторитетном обосновании. Видимо, именно поэтому и появляются в «Правдах» ссылки на авторитет предков и согласие витанов. Опираясь в законодательной деятельности на авторитет и опыт достаточно осведомленных лиц, королевская власть проявляет свою законодательную волю.

* * *

В целом материал источников показывает постепенное превращение собрания витанов в феодальный совет, утверждение в нем светского элемента — новой служилой знати (особенно тэнов) на протяжении VIII — начала X вв. Эволюция витенагемота была обусловлена изменениями в общественной структуре, а утверждение тэнов в его составе—это одно из проявлений процесса стабилизации позиций феодализирующихся элементов.

Однако свойственная эпохе незавершенность феодализации и оформления сословий сказались на структуре этого учреждения. Мы не обнаруживаем в витенагемоте, в среде его светской части, элемента субординации. А сам факт существования собрания витанов, порядок и периодичность его созыва, наконец круг и характер полномочий, официально не регламентированы и в силу этого расплывчаты и не поддаются четкому определению.

Применительно к изучаемому периоду, видимо, можно говорить о противоборстве двух тенденций. Рост социально-экономических и социально-политических позиций новой знати, способствовавший ее утверждению в составе витенагемота, должен был укрепить положение и правомочность этого учреждения. Следует учесть и, вероятно, еще сохраняющиеся архаичные представления о собрании витанов — народном собрании, органе управления догосударственной эпохи. И поэтому в отдельные периоды англосаксонской истории в центре интересов витенагемота оказывались разнообразные вопросы (вопросы войны и мира, назначение на должности, утверждение налогов, осуществление правосудия, составление законов). Но крепнущая королевская власть, объективно заинтересованная в упрочении новых поземельных и общественных отношений, с одной стороны, берет под свою защиту и покровительство складывающийся класс феодальных земельных собственников, с другой, стремится контролировать эти новые отношения и поставить предел на пути утверждения экономической и политической самостоятельности знати. Все это и обусловило зыбкость позиций совета знати на данном этапе.

Рост самостоятельности и расширение компетенции королевской власти за счет наступления на права архаичных учреждений приводят к постепенному отстранению витенагемота (особенно с конца IX — начала X вв.) от распределения земель-

И только при разборе тяжб (главным образом касающихся короля и церкви) воля уитанов проявляется с достаточной определенностью .Но как бы ни было зыбко положение уитенагемота и нечетки его функции, несомненно, собрание англосаксонской знати это не просто собрание воинов, а политическое учреждение.

В. В. ШТОКМАР

ПУРИТАНЕ И ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИЙСКОЙ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII в.

Для понимания социальной природы и исторической роли английского абсолютизма существенное значение имеет изучение его церковной политики. Она не в меньшей степени, чем что-либо другое, отражает подлинное отношение монархии к определенным социальным кругам. Общеизвестно, что монархия Елизаветы Тюдор, использовавшая англиканскую церковь как одно из орудий государственного управления, все время вела упорную борьбу как против католиков, возглавлявших феодальную реакцию, так и против пуритан, стремившихся найти новые формы церковной организации, республиканизированной и поэтому очень опасной для короны. История этой борьбы, или история церковной политики (хотя термин скрывает за собою гораздо более широкое, нежели собственно «церковное» содержание), дает богатый материал, без которого представление об английской абсолютной монархии и о силах, поддерживающих ее и противостоящих ей, не может быть полным. Борьба монархии с католиками и пуританами идет то усиливаясь, то ослабевая, в течение всей второй половины XVI в. в зависимости от того, какая складывалась ситуация внутри государства и в международных отношениях.

Тюдоровская монархия (во всяком случае в описываемый период) вела борьбу и с той и с другой религиозной партией в основном постольку, поскольку выступления этих партий имели политический характер и угрожали существованию абсолютистской системы. Католики, возглавлявшие феодально-дворянскую реакцию и группировавшиеся вокруг Марии Стюарт, организовывали заговоры против Елизаветы Тюдор, что было чревато переменами, нежелательными для нового дворянства и буржуазии. Пуритане же требовали республиканизации церковного устройства и тем самым поднимали руку и на королевские прерогативы, и на англиканскую церковь, важнейший департамент монархии. История церковной политики Елизаветы

Тюдор была, таким образом, историей борьбы монархии с католиками и пуританами.

Особый интерес представляет заключительный период взаимоотношений тюдоровской монархии как с развивающейся буржуазной и новодворянской оппозицией, которая до поры до времени находила выражение в пуританизме, так и с феодально-католическим лагерем. Преследования пуритан и католиков шли, строго говоря, в продолжение всего елизаветинского царствования. Но в середине восьмидесятых годов, когда пуританизм начал менять свой характер и перерастать в протест против всей церковной политики государства, правительство осознало опасность этого движения и обрушило на голову пуритан жестокие кары.

Начало гонений совпало с назначением на пост архиепископа кентерберийского Джона Уитгифта в 1583 г. Церковная комиссия под его председательством вызывала лиц, подозреваемых в пуританизме, и свидетелей, брала с них присягу в верности англиканской церкви, а если они отказывались ее приносить, передавала дело в Звездную палату. Преследование пуритан явилось в какой-то мере одним из первых симптомов эволюции тюдоровской абсолютной монархии вправо. Эта политика совпала по времени с усиленным обсуждением вопроса о божественной природе епископской власти и с определенным отходом англиканских руководителей от кальвинистских положений.

С началом англо-испанской войны (1585) и особенно в связи с делом и казнью Марии Стюарт и походом на Англию «Непобедимой Армады» правительство и англиканская церковь все внимание обратили на борьбу с феодально-католическим лагерем, и отношение к пуританам на некоторое время стало более терпимым. Эти годы (1587—1588) стали временем значительного оживления пуританского движения. Когда вожди пуритан уже позднее, в 1591 г., предстали перед судом Звездной палаты, они дали показания, проливающие свет на их деятельность в эти годы. Английский историк Ниль, основываясь на неопубликованных документах Звездной палаты,[1] говорит об очень интересных показаниях бывшего викария церкви всех святых в Нортгемптоне Джона Джонсона. Джонсон сообщил о том, что в годы 1587—1588 в Нортгемптоне, который являлся рассадником пуританизма, происходил ряд важных конференций, на которых присутствовали Картрайт и другие пуританские вожди, и были приняты меры для превращения собраний священников в особые организации — «классы», которые должны действовать в разных графствах. Джонсон рассказал также о священнике Фладе, который «подобно апостолу или

---

[1] Neale J. E. Elizabeth I and her parliaments, 1584—1601. London, 1957, c. 216.

патриарху» ездил по всей стране и давал пуританам инструкции. По его совету пуританские священники Нортгемптоншира решили провести ревизию всех церквей в своем графстве, что впрочем делалось и в других графствах. Пуритане хотели закончить эту ревизию до начала парламентской сессии 1589 г., затем они хотели послать и действительно послали представителей пуританских священников в Лондон в период заседания парламента. Флад предлагал, чтобы двадцать или тридцать священников в облачении торжественно направились бы к дверям парламента и вручили петицию о разрешении религиозных диспутов. Надежды пуритан не оправдались.

Общие ассамблеи пуританских священников были особенно радикальными, когда они собирались в Лондоне: туда съезжалось много представителей крайне левого направления, а также много лишенных приходов и разжалованных священников, живших чтением лекций или милостыней сочувствующих пуританам богатых горожан. Они искали способа «стряхнуть иго антихриста и правление епископов» и рассчитывали сделать это года через полтора.[2]

В эти годы начали выходить и знаменитые памфлеты Марпрелата, направленные против англиканских епископов. История «мартинистской» организации, издававшей эти памфлеты, является одной из наиболее ярких страниц пуританского движения. Правительство почти сразу же начало принимать меры против мартинистов. Прошел ряд антипуританских процессов (процессы Ричарда Найтли, Джона Юдаля, Джона Пенри, Джоба Трогмортона и др.), но автора памфлетов так и не нашли. Ожесточенное преследование пуритан достигло своего апогея в 1593 г., когда был издан статут против пуритан («Акт об удержании подданных королевы в должном повиновении».[3] Прошли процессы вождей левой партии пуритан — индепендентов (процессы Кепинга, Трокера, Броуна, Барроу, Гринвуда) и процесс крайне левых «пророков» (дело Хэкета).[4] Заключение в тюрьму, казни, конфискации имущества и изгнание обрушились на пуритан, но, как покажет дальнейшая история, не уничтожили их. Пуритане уходят в подполье, но их проповедники незаметно делают в последующий период (правление первых Стюартов) свое дело, идеологически подготавливая народ к революции.

Для более полного понимания церковной политики английского абсолютизма середины 1580-х — начала 1600-х годов необходимо учесть также еще два обстоятельства. Это, с одной стороны, отношение правительства к католикам, и, с другой — эволюция самой англиканской церкви.

---

[2] Там же, с. 218.

[3] The statutes of the realm, 9 vols., 1810—1822; vol. IV, 35 Eliz., c. 1.

[4] Штокмар В. В. Процессы пуритан в Англии в 80-х годах XVI в.— XXIII Герценовские чтения. Исторические науки, вып. 2. Л., 1970.

Когда началась испанская война и католицизм стал ассоциироваться с испанской опасностью, оказалось, что отнюдь не все англичане католического вероисповедания являются друзьями Филиппа II. Многие из них были вполне лояльны и спешили заверить в этом королеву. Об этом прямо говорит «Петиция верных католических подданных» 1585 г.: католики заявляют, что они останутся неизменно верны королеве.[5] Однако общее усиление католической опасности и связи католиков с Марией Стюарт сделали неизбежными жестокие репрессии по отношению к католикам в 1587—1589 гг. Этот период был в то же время отмечен, как уже говорилось, некоторым ослаблением преследований пуритан.

Закрепляя свои антикатолические позиции, правительство в 1593 г., помимо акта о преследовании пуритан, провело также статут о наказании папистов.[6] Этот закон был менее суров по сравнению с законом о преследовании протестантов и предусматривал по отношению к католикам лишь конфискацию имущества и надзор местных властей. Эта сравнительная мягкость антикатолического акта указывает на определенные изменения в церковной политике Елизаветы. Пуритане в этот период считают, что архиепископ Уитгифт отдает предпочтение католикам. Объясняется эта перемена отнюдь не смягчением протестанского фанатизма в людях молодого поколения, как считает Ниль,[7] а совершенно очевидным перерождением англиканства, точнее политики англиканской церкви, вызванным тем, что сама абсолютная монархия начала утрачивать прогрессивный характер и все яснее стала ощущаться ее внутренняя близость с феодально-дворянскими элементами. Наметилось отчуждение монархии от новодворянских и буржуазных интересов. Акты 1593 г., определившие церковную политику, явились, таким образом, началом перемен, хотя в целом англиканская догматика осталась незыблемой, что подтверждается Ламбетскими статьями 1595 г., в которых все еще отчетливо проводятся кальвинистские принципы.[8]

В последующие годы, когда был избран епископом лондонским Ричард Банкрофт, формально все остается по-прежнему и принимаются энергичные меры как против пуритан, так и против католиков (комиссии для внедрения парламентских актов 1593 г., прокламации об изгнании иезуитов).[9] Но впечатление о неизменности церковной политики в эти годы обманчи-

---

[5] Historical manuscripts commission. Report on Mss in various collections. Vol. III. The Mss of Clarke-Thornhill T. B. London, 1904, c. 37—43.

[6] The statutes..., vol. IV, 35 Eliz., c. 2.

[7] Neale J. E. Указ. соч., с. 297.

[8] Historical manuscripts commission. Calendar of the Mss of Marquis of Salisbury. London, 1892—1911, pt. V., c. 478.

[9] Rymer Th. Foedera. Conventiones. Litterae. London, 1713, vol. XVI, c. 291 (1596), 385 (1589), 400 (1601), 489 (1603), 473 (1602), 572 (1604).

во. Об этом свидетельствуют документы, изданные в сборнике «The Archpriest controversy» (1597—1602 гг.).[10] Эти документы освещают интереснейшую страницу социальной истории Англии и истории церковной политики этих лет.

В годы, непосредственно предшествовавшие нападению Армады, в Англию прибыли с католической миссией многие англичане, выпускники основанной в Риме иезуитами английской коллегии. Этих посланцев иезуитов преследовали как агентов испанской партии, хотя многие из них не были врагами Елизаветы Тюдор. События 1588—1589 гг. открыли им глаза на истинные намерения иезуитов и Филиппа II. «Мирные» католики были очень недовольны действиями иезуитов, так как видели, что они сами оказались скомпрометированы в глазах правительства. Надежды на веротерпимость рухнули. Преследования католиков казались в этот период вполне оправданными в глазах каждого патриотически настроенного англичанина. Молодые выпускники английской коллегии (их называли «семинаристами») увидели, что даже те из них, кто был неповинен в политической оппозиции, оказались под угрозой пыток и смерти, тогда как инициаторы всех происпанских действий сидели в безопасности за границей. Начались споры среди английских католиков и в самой Англии и за рубежом (патриотизм англичан не мог понравиться иезуитам).

В 1598 г. старшим среди католического духовенства в Англии был назначен ставленник иезуитов Блекуэлл, что вызвало возмущение английских католиков. Иезуиты же обвинили их в раскольнической деятельности. В это время Тайный совет и лондонский епископ Банкрофт осознали, что эти раздоры среди английских католиков можно повернуть на пользу монархии. Ряд католических священников, сидящих в тюрьме, обратился с петицией к Совету.[11]

Священник Блюэт прибыл в Лондон, чтобы собрать пожертвования в пользу своих, сидящих в тюрьме, собратьев-католиков. Его опознали и доставили к епископу Банкрофту, который показал ему письма иезуитов с планами убийства королевы. Блюэт предстал перед Тайным Советом, имел аудиенцию у королевы и заверил всех, что не принадлежащие к иезуитскому ордену английские католические священники ненавидят заговоры, охотно помогут их раскрыть и верны королеве. Блюэта отправили в Рим, где он пытался доказать, что попытки насильственного восстановления в Англии католицизма приносят лишь вред английским католикам и просил отозвать иезуитов. В декабре 1602 г., уже из Парижа, Блюэт писал лондонскому епископу о своих римских переговорах и просил обо всем со-

---

[10] The Archpriest controversy, 1597—1602, 2 vols. Camden Society, 1896—1898.

[11] Там же, т. II, с. 242—244.

общить королеве. Интересна одна деталь: Блюэт пишет, что прибудет в Англию тайно, дабы не вызвать разговоров среди шумных пуритан, которые считают, что имеют право направлять политику королевы.[12] Тогда же другой, лояльно настроенный, католический священник писал лондонскому епископу, выражая благодарность от себя и своих собратьев за сочувствие и поддержку тем из них, кто не повинен в недостойном поведении по отношению к королеве и «нашей дорогой стране».[13]

Все это позволяет считать, что в конце XVI в. руководители англиканской церкви не были безоговорочными врагами католиков. Симпатии правительства также начали склоняться к католикам, хотя открыто заявить об этом было немыслимо. С началом правления Якова I это перерождение англиканизма, выразившееся во все большем отходе от кальвинистской догматики, примет уже более отчетливый характер, что непосредственно связано с изменением всей абсолютистской политики, с тем, что монархия перестала играть прогрессивную роль. Сближение с католицизмом было в этом плане весьма показательным.

---

[12] Там же, с. 230.
[13] Там же, с. 219—220.

В. Г. РЕВУНЕНКОВ

КОНФЛИКТ МЕЖДУ КОММУНОЙ ПАРИЖА И СЕКЦИЯМИ В АВГУСТЕ 1793 г.

Еще в мае и июне 1793 г. парижские секции предпринимали попытки установить свой контроль над продовольственной администрацией Коммуны, но безуспешно. С конца июля эти попытки возобновились и приняли гораздо более серьезный характер.

Продовольственная администрация Коммуны, которую возглавлял булочник Гарен, санкюлот с безупречной репутацией, и секретарем которой был Гракх Бабёф, прилагала отчаянные усилия к тому, чтобы обеспечить Париж хлебом. Но подвоз зерна и муки в столицу неуклонно сокращался, так как в стране все шире разгоралась гражданская война. Мало помогло и то обстоятельство, что Конвент разрешил парижскому муниципалитету (как и другим административным органам) производить закупки зерна не только на рынках, но и на дому, т. е. с известными накидками к твердым ценам. Хлеба в Париже не хватало. У дверей булочных пришлось установить посты Национальной гвардии, так как возникали драки из-за хлеба. На рынках толпы голодных заставляли крестьян, приезжавших

еще в Париж, продавать свои припасы по сниженным ценам, которые диктовала сама толпа. Естественно, что в этой обстановке на продовольственную администрацию Коммуны посыпались самые тяжкие обвинения, в том числе и явно несправедливые. Достаточно было поймать мошенника-булочника, который продавал на черном рынке отпущенную ему муниципалитетом муку, или обнаружить, что в мешке муки, полученном со склада муниципалитета, не хватает нескольких фунтов, чтобы делались самые далеко идущие выводы.

26 июля секция Друзей отечества потребовала в Генеральном совете Коммуны смещения и ареста Гарена и его помощника Дефавана, обвиняя их в должностных преступлениях и ссылаясь на мелкие факты, аналогичные тем, о которых мы только что говорили. 29 июля подобное представление сделала секция Арсенала. Гарен в это время вел тяжелейшую борьбу с министром внутренних дел Гара, который клал под сукно все поступавшие от продовольственной администрации Парижа предложения и старался ее опорочить. 29 июля Комитет общественного спасения отдал приказ об аресте Гарена. Потребовалось энергичное вмешательство Генерального совета Коммуны, чтобы ни в чем неповинный Гарен был освобожден.

Но еще раньше на сцене появились «умеренные», представлявшие оппозиционные Коммуне слои богатой парижской буржуазии. «Умеренные» попытались использовать беспокойство санкюлотов по поводу хлеба с той целью, чтобы вызвать движение против Коммуны и свергнуть ее.

28 июля секция Борепера, в которой «умеренные» еще сохраняли свое влияние, обратилась ко всем другим парижским секциям с предложением назначить по два комиссара, которые должны собраться в Епископстве и потребовать у Коммуны книги покупок, а также открытия и проверки складов зерна и муки. Вдохновителем этого обращения был архитектор Кошуа, друг супругов Ролан, убежденный противник всякой регламентации торговли. Принимая это обращение, секция Борепера ссылалась на право народа контролировать своих делегатов и агентов, но ее подлинную цель выдавала следующая фраза из этого документа: «Мы не для того уничтожили опеку королей и парламентов, чтобы подпасть под еще более опасную опеку».

31 июля в Епископстве собрались комиссары от 39 секций, т. е. от подавляющего большинства. Комиссары постановили потребовать от продовольственной администрации Коммуны точных сведений о состоянии снабжения и избрали комиссию из 24 человек во главе с Кошуа для осмотра и проверки всех продовольственных складов муниципалитета, а также книг покупок и доставок. На следующий день эта комиссия посетила Парижский департамент, муниципалитет и Комитет общественного спасения и информировала их о своих полномочиях. «Мы пришли сюда не для того, чтобы предложить вам обсуждать в

какой бы то ни было форме волю народа, мы принесли вам приказы тех, кто облек и вас доверием, и вам остается только повиноваться»,— заявил Кошуа в муниципалитете. С большим трудом этим трем авторитетным органам удалось добиться от комиссии согласия отложить исполнение ее требований до завершения празднеств, связанных с днем 10 августа и утверждением новой конституции.

Августовское секционное движение, возникшее на почве продовольственных затруднений, носило двойственный и противоречивый характер. Большинство секций, поддержавших требование о проверке муниципальных складов и отчетов, принадлежало к числу передовых, недовольных нерешительной и колеблющейся политикой руководства Коммуны вообще. Но руководящую роль в этом движении захватили «умеренные», которые все более раскрывали свои карты. 7 августа секция Борепера утвердила представленный Кошуа вопросник к продовольственной администрации, в котором имелись такие пункты: «1. До ноября 1792 г. в Париже всего было вдоволь. С этого момента административные органы, участвуя в конкуренции своими покупками, неизбежно мешали торговле. Какие же средства употребляли они, чтобы избежать неудобств, которые должны вытекать из этих препятствий? 2. Так как Национальный Конвент установил по желанию именно этих администраций твердые цены на зерно и этой мерой помешал безграничному росту конкуренции, то на каком основании эти администрации, пренебрегая законом, создали то, что они называют жертвами, и этими убийственными махинациями опять помешали торговле?»[1]

Иными словами, Коммуна обвинялась сначала в том, что заставила Конвент установить максимум на зерно, а затем — в нарушении самого максимума: чтобы достать хлеб для Парижа, давали премии земледельцам («жертвы»), т. е. платили по цене сверх максимума. Историки единодушны в оценке этого искусно составленного документа. «Этой ловкой аргументацией, — пишет Матьез, — Кошуа в скрытой форме проводил свою затаенную мысль, состоявшую в отмене всякой регламентации и в возвращении к абсолютной свободе торговли, т. е. в возвращении к политике Ролана». С. Л. Сытин также считает, что Кошуа, «лицемерно маскируясь, ратовал за возвращение к неограниченной свободе торговли, отмену максимума и довольно недвусмысленно стремился опорочить Коммуну в целом».[2]

---

[1] Матьез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.—Л., 1928, с. 201—204.

[2] Сытин С. Л. Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклерком за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле — сентябре 1793 г. — Учен. зап. Ульяновск. гос. пед. ин-та им. И. Н. Ульянова, 1956, вып. VIII, с. 295—296.

Парижские санкюлоты также не были слепыми и глухими. По мере того, как подлинные цели Кошуа проявлялись все яснее, секции стали отзывать своих комиссаров из Епископства. Первой это сделала секция Арсенала, которая уже 2 августа выразила неодобрение действиям комиссаров секций и отозвала из их среды своих представителей. 9 августа отозвала своих комиссаров из Епископства секция Круа-Руж, мотивируя это «необдуманными, опасными и превышающими полномочия комиссаров предложениями, которые они принимали».

Коммуна, со своей стороны, перешла в контрнаступление. Сначала она потребовала, чтобы избранные секциями комиссары подверглись чистке в народных обществах, а затем выдвинула новое требование: заменить избранных в конце июля комиссаров новыми. Выборы новых комиссаров состоялись 16 августа и на этот раз уже не 39 секций, лишь 28 или 29 послали своих комиссаров в Епископство. Пользуясь тем, что круг сил, выступавших за установление контроля секций над продовольственной администрацией, значительно сузился, Коммуна делает следующий шаг: она отказывается допустить комиссаров из Епископства к проверке своих складов, но выражает готовность опубликовать финансовый отчет продовольственной администрации. 19 августа Генеральный совет Коммуны утвердил обращение к секциям, которое предложил мэр Парижа Паш. В этом обращении (появившемся на улицах Парижа 21 августа) заявлялось, что требование открыть склады для проверки не имеет иной цели, кроме как «помешать администрации в ее действиях и дать информацию о состоянии магазинов либо жадным продавцам, которые воспользуются ею, чтобы поднять цены, либо контрреволюционерам, которые используют ее для того, чтобы помешать доставке зерна». В обращении Кошуа и его сторонники разоблачались как «контрреволюционеры», а секции упрекались в том, что оказывают им свою поддержку. «Хотите ли вы контрреволюции? — говорилось в нем далее. — Тогда продолжайте оказывать им уж так долго проявляемое расположение. Хотите ли вы быть республиканцами? Тогда заставьте их замолчать или даже проведите расследование поведения некоторых из них в этом деле».[3]

Собрание комиссаров в Епископстве ответило 21 августа резкой афишей против Паша и Генерального совета Коммуны; эта афиша не сохранилась и текст ее нам неизвестен. Но этим дело не ограничилось. На руководство Коммуны напал Жак Ру. «Как! Варвары-администраторы, патентованные мошенники, эгоисты-контрреволюционеры, по какому праву скрываете вы нынешнее состояние продовольствия, — писал он в своей газете 17 августа; — великие интересы нации обсуждаются в при-

---

[3] Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Paris, 1958, c. 132—133.

сутствии народа ...и вы не открываете гражданам, обливающимся слезами, продовольственные склады? ..Не для народа было бы опасно сделать гласной вашу деятельность, но для вас и ваших сообщников, обворовывающих нацию и ей изменяющих».[4]

А на собрании секции Гравилье 18 августа Жак Ру, правда, по показанию его противника, торговца веерами Лепажа, «называл мэра и Коммуну авторами системы барышничества, имеющей целью обмануть народ и бросить его в объятия аристократии». Допрошенный впоследствии по этому поводу в департаменте полиции Коммуны, Жак Ру отрицал, что он предлагал секции Гравилье адрес, «обвиняющий гражданина мэра в спекуляции и ходатайствующий о роспуске установленных властей», но признал, что он, «подобно другим гражданам, высказывался за реформу установленных властей».[5]

Что касается Леклерка, то он в эти дни оказался на стороне Коммуны и видел в секционном движении с Кошуа во главе лишь происки контрреволюционеров, стремящихся, как он писал об этом в своем «Друге народа» 17 августа, довести парижских санкюлотов до восстания, «которым они сумели бы воспользоваться, чтобы погубить общественное дело». Во-вторых, Леклерк не усматривал никакой «спекуляции» в том, что Коммуна выдавала премии земледельцам (т. е. закупала у них зерно с накидками к максимуму). Он требовал, чтобы хлеб для Парижа закупался «по любой цене». «Покажите ассигнации, и даже федералисты продадут вам рожь; какое дело до расхода, надо спасать людей», — подчеркивал он.[6]

Позицию Жака Ру по отношению к Коммуне в августе 1793 г. нельзя оценить иначе, как левоэкстремистскую. В заслугу Леклерку нужно поставить то, что он оказался способным более справедливо оценить продовольственную политику Коммуны.

Как раз в эти дни Коммуна переизбирала всю свою администрацию, в том числе и продовольственную: 19 августа Гарена заменил Шампо, также бывший булочник. Но и это не удовлетворило ни «умеренных» с Кошуа во главе, ни левоэкстремистские элементы в некоторых чисто санкюлотских секциях.

На общем собрании рабоче-ремесленной секции Обсерватории 23 августа было принято постановление (но принято по предложению *монархиста* Лепитра) об аресте мэра Парижа, прокурора Коммуны и его заместителей; это постановление не сохранилось и его содержание известно из решений других секций с выражением согласия или протеста. К постановлению

---

[4] Сытин С. Л. Борьба плебейских масс... — Учен. зап. Ульяновск. гос. пед. ин-та им. И. Н. Ульянова, 1956, вып. VIII, с. 301.

[5] Захер Я. М. Бешеные. Л., 1930, с. 90—95.

[6] Сытин С. Л. Указ. соч., с. 302.

секции Обсерватории присоединилась такая боевая секция, как секция Пуассоньер, а одна из секций предместья Сент-Антуан, оплота санкюлотов, секция Попенкур, заслушав 24 августа отчет своего комиссара в Епископстве, потребовала: «1) чтобы в случае, если мэр, прокурор Коммуны, его заместители и все бывшие и настоящие администраторы продовольствия не смогут удовлетворительным образом отчитаться, они были бы объявлены навсегда потерявшими доверие народа, смещены и арестованы; 2) чтобы секции отозвали своих представителей из муниципального корпуса и Генерального совета Коммуны, как недостойных доверия народа; 3) чтобы секционная продовольственная комиссия объявила себя Собранием общественного спасения города Парижа, к которому перешли бы все полномочия Коммуны».[7]

Заменить Коммуну комиссией из Епископства во главе с Кошуа — вот чего требовали некоторые секции, в том числе и такие, где уже давно и прочно господствовали санкюлоты! Но эти секции были уже в меньшинстве. Большинство секций уже достаточно разобрались в обстановке и понимали, что заменить Паша и Шометта людьми из комиссии Кошуа значило совершить настоящую муниципальную контрреволюцию по образцу той, которая имела место в Лионе, Марселе и других южных городах, где «умеренные» также апеллировали к суверенитету народа и его праву контролировать своих уполномоченных, как и Кошуа, а затем громили якобинские муниципалитеты. Еще до того, как вмешался Конвент, в Коммуну потянулись депутации от секций с заявлениями о доверии и поддержке.

23 августа депутация секции Музея выразила Генеральному совету и мэру свое удовлетворение по поводу мер, принимаемых для снабжения Парижа. 24 августа с таким же заявлением пришла депутация секции Круа-Руж. 25 августа Конвент, по предложению Тальена, резко обличавшего Кошуа, принял декрет о роспуске секционной продовольственной комиссии в Епископстве. Вместе с тем, по предложению Барера, Конвент отменил декрет от 1 июля, который разрешал административным органам закупки хлеба на дому (с накидками сверх максимума) и был объектом критики секционеров.

Позднее Кошуа был арестован, предан суду и приговорен к смертной казни за то, что он, как было сказано в приговоре, «под маской патриотизма пытался обмануть народ, унизить и сделать подозрительными установленные власти».[8] Аресту по этому делу подвергались: Жозеф Лами, торговец свечами, вице-председатель продовольственной комиссии в Епископстве; Дюбук, бывший негоциант; Этьен Ленуар, часовщик, имевший состояние в 40 тыс. ливров.

---

[7] Там же, с. 298.
[8] Матьез А. Указ. соч., с. 220.

Секции Нераздельности и Французского Пантеона заявили протест против декрета Конвента о роспуске продовольственной комиссии в Епископстве как лишающий народ «его неотъемлемого права требовать при помощи своих комиссаров отчета от своих уполномоченных в администрации». Но этот протест потонул в потоке адресов с выражением доверия Коммуне.

Секция Люксембург осудила 26 августа постановление секции Обсерватории от 23 августа и заявила, что постановления комиссии в Епископстве «своими постоянными нападками на Коммуну Парижа и самых уважаемых магистров народа представляют те же самые средства и преследуют ту же самую цель, какую ставят перед собой контрреволюционные члены правой стороны, федералистские директории, агенты Дюмурье, Кюстина и их сообщники». Далее секция заявляла, что Паш не только не утратил ее доверия, но вполне заслужил его. Она постановила также послать в секцию Обсерватории депутацию, «чтобы призвать к бдительности людей, которые были обмануты».

Секция Пуассоньер сожгла в общем собрании 28 августа постановление секции Обсерватории от 23 августа и взяла обратно одобрение, которое дали этому постановлению «несколько интриганов в отсутствие собрания». Аналогичные заявления сделали секции Майль, Республики, Горы, Круа-Руж и другие. Наконец, секция Обсерватории объявила 31 августа об аннулировании своего постановления от 23 августа.[9]

Парижские секции с честью вышли из острого политического кризиса, возникшего на почве продовольственных затруднений и усугубленного происками «умеренных», а также некоторыми действиями левоэкстремистского порядка. Для руководителей Коммуны эти августовские события послужили серьезным уроком, заставившим их покончить с колебаниями и нерешительностью в отстаивании таких требований плебса, как всеобщий максимум и другие. Что касается «умеренных», то попытка противопоставить Коммуне продовольственную комиссию в Епископстве под руководством Кошуа была для них поистине последней ставкой, проиграв которую они подверглись полному разгрому.

Августовское секционное движение 1793 г. по-разному оценивается в исторической литературе. А. Матьез считал его маневром «умеренных» и других контрреволюционеров в их борьбе против революционной политики Конвента и Коммуны. Напротив, С. Л. Сытин отрицал, что происки «умеренных» играли в этом движении сколько-нибудь серьезную роль, и пытался доказать, что оно представляло собой подлинно плебейское движение, развивавшееся под руководством и на основе программы предпролетарских революционеров. «Движение

---

[9] Soboul A. Указ. соч., с. 133—135.

большинства секций, начавшееся во второй половине июля,— писал он,— развивалось на основе программы Жака Ру и Леклерка ...Конфликт между большинством секций и Коммуной ...это конфликт между социально-экономической программой предпролетариата и мелкой буржуазии».[10]

В настоящее время ясно, что обе эти точки зрения являются в равной мере односторонними. Августовское секционное движение носило сложный, противоречивый и глубоко стихийный характер, причем роль «умеренных» в этом движении была действительно очень велика, а Жак Ру и некоторые чисто санкюлотские секции выступали против Коммуны с левоэкстремистских позиций.

В. М. Далин справедливо упрекнул С. Л. Сытина в том, что он «преувеличивает роль Ж. Ру и Леклерка в этом августовском движении, которым они отнюдь не руководили». Мнение самого В. М. Далина, что в этом глубоко разнородном движении «бешеные», по-видимому, играли «самую незначительную роль»,[11] представляется совершенно правильным.

---

[10] Сытин С. Л. Указ. соч., с. 287, 299.

[11] Далин В. М. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785—1794). М., 1963, с. 541—548.

А. Г. СОРОКИН

ПЕРЕГОВОРЫ БИСМАРКА И НАПОЛЕОНА III В БИАРРИЦЕ

(октябрь 1865 г.)

Огромную роль при объединении Германии «сверху» играла международная ситуация и, в частности, позиция Второй империи. Советская историография, опирающаяся на указания К. Маркса и Ф. Энгельса, убедительно показала, что Бисмарк при осуществлении своей программы прежде всего использовал противоречия между Россией и Францией.[1] Тем не менее прусская политика накануне австро-прусской войны, имевшей решающее значение в объединении Германии, требует дальнейшего изучения. Наполеоновская дипломатия, заинтересованная в войне между Австрией и Пруссией, резко осудила Гаштейнскую конвенцию, заключенную между ними в

---

[1] Нарочницкая Л. И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии «сверху». М., 1960; Шпеерсон Л. М. Австро-прусская война 1866 года и дипломатия великих европейских держав. Минск, 1962.

августе 1865 г. В связи с этим переговоры в Биаррице явились как бы переходом к дипломатической подготовке войны 1866 г. и породили споры среди современников и в последующей исторической литературе.

При этом высказывались совершенно фантастические предположения, что Бисмарк заключил в Биаррице тайный договор, пообещав Наполеону III рейнские области в обмен на его «благожелательный нейтралитет» в войне с Австрией.[2] Широко распространенной была также версия о том, что Бисмарк надеялся заключить подобную сделку, но Наполеон, желавший большего и рассчитывавший на затяжную войну, решил выждать.[3] Никаких достоверных источников в распоряжении историков по этому вопросу практически не было.[4] Но и официальный отчет Бисмарка королю Вильгельму, опубликованный Г. Зибелем,[5] дал лишь почву для новых дискуссий. Проблема теперь заключалась в том, насколько «правдиво» передавал Бисмарк ход бесед с Наполеоном или же он писал только «для короля».

По словам Бисмарка, французский министр иностранных дел Друэн де Люис заявил ему в Париже, на пути в Биарриц, что «Пруссия из благожелательного поведения Франции извлекает чистый доход (baaren Gewinn), в то время как выгоды, которые Франция могла бы получить из хорошего отношения к Пруссии, зависят от неопределенного будущего. По моему желанию, — продолжает Бисмарк, — он указал на выгоды, которые Франция могла бы ожидать, уточнив [их] в том смысле, как это имело место в высказываниях поверенного в делах Лёфебра, сообщенных мною Вашему Величеству незадолго перед моим отъездом из Берлина. Всякое стремление к прусским или немецким областям он отрицал самым решительным образом. Я возразил ему, что мы не можем предписывать истории буду-

---

[2] Persigny. Memoires. Paris, 1896, c. 61.

[3] C. Delor. Histoire du Second Empire. Paris, 1873, c. 61.

[4] Наполеон III отзывался о переговорах в Биаррице весьма сдержанно. Одному министру он говорил, что прусский политик «вел разговор в общих выражениях, откуда ничего нельзя было вывести». (Duruy V. Notes et souvenirs, t. 2. Paris, 1901, c. 12). В этом смысле высказывался и Оливье (Ollivier E. L'Empire libéral, t. 7. Paris, 1903, c. 475). С другой стороны, в дипломатических кругах в Париже циркулировали упорные слухи, поддерживаемые министром иностранных дел Друэн де Люисом, о рейнских предложениях Бисмарка, как цене за расположение Наполеона III. О них доносил королю Вильгельму прусский посол в Париже Гольц (Гольц — королю Вильгельму, 23 октября 1865 г. Oncken H. Die Rheinpolitik Kaiser Napoleons III von 1863 bis 1870. Bd. I. Berlin, 1926, c. 74). Об этом рассказывали другие дипломаты (Revertera. Erinnerungen. «Deutsche Revue», 1904, Bd. 2, c. 129—130). Однако сам Друэн де Люис ни словом не обмолвился позднее, говоря о визите Бисмарка, о подобных предложениях [Meding O. Memoires zur Zeitgeschichte. Bd. 2. Das Jahr 1866. Leipzig, 1881, c. 53 сл.].

[5] Sybel H. Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I. Bd. 4. München — Leipzig, 1890, c. 213 сл.

щего ее хода и выдумывать его по своему произволу, но только можем ожидать и использовать ее развитие...».

В таком же духе проходили беседы с Наполеоном III в Биаррице. Бисмарк, согласно его отчету, говорил ему: «Я считал бы невозможным в будущем соглашение, вследствие которого мы могли бы дать Австрии возможность вызвать по [ее] произволу войну, к которой Пруссия была бы принуждена без собственной выгоды. Император,— указывал Бисмарк,— после этого стал уверять, что он не намерен возбуждать никаких планов, благодаря которым мог бы быть нарушен европейский мир и что Лёфебр... зашел в своих высказываниях дальше имеющихся инструкций». Бисмарк заявлял далее, что «в интересах французской политики поощрять честолюбие Пруссии в выполнении национальной задачи, ибо... Пруссия... обескураженная... искала бы защиты в оборонительных союзах против Франции». Когда же во второй беседе Наполеон намекнул Бисмарку, что поведение потенциального союзника Пруссии, Италии, зависит всецело от позиции Франции, Бисмарк откровенно указал на весьма «дружеские отношени», связывающие Пруссию с Россией.

Из отчета, таким образом, вытекало, что наполеоновская дипломатия, наряду с осуждением Гаштейнского соглашения, тайно предлагала Бисмарку через своего представителя Лёфебра де Беэна союз против Австрии за какие-то территориальные уступки, которые Зибель, ничем, впрочем, не обосновывая, называл «областями французского языка».[6] Бисмарк отклонил эти предложения, противопоставив наполеоновскому давлению возможный союз с «консервативными» державами — Россией и Австрией.

Рассказ Бисмарка вызвал возражения со стороны такого апологета Второй империи, как Э. Оливье. Располагавший французским дипломатическим архивом, он не нашел никаких инструкций Лёфебру де Беэну такого рода.[7] Напротив, судя по его донесениям, это Бисмарк перед отъездом из Берлина заявил ему, что «Франция может распространяться всюду, где говорят по-французски». Бисмарк — «плохой рассказчик» (un narrateur suspect), резюмирует Оливье.[8]

Большие сомнения вызвал отчет Бисмарка и у немецких историков, главным образом неоранкианцев. Указывалось на «приглушенный тон», в котором обрисованы беседы,[9] но прежде всего на расхождение с французскими и некоторыми другими источниками по поводу «территориального возмещения (Landergewinn) для Франции».[10] Это давало повод считать

---

[6] Там же, с. 215, прим. 1.
[7] Ollivier E. Указ. соч., с. 467, прим. 1.
[8] Там же, с. 464—474.
[9] Lenz M. Geschichte Bismarcks. München — Leipzig, 1913, с. 272.
[10] Там же.

недействительным отчет Бисмарка в целом; мнение же о его истинном поведении, таким образом, варьировались. Одни считали, что в действительности он предлагал в Биаррице «все виды компенсаций»,[11] другие, что Бисмарк хотел лишь «перевести глаза Наполеона III на Бельгию»,[12] третьи приписывали ему попытку уверить французского императора во временном характере Гаштейнской конвенции.[13]

Последующие публикации официальных документов дали мало нового. Тем не менее издатели немецких дипломатических актов Онкен и Тиме полагали, что считать послание Бисмарка неправдоподобным значило бы идти «слишком далеко».[14]

Наконец, был опубликован рассказ о переговорах в Биаррице прусского посла в Париже Гольца, записанный им со слов Бисмарка.[15] При этом основные положения отчета последнего оказались подтвержденными. Однако вопрос о «компенсациях» по-прежнему оставался неясным. К тому же отношения Бисмарка и Гольца в этот момент были особенно острыми, и последний его словам не очень склонен верить.[16] Тем не менее, сравнивая повествование Гольца с имеющимися источниками и прежде всего с отчетом Бисмарка, можно прийти к определенным выводам.

По словам Гольца, который ожидал Бисмарка в Биаррице, последний после бесед в Берлине и Париже «был озабочен, что император Наполеон III сделает ему „безнравственные предложения", захочет с ним „конспирировать"». В этих беседах Бисмарк, по его словам, «высказывал формулу „всюду, где говорят по-французски" (tout ce qui parle français), как возможный проект комбинации для Франции в случае осуществления прусской политики расширения». Друэн де Люису «казалось... понравилось это „всюду, где говорят по-французски"», но Бисмарк имел «осторожность заметить, что нельзя „делать историю, но — следует ожидать событий и использовать их затем подходящим способом"».[17] При этом, однако, из рассказа Гольца остается неясным, в чем же собственно состояли эти «безнрав-

---

[11] Fester R. Biarritz. — «Deutsche Rundschau». November, 1902, H. 2, c. 223.

[12] Frahm F. Biarritz. Historische Vierteljahresschrift. Bd. 15, 1912, c. 352.

[13] Brandenburg E. Die Reichsgründung. Bd. 2. Leipzig, 1916, c. 124 сл.

[14] Les origines diplomatiques de la guerre..., t. 7. Paris, 1913, c. 114; Oncken H. Указ. соч., с. 70, прим. 3. Бисмарк — королю Вильгельму 11 октября 1865, с. 307—308 (прим. Тиме); Bismarck O. Die Gesammelte Werke, Bd. 5. Berlin, 1927, Nr 190.

[15] Stolberg-Wernigerode O. Graf von der Goltz. Berlin, 1941, Nr 62b, c. 403—408.

[16] Там же. — Ср. также: Radowitz J. M. Aufzeichnungen und Erinnerungen. Bd. I. Berlin — Leipzig, 1925, c. 81.

[17] Stolberg-Wernigerode O. Указ. соч., с. 403—404.

ственные предложения». Посол лишь упоминает, что Наполеон III в Биаррице еще до беседы с Бисмарком заявил ему, что «Лёфебр делал высказывания, на которые не был уполномочен». Кроме того, говоря со слов Бисмарка о беседах его с Наполеоном, Гольц отмечает: «Император снова дезавуировал Лёфебра».[18]

Итак, из сопоставления рассказа Гольца и отчета Бисмарка прежде всего явствует сам факт предложения Лёфебра, так как он подтверждается, кроме отчета, высказываниями Гольцу как Наполеона III, так и Бисмарка. С другой стороны, нашло свое подтверждение и донесение Лёфебра де Беэна о «предложениях» Бисмарка относительно областей «французского языка»,[19] о которых упоминал Оливье. Ибо во Франции Бисмарк должен был прежде всего повторять свои берлинские высказывания. Следовательно, по рассказу Гольца выходит, что Бисмарку делались Лёфебром и Друэн де Люисом «безнравственные предложения», а он в свою очередь предлагал им области «французского языка». Но тогда остается принять, что основу этих предложений Лёфебра де Беэна составляли именно «немецкие» или «прусские области». В самом деле, согласно отчету Бисмарка, Друэн де Люис «отрицал самым решительным образом» «всякое стремление к прусским и немецким областям», «уточнив» тем самым предложения Лёфебра де Беэна. С другой стороны, Наполеон III обвинил этого дипломата в том, что он «зашел в своих действиях дальше имеющихся инструкций». Ясно, что это могли быть только немецкие области, иначе в чем он мог еще идти «дальше имеющихся инструкций»?

Таким образом, из сравнения источников явствует, что накануне поездки Бисмарка в Биарриц французский поверенный в делах предложил ему союз с Францией в обмен на определенные немецкие «компенсации». Бисмарк же противопоставил этому «области французского языка» и повторил эту формулу в Париже, не связывая себя, однако, никакими обязательствами. Поэтому в Биаррице Наполеон III поспешил отмежеваться от сделанных предложений, явно опасаясь, что Бисмарк использует их в германских государствах.

Что дело обстояло именно так, свидетельствует, например, одно послание Гольца к прусскому послу в Лондоне Бернсторфу, посвященное итогам визита в Биарриц. Гольц пишет, в частности, что наполеоновское правительство не раз изъявляло готовность договориться с Пруссией, в том числе и накануне переговоров в Гаштейне; при этом Бисмарку «выразительно» давали понять, указывает Гольц, «что мы могли бы уступить Франции не одну немецкую деревню». «Граф Бисмарк... тре-

---

[18] Там же, с. 406—407.

[19] Лёфебр де Беэн — Друэн де Люису, 27 сентября 1865 г. — Les origines..., n° 1598.

бовал, конечно, больше и требует еще сегодня больше. Он хочет, чтобы император Наполеон дал ему полную свободу действий взять все, что он сможет завоевать, на все смотрел благожелательно и ничего не требовал бы для себя, кроме как „повсюду, где говорят по-французски", если разве позднее должен привести к этому случай».[20]

Опорой Бисмарку в его планах служили старые «консервативные» связи Пруссии и Священного Союза. В своем рассказе Гольц пишет: «Я должен также согласиться, что он обрисовал императору, как и мне, положение Пруссии, как такое, из которого нам постоянно еще возможен выбор между союзом с Австрией и Россией, которая, впрочем, предполагает [вести] умеренную политику... и... союзом с Францией и Италией...»[21]

Отчет Бисмарка королю Вильгельму, хотя и написан с расчетом на короля, верно отражает положение вещей. На это указывает и тот факт, что Бисмарк рассылал его копию для ориентации своим дипломатам.[22] На склоне лет он называл свой отчет единственным источником о переговорах.[23] Положения отчета логически вытекают из предшествующей политики Бисмарка. Позиция Франции была серьезным препятствием в осуществлении его программы. Однако Бисмарк чрезвычайно искусно использовал как сложное внутреннее положение Наполеона III, так и международную изоляцию Франции и прежде всего противоречия с Россией. Происходившие в Биаррице переговоры лишь как бы констатировали положение дел и явились прологом новой борьбы.

---

[20] Гольц — Бернсторфу, 22 октября 1865 г. — Stolberg-Wernigerode O. Указ. соч., с. 409.

[21] Там же, с. 408.

[22] Bismark O. Указ. соч., Бисмарк — Уздому. 13 января 1865, № 223.

[23] Poschinger H. Gespräche mit und über Bismarck. — «Deutsche Rundschau». November, 1919, с. 293.

А. Я. МАССОВ

ИЗ ИСТОРИИ РАННЕГО АВСТРАЛИЙСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА

(экспансия Австралии в Новой Гвинее в 1884—1919 гг.)

За последние десятилетия в мировой экономике и международных отношениях заметно вырос удельный вес Австралийского Союза. В настоящее время Австралия является аванпостом мирового империализма в бассейне Тихого океана, препятствует развитию национально-освободительного движения на подвластных ей тихоокеанских островах. Вот уже около 90 лет австралийская буржуазия эксплуатирует восточную

часть Новой Гвинеи. Буржуазные авторы изображают хозяйничанье Австралии на Новой Гвинее как благородную цивилизаторскую миссию, а акт захвата Новой Гвинеи рассматривается ими как вынужденная мера, предпринятая австралийскими колониями исключительно с целью обеспечения безопасности Австралии.[1]

В трудах советских ученых до сих пор почти не затронута история раннего австралийского колониализма. В настоящей статье предпринимается попытка выяснить некоторые особенности возникновения раннего австралийского колониализма и рассмотреть основные этапы экспансии Австралии на Новой Гвинее до 1919 г., т. е. до того времени, когда Австралия захватила германскую часть этого острова.

Интерес австралийских колоний Великобритании к островам юго-западной части Тихого океана, в частности к Новой Гвинее, появился и начал быстро расти с 60-х годов XIX в. Со второй половины XIX в. в Австралии шел процесс бурного развития капитализма, формировалась национальная буржуазия. Увеличивался выпуск продукции в старых, традиционных отраслях хозяйства,[2] появились новые — золото и горнодобывающая промышленность. К 60-м годам относится зарождение и развитие первых акционерных обществ, ставших зачатками будущих австралийских монополий.[3] Окрепшая австралийская буржуазия стала выдвигать собственные колониальные требования, претендуя на те острова юго-западной части Тихого океана, которые еще не были поделены между великими колониальными державами.

С 60-х годов XIX в. в австралийской прессе, правительственных и деловых кругах началась пропаганда в пользу захвата Новой Гвинеи.[4] В 1867 и 1876 гг. были сделаны попытки создать компании, ставящие своей целью колонизацию острова, но они не увенчались успехом, так как в 70-е годы XIX в. у австралийской буржуазии еще не было реальных возможностей вывозить капитал за пределы Австралии и осваивать близлежащие тихоокеанские острова. Возникновение колониальных устремлений среди части австралийской буржуазии не было связано с объективной необходимостью экспорта капитала, получения новых рынков сбыта и источников сырья. В последней

---

[1] См.: Mair L. P. Australia in New Guinea. London, 1948; Legge J. D. Australian colonial policy. Sydney, 1956; Essai B. Papua and New Guinea. Melbourne, 1961.

[2] Так, например, производство шерсти возросло с 78 млн. фунтов в 1861 г. до 212 млн. в 1871 г. См.: Fitzpatrik B. The British empire in Australia. Melbourne, 1964, с. 196.

[3] Среди наиболее крупных объединений можно назвать «Колониал Шугар рифайнери» и «Брокен Хилл пропраетори», основанные в 1855 г.

[4] Здесь и далее имеется в виду восточная часть острова Новая Гвинея. Западная его часть была захвачена Нидерландами еще в 1828 г.

трети XIX в. еще рано говорить об империалистической стадии развития австралийского капитализма. Поэтому, как нам кажется, было бы недостаточно обоснованным утверждать, что австралийский колониализм на раннем этапе своего развития имел тот же характер, что и колониализм великих империалистических держав.

Правда, некоторые категории австралийской буржуазии имели определенные экономические интересы в бассейне Тихого океана. Крупный английский колониальный чиновник А. Гордон писал, что в Австралии «существует две маленьких, но могущественных группировки, которые действительно заинтересованы» в тихоокеанских островах. «Я имею в виду производителей сахара и судовладельцев».[5] Для землевладельцев Квинсленда, владевших плантациями сахарного тростника, окружающие Австралию тихоокеанские острова являлись своего рода резервуаром дешевой рабочей силы жителей-островитян. Австралийские судовладельцы, в свою очередь, получали барыши от перевозки завербованных рабочих и от обслуживания торговли с тихоокеанскими островами. Но эти категории австралийской буржуазии были заинтересованы не столько в захвате тихоокеанских островов, сколько в недопущении захвата их другой державой.

Особенностью раннего австралийского колониализма, на наш взгляд, следует считать то, что он возник и развивался не столько под влиянием социально-экономического развития внутри страны, сколько под влиянием внешних условий — бешеной колониальной гонки великих держав.

Австралийские капиталисты стремились закрепить за собой еще не захваченные территории, не допустить иностранный капитал в те районы, которые, если не сейчас, то в будущем смогут стать монопольной сферой господства австралийской буржуазии. «...Капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было... боясь отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира...».[6]

27 ноября 1882 г. в германском официозе «Deutsche Allgemeine Zeitung» появилась статья, призывавшая к захвату Новой Гвинеи. Это вызвало величайшее возбуждение в Австралии. 4 апреля 1883 г. правительство Квинсленда, даже не проконсультировавшись предварительно с Лондоном, поручило своему представителю Г. Честеру декларировать в Порт-Морсби присоединение незанятой Нидерландами части Новой Гвинеи к владениям Британской империи.[7] Правительства осталь-

---

[5] Gladstone-Gordon. Correspondence. — In: Trans. Amer. Philos. Soc., vol. 55, pt. 4. Philadelphia, 1961, c. 90.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 381.

[7] «Times Weekly», 1883, 8. VI.

ных колоний Австралии энергично поддержали действия Квинсленда.[8]

Английское правительство тем не менее медлило с принятием окончательного решения в отношении захвата Новой Гвинеи, так как действия Квинсленда вызвали резкие протесты со стороны Германии, с которой Англия в тот момент не могла и не хотела осложнять отношения. Ей нужна была поддержка Германии в египетском вопросе. Только в ноябре 1884 г. по поручению английского правительства эмиссар Эрскин провозгласил протекторат над частью Новой Гвинеи, заключенной между 141° в. д. и 8° ю. ш.[9] Северная часть Новой Гвинеи была захвачена Германией, с которой Великобритания договорилась впоследствии о разделе острова. Захват Германией части Новой Гвинеи вызвал острое недовольство в Австралии. В этом отношении весьма характерно послание, которое правительство Виктории телеграфировало своему представителю в Лондон: «Финал наступил... Германия водрузила свой флаг на северном побережье Новой Гвинеи. Раздражение здесь беспредельно. Мы протестуем от имени настоящего и будущего Австралии».[10] Наиболее агрессивно настроенные круги австралийской буржуазии стали требовать захвата Австралией германской части Новой Гвинеи.

В 1888 г. английское правительство издало специальный указ, по которому остров становился колонией и передавался в совместное управление Великобритании, Квинсленда, Виктории и Нового Южного Уэлса.[11] Администрация колонии стремилась привлечь в экономику Новой Гвинеи капиталы английских и австралийских предпринимателей. С этой целью было положено начало политике экспроприации земли у местного населения и передачи ее белым поселенцам. К 1900 г. у коренных жителей острова было изъято 442 965 акров земли,[12] однако частным владельцам было передано за этот период (к 1898 г.) всего 6573 акра.[13] Попытка направить развитие Новой Гвинеи по пути сельскохозяйственного ее освоения провалилась.

В течение первых пятнадцати лет австралийский капитал фактически ничего не сделал для развития экономики Новой Гвинеи. С момента колониального закабаления и по крайней мере до начала XX в. Новая Гвинея была как бы зарезервирована австралийским капиталом для своих операций в буду-

---

[8] См.: Gordon D. M. A. The Australian frontier in New Guinea, 1870—1885. N. Y., 1951, с. 191—193; Selected documents in Australian history, vol. 2. Sydney, 1955, с. 454.

[9] Documents and correspondence on New Guinea's boundaries. Canberra, 1966, с. 10.

[10] См.: Vêur P. W., van der. Search for New Guinea's boundaries. Canberra, 1966, с. 145—146.

[11] См.: Letter Patent. — BPP, 1888. London, с. 5564, с. 8—12.

[12] Annual report of British New Guinea, 1899—1900. London, 1900, с. 39.

[13] Annual report of British New Guinea, 1897—1898. London, 1898, с. 75.

щем. В 1906 г. Британская Новая Гвинея специальным актом британского правительства была передана образовавшемуся в 1901 г. Австралийскому союзу и получила новое название — Папуа.

Получив в свое управление Папуа, австралийское правительство предприняло ряд мер, которые должны были способствовать привлечению в Папуа австралийского капитала и тем самым стимулировать ее развитие. С этой целью в 1906 г. был принят новый земельный закон, значительно облегчавший условия получения (аренды) земли.[14] Легкие условия получения земли привлекли большое число желающих. Количество земли, которая была сдана в аренду, составило к 1907 г. 48 002 акра, к 1908 г. — 242 395 акров, а в 1911 г. достигло рекордного уровня — 364 088 акров.[15] Однако с 1911 г. начался спад, и в 1914 г. под арендой находилось лишь 230 879 акров.[16] Цифры, характеризующие количество арендуемой земли, позволяют предположить, что сельскохозяйственное освоение Папуа в 1906—1914 гг. явилось не результатом естественного развития австралийского капитализма вширь, а следствием конъюнктуры, созданной после принятия земельного закона 1906 г. К 1914 г. в Папуа было 228 плантаций с обрабатываемой площадью в 42 921 акр.[17] На них культивировались главным образом кокосы, конопля, сизаль, кофе и каучуконосы.

Некоторое, хотя и незначительное развитие получила горнодобывающая промышленность. С 1906 г. недалеко от Порт-Морсби началась добыча меди. В 1914 г. ее было добыто 1150 т.[18] На территории Папуа разрабатывались месторождения золота, однако добыча его была невелика и колебалась в зависимости от числа разрабатываемых месторождений.[19] К 1914 г. австралийский капитал успел сделать лишь первые шаги на пути хозяйственного освоения Новой Гвинеи. Развитие экономики Папуа было прервано началом первой мировой войны.

Сразу после начала войны по согласованию с британским правительством на территорию Германской Новой Гвинеи был направлен австралийский экспедиционный отряд. Австралийцы не встретили серьезного сопротивления и 17 сентября 1914 г. представители германской администрации подписали акт капитуляции. Наиболее агрессивно настроенные круги австра-

---

[14] См.: Land ordinance.— Australian parliamentary papers (APP). Melbourne, 1908, No 168, с. 6—15.

[15] Annual report of Papua, 1910—1911. — APP, 1911, No 67, с. 11.

[16] Annual report of Papua, 1913—1914. — APP, 1914, No 40, с. 139.

[17] Там же, с. 143.

[18] Там же, с. 158.

[19] В 1901—1902 гг. было добыто золота на сумму 76 047 ф. ст., в 1907—1908 гг. — 51 024, в 1910—1911 гг. — 68 803, в 1913—1914 гг. — 50 110 ф. ст — См.: Annual report of Papua, 1914—1915.— APP, 1917, No 4, с. 138.

лийской буржуазии стали требовать немедленной аннексии Германской Новой Гвинеи. В этом смысле характерно высказывание сенатора М. Рейда, который заявил в 1918 г. в парламенте: «Мы не можем согласиться с политикой, отвергающей аннексию. Мы должны сохранять Новую Гвинею ради ее народа и нашей будущей безопасности».[20]

Вопрос о судьбе бывших германских колоний был предметом обсуждения Парижской мирной конференции 1919 г., в работе которой приняла участие и делегация Австралии. Австралийский представитель, премьер-министр Австралии У. М. Хьюз, энергично и настойчиво требовал аннексии Австралией Германской Новой Гвинеи. Как известно, Парижская мирная конференция приняла решение о введении системы мандатов. Мандат на управление бывшей Германской Новой Гвинеей передавался Австралии. Фактически подмандатная территория Новая Гвинея превращалась в колонию Австралийского Союза. Настойчивость австралийской буржуазии в стремлении захватить германскую часть Новой Гвинеи в значительной степени объясняется опасениями, связанными с усилившейся экспансией японского империализма в бассейне Тихого океана. Захват Австралией Германской Новой Гвинеи явился продолжением политики, направленной на устранение возможных соперников в юго-западной части Тихого океана.

Подводя итог тридцатилетнему (1884—1919 гг.) господству Австралии в Папуа — Новой Гвинее, — следует признать, что австралийский капитал не проявил к Новой Гвинее какого-либо серьезного интереса. В течение первых 15—20 лет колониального господства Новая Гвинея в экономическом отношении оставалась практически нетронутой, а то экономическое развитие, которое может быть отмечено к началу первой мировой войны, явилось скорее следствием политики австралийского правительства, искусственно создавшего выгодные условия для предпринимателей, желающих вложить свои капиталы в экономику Папуа.

Все это не означает, что в оценке особенностей раннего австралийского колониализма правы те буржуазные авторы, которые утверждают, что у Австралии не было иного интереса в Новой Гвинее, кроме стратегического, и что ее роль в колонии свелась к решению гуманной задачи цивилизации местного населения. Австралийский колониализм на раннем этапе своего развития — следствие желания австралийской буржуазии не отстать в бешеной гонке империалистических держав за раздел еще неподеленного мира, следствие попытки превратить юго-западную часть Тихого океана в вотчину австралийского капитала.

---

[20] См.: Rowley C. D. The Australians in German New Guinea, 1914—1921. Melbourne, 1958, c. 273.

Установление господства австралийских колонизаторов на Новой Гвинее повлекло за собой тяжелые последствия в жизни народа этого острова. Ничего не сделав для развития в стране новых, более прогрессивных социально-экономических и общественных отношений, колонизаторы способствовали сохранению духовной и социальной отсталости, установили жестокий режим колониальной эксплуатации. Реакционная сущность раннего австралийского колониализма позволяет поставить его, несмотря на наличие некоторых особенностей, в один ряд с колониализмом великих империалистических государств.

А. В. ПОПКОВА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В АНГЛИИ В 1909—1911 гг.

В советской историографии такие проблемы истории Англии кануна первой мировой войны, как возникновение и деятельность лейбористской партии, рабочее движение и его влияние на внутреннюю политику кабинета Асквита и другие, изучены достаточно обстоятельно.[1] Однако ряд вопросов политической жизни Англии указанного периода в этих трудах не затронут вообще или получил одностороннее освещение. К их числу следует отнести вопрос о политическом кризисе 1909—1911 гг., характеристика которого обходится или наличие которого не признается вообще. Анализ парламентских дебатов, английской прессы тех лет, русской, советской и зарубежной исторической литературы привел автора статьи к выводу о том, что вполне правомерно говорить о наличии политического кризиса в Англии в 1909—1911 гг. Такая постановка вопроса, как нам представляется, имеет важное значение для изучения и лучшего понимания не только указанного периода, но и событий последующих лет.

Особенностью политического кризиса в Англии 1909—1911 гг. являлось переплетение борьбы трудящихся против господствующего класса и определенных слоев английской буржуазии с остатками, по словам В. И. Ленина, «*до*буржуазных средневековых учреждений и привилегий гг. помещиков»,[2] что

---

[1] Итяева Л. И. Рабочая политика либеральной буржуазии Англии накануне первой мировой войны (1906—1914). — Учен. зап. Мордовск. ун-та, 1959, № 9; Кертман Л. Е. 1) Рабочее движение в Англии и борьба двух тенденций в лейбористской партии (1900——1914 гг.). Пермь, 1957; 2) Рабочее движение и политика английской буржуазии в 1906—1914 гг. — «Вопросы истории», 1957, № 1; Мадор Ю. П. Подъем рабочего движения в Англии в 1910—1913 гг. М., 1966; Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970, и др.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 74.

выражалось в форме конфликта между двумя буржуазными партиями — либеральной и консервативной.

Обострение классовых противоречий проявлялось в нарастании рабочего движения: если в 1909 г. число участников стачек составляло 300 тыс., то в 1910 г. их было 515 тыс., а в 1911 г. — 962 тыс.[3] Менялся и характер движения рабочих: на повестку дня ставились не только экономические, но и политические вопросы. Росла классовая солидарность трудящихся. В этих условиях обострялась борьба внутри господствующего класса Англии из-за методов укрепления своего господства.

Но за столкновением главных буржуазных партий скрывался не только различный подход двух группировок буржуазии к подъему рабочего движения, но и различие их экономических и политических интересов. В связи с развитием империализма на авансцену политической и экономической жизни Англии выдвигались те круги промышленной буржуазии, которые не были связаны с землевладением. Они стремились устранить препятствия, мешавшие повышению конкурентоспособности английской промышленной продукции. Их раздражало, что лендлорды без усилий получали огромные доходы с земельных владений и тормозили разработку полезных ископаемых на своих землях. Не хотели они мириться и с привилегированным положением лендлордов, которые, по традиции, занимали главные посты в администрациях колоний и метрополии и, имея большинство в палате лордов, мешали законодательной деятельности нижней палаты. Поэтому представители этих промышленных кругов не могли считать себя полноправными и в политическом отношении.

Столкновение интересов двух группировок господствующего класса Англии привело к обострению конфликта между двумя буржуазными партиями. Его целесообразно разделить на два периода. Первый (29 апреля 1909 г. — 29 апреля 1910 г.) характеризовался острой борьбой между палатами и вне стен парламента вокруг так называемого «Народного бюджета» на 1909—1910 финансовый год, второй (май 1910 г. — август 1911 г.) — вокруг парламентского билля.

29 апреля 1909 г. на рассмотрение парламента был внесен проект бюджета на 1909—1910 финансовый год, который предполагал проведение ряда социальных реформ, рассчитанных на сдерживание рабочего движения. Но он преследовал и другую цель: введением нового налогообложения вызвать столкновение правительства с палатой лордов, а следовательно с лендлордами и финансовой олигархией, с тем, чтобы поставить вопрос о прерогативах верхней палаты. Налогообложение главной своей тяжестью в виде косвенных налогов ложилось на плечи трудящихся, но оно несколько затрагивало интересы

[3] Кертман Л. Е. Рабочее движение и политика английской буржуазии... — «Вопросы истории», 1957, № 1, с. 49.

господствующего класса, так как предусматривало налоги на наследство, на заработанные и незаработанные доходы и на землю лендлордов, не несших материальных затрат в пользу государства.[4] Ллойд Джордж и его коллеги рассчитывали, что вторая палата, практически давно не применявшая право вето по отношению к финансовой деятельности нижней палаты, не потерпит посягательств на права лендлордов и отвергнет бюджет. Этот расчет вполне оправдался. Консерваторы, не возражая против расходов на военные нужды, решительно выступили против затрат на социальные преобразования и нового налогообложения. Они представляли их как социалистические меры.[5]

4 ноября 1909 г. при поддержке лейбористской фракции, нейтрализованной обещаниями социальных реформ,[6] и ирландцев, ожидавших гомруль, правительство Асквита провело бюджет в палате общин, но в конце ноября палата лордов отвергла его. Кабинет Асквита принял решение о роспуске парламента. После новых выборов (январь 1910 г.), проводившихся либералами под знаменем борьбы с лендлордами, реформы палаты лордов и т. д., Асквит, по совету Ллойд Джорджа и других, пошел на более решительные меры. 3 марта 1910 г. он представил на рассмотрение парламента парламентский билль, предусматривавший лишение права вето палаты лордов в финансовых вопросах и ограничение ее прав в общем законодательстве (любой билль, трижды утвержденный нижней палатой и отвергнутый верхней, становится законом), а также устанавливал срок действия парламента (вместо 7 лет — 5).[7] Это ограничение прав верхней палаты соответствовало интересам определенных кругов английской буржуазии.

Несмотря на упорное сопротивление оппозиции в палате общин, парламентский билль прошел в середине апреля большинством голосов. А 28 апреля палата лордов утвердила, наконец, бюджет. 29 апреля он был подписан королем. Так победой либералов завершился первый период политического кризиса.

Второй период после некоторого затишья в парламентской борьбе и попыток достичь компромисса между партиями по вопросу о прерогативах палат и даже соглашения вплоть до возможного создания коалиционного правительства (май—ноябрь 1910 г.)[8] характеризовался дальнейшим обострением

---

[4] Great Britain Parliament. House of Commons. The Parliamentary debates. Official reports of the Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. Ser. V. London, 1909, vol. IV, col. 547 (далее PD HC).

[5] PD HC, vol. VI, cols. 323—324; 548.

[6] Там же, vol. IV, cols. 1075—1076; vol. VII, cols. 2271—2272.

[7] Там же, vol. XIV, cols. 594—595.

[8] См.: Виноградов К. Б. Указ. соч., с. 123—129; Dugdale B. Arthur James Balfour. London, 1937, vol. I, с. 47—48; Jenkins R. Asquith. London, 1965, с. 214—217.

конфликта двух группировок господствующего класса Англии вокруг парламентского билля. Значительное влияние на ход событий оказывал подъем рабочего движения в 1910 и особенно летом 1911 г.

Борьба вокруг парламентского билля была не просто «спором между палатами», который закончился «очередным компромиссом».[9] В ней, как и в столкновении вокруг бюджета, столкнулись интересы различных группировок господствующего класса, о которых мы говорили выше.

Одной из целей либерального правительства, вновь сформированного после декабрьских выборов 1910 г., было, по словам Асквита, стремление «сломить враждебность палаты лордов к парламентскому биллю».[10] Консерваторы в обеих палатах расценивали парламентский билль как посягательство на неписанную конституцию Англии.[11] Чтобы не допустить его принятия, Лэнсдаун, лидер оппозиции в палате лордов, 4 июля 1911 г. внес на обсуждение парламента ряд поправок.

Анализируя эти поправки, нельзя не заметить, что они в корне меняли содержание билля. Помимо старых требований — оставить право вето на финансовые билли за палатой лордов и спорные вопросы выносить на референдум — поправки Лэнсдауна включали в себя и требования ограничения законодательной деятельности палаты общин. В них прямо указывалось, что король не должен подписывать билли (даже после трехкратного проведения их палатой общин), если они предусматривали создание национального парламента, ассамблеи или национального комитета с законодательной властью в Ирландии, Шотландии, Уэлсе или Англии.[12] Этот пункт был направлен против гомруля, обещанного ирландцам либералами.

Внесение такого рода поправок вынудило кабинет Асквита прибегнуть к крайней мере — к испрашиванию применения королевских прерогатив в целях изменения состава палаты лордов в пользу либералов. Получив большинство в верхней палате, либералы имели бы свободу в законодательной деятельности и возможность влиять на таковую при приходе к власти тори.

И дальновидные тори (Бальфур и другие) не могли не понимать, что требовать принятия поправок к парламентскому биллю в данной ситуации не имело практического смысла. Поэтому лидеры оппозиции стали склоняться к компромиссу с

---

[9] Виноградов К. Б. Указ. соч., с. 129.

[10] Asquith H. Memoirs and reflections, 1852—1927. Boston, 1928, vol. II, с. 266.

[11] PD HC, vol. XXI, cols. 45, 1757, 1759, 1762.

[12] Great Britain Parliament. House of Lords. The Parliamentary debates. Official Report of the Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, Ser. V. London, 1911, vol. IX, cols. 105—106; 1061 (далее PD HL).

кабинетом Асквита. Это привело к расколу тори не только в палате лордов, но и в их партии.

20 июля 1911 г., в день начала обсуждения парламентского билля в палате лордов, Асквит официально уведомил Бальфура и Лэнсдауна о согласии короля увеличить число пэров-либералов.[13] Тем не менее 24 июля палата лордов отвергла парламентский билль, поставив себя перед лицом реальной угрозы изменения своего состава. Тогда Лэнсдаун отказался от поправок и призвал пэров не участвовать в голосовании по поводу билля. Бальфур в своем письме на имя лорда Ньютона безоговорочно поддержал его.[14]

10 августа после того как лорд Морли зачитал правительственное заявление о том, что король дал согласие «на увеличение пэров в необходимом количестве, чтобы принять меры предосторожности» против провала парламентского билля,[15] палата лордов была окончательно сломлена. Парламентский билль прошел большинством в 17 голосов. 18 августа закон был подписан королем, так и не применившим свои прерогативы.

Длительная и упорная борьба группировок господствующего класса Англии закончилась принятием парламентского билля. Утверждение билля было компромиссом в том смысле, что за палатой лордов, как справедливо отмечает К. Б. Виноградов, сохранилась «серьезная возможность препятствовать любым прогрессивным мероприятиям»,[16] ибо билль оставлял за ней право «сдерживающего вето». Но тем не менее, как отмечает Л. Е. Кертман в своей рецензии на книгу К. Б. Виноградова «Дэвид Ллойд Джордж», принятие билля было «не просто компромиссом, а победой (ограниченной, неполной, но победой) нижней палаты»[17] над торийской реакцией, которая упорно сопротивлялась этой реформе. С этой оценкой нельзя не согласиться. Действительно, правительству Асквита удалось ограничить права палаты лордов, расширить законодательную деятельность нижней палаты и предоставить ей финансовую независимость. Это было в интересах той части буржуазии, которая стремилась к проведению мер, благоприятствовавших экономическому и политическому развитию страны. Однако принятие билля не устраняло противоречий между различными группировками господствующего класса Англии.

Не остановило оно и рабочего движения, которое росло и крепло вопреки попыткам либерального правительства соци-

---

[13] Asquith H. Fifty years of British Parliament. Boston, 1926, vol. II, c. 115; «The Daily Telegraph», «The Daily News», «The Times», 1911, 22.VII.

[14] Dugdale B. Arthur James Balfour, vol. I. c. 45; Asquith H. Fifty years of British Parliament, vol. II, c. 113; «The Daily Telegraph», «The Daily News», «The Times», 1911, 26.VII.

[15] PD HL, vol. IX, cols. 676, 815—818, 823—832.

[16] Виноградов К. Б. Указ. соч., с. 129.

[17] «Новая и новейшая история», 1971, № 4, с. 160.

альными реформами задержать его развитие, о чем свидетельствует размах стачек рабочих летом 1911 г.

В этой связи весьма интересной представляется нам мысль Л. Е. Кертмана о назревании элементов революционной ситуации, о кризисе «низов» и «верхов» в Англии [18] в 1909—1911 гг.

Кризис «верхов», несколько смягченный принятием парламентского билля, еще более обострился при обсуждении гомруля для Ирландии. В 1914 г., как отметил В. И. Ленин в статье «Конституционный кризис в Англии», «частное столкновение» (либералов и консерваторов) из-за самоуправления Ирландии» вылилось «в общеконституционный кризис в Англии».[19]

[18] Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. М., 1968, с. 391.

[19] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 73.

В. К. ФУРАЕВ

ИНФОРМАЦИОННОЕ БЮРО СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВАШИНГТОНЕ (1923—1933 гг.)

Важную роль в создании благоприятных условий для нормализации отношений между СССР и США сыграла деятельность Информационного бюро Советского Союза в Вашингтоне. Бюро открылось в сентябре 1923 г. и до 1927 г. называлось Российским информационным бюро. Его возглавил Б. Е. Сквирский, ранее входивший в состав специальной торговой делегации Дальневосточной Республики, направленной для участия в Вашингтонской конференции, но не допущенной на нее. Впоследствии, после слияния ДВР с Советской Россией, Наркоминдел РСФСР оставил Сквирского в США в качестве своего дипломатического агента «для информации и связи».[1]

Создание бюро объяснялось необходимостью иметь в США учреждение, из которого исходила бы правдивая информация о Советском Союзе и в которое американские фирмы, организации и частные лица могли бы обращаться за нужными им сведениями о различных сторонах жизни СССР. Перед бюро были поставлены следующие задачи: 1) отвечать на запросы фирм, департаментов, учреждений, научных и культурных обществ; 2) информировать американскую общественность о Советском Союзе, его внутренней жизни и внешней политике путем издания специального журнала и брошюр (это было осо-

[1] Документы внешней политики СССР (далее ДВП СССР), т. VI. М., 1962, с. 22, док. № 12.

бенно необходимо потому, что в США распространялось много необъективных сведений о Советском Союзе и всякого рода фальшивок); 3) установить связи с прессой и систематически снабжать ее информационными материалами и статьями о текущей жизни СССР.[2]

Постепенно было налажено получение из Москвы разнообразной информации, включая сводки Роста, а затем ТАСС. Установились контакты с прессой и деловыми кругами. В американских газетах начали публиковаться сообщения, исходившие от бюро, которое зарекомендовало себя как центр информации о Советском Союзе.

15 сентября 1923 г. вышел первый номер журнала «Russian Review» — органа Информационного бюро, обеспечивавшего гласность его деятельности и опиравшегося на опыт издательской работы, которую ранее осуществляло в США отделение Дальневосточного телеграфного агентства (Дальта), одновременно выполнявшее функции информационного бюро делегации ДВР. С 1927 г. журнал был переименован в «Soviet Union Review» и под этим названием выходил по июнь 1934 г. включительно. Журнал знакомил читателей с государственным и политическим устройством СССР, советским законодательством, социалистической реконструкцией народного хозяйства, развитием внутренней и внешней торговли, укреплением финансовой системы, концессионной политикой Советской власти, положением трудящихся города и деревни, ростом культуры и образования, жизнью союзных и автономных республик, внешней политикой СССР. Отдельные статьи, опубликованные в «Soviet Union Review», перепечатывались американскими изданиями. На орган бюро стали ссылаться как на источник объективной информации о Советской стране, ее внутренней и международной политике.

В связи с увеличением объема советско-американской торговли бюро уделяло большое внимание снабжению прессы текущими материалами об экономическом положении и перспективах развития народного хозяйства СССР. В 1924—1925 гг. были изданы брошюры «Внешняя торговля Советской России в 1923 г.», «Аграрная революция в Советской России», «Финансовая политика Советской России», «Патентный закон СССР». Отдельной брошюрой бюро опубликовало в переводе на английский язык Конституцию СССР. В 1927 г. вышел в свет коммерческий справочник об экспорте и импорте СССР, а в 1929 г. — книга «Советский Союз», содержавшая обширную информацию о Стране Советов.

Благодаря усилиям Б. Е. Сквирского, наладившего регулярные контакты с госдепартаментом, который не возражал против деятельности в столице США Информационного бюро Со-

---

[2] ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 3, д. 5, л. 34.

ветского Союза, удавалось разрешать такие вопросы, как продление виз гражданам СССР, работавшим в Амторге и в конторах инкорпорированных организаций (Центросоюза, Сельскосоюза, Всероссийского текстильного синдиката), сокращение случаев задержания иммиграционной службой приезжавших в США советских граждан, упорядочение документации на некоторые виды импортных товаров. Эти меры способствовали работе советских внешнеторговых учреждений в США.

Поскольку иммиграционные власти нередко задерживали на острове Эллис приезжавших в Нью-Йорк граждан СССР, в том числе лиц, направлявшихся в служебные командировки, Б. Е. Сквирский обратился 15 декабря 1927 г. в госдепартамент с протестом против такой практики. Начальник восточноевропейского отдела Р. Келли обещал снестись по этому вопросу с министерством труда.[3] Однако последующие события показали, что правительство США не отказалось от унизительной процедуры в отношении некоторых советских граждан, имевших въездные визы.

Работа бюро вызывала нападки белоэмигрантов и американских реакционеров, обвинявших его в «красной пропаганде», но со стороны официальных учреждений препятствий не чинилось. Напротив, в ряде случаев отмечался деловой характер работы бюро. И тем не менее за каждым шагом Сквирского власти пристально следили. 12 мая 1928 г. по приглашению президента Американской академии политических и социальных наук Л. С. Роу Сквирский выступил на ежегодном собрании академии с докладом «Нынешнее положение в России, его связь с американской внешней политикой». Докладчик рассказал о социалистических преобразованиях в СССР, достижениях в области экономики, о внешней политике СССР и советско-американской торговле, отметив при этом необходимость нормализации отношений между обеими странами. Это выступление вызвало недовольство в госдепартаменте, который расценил его как вызов и предложил Сквирскому впредь воздерживаться от подобных «политических» речей.[4]

Наиболее резкие выступления против деятельности бюро последовали в 1930 г., когда были опубликованы антисоветские фальшивки, послужившие поводом к созданию палатой представителей комиссии во главе с конгрессменом от штата Нью-Йорк республиканцем Г. Фишем для «расследования» коммунистической пропаганды в США. Составители и издатели фальшивок, в частности, ставили своей целью обвинить Советское информационное бюро и Амторг в том, что они будто бы являются органами связи между Коминтерном и Коммунистической партией США и что через них Советский Союз

---

[3] ДВП СССР, т. XI. М., 1966, с. 19, док. № 11.
[4] Там же, с. 371, док. № 206; с. 728, прим. 118.

якобы финансирует революционное движение в Соединенных Штатах.

Для дачи свидетельских показаний в комиссию были вызваны советские граждане — работники Амторга и руководитель Информационного бюро. Выступая 15 декабря 1930 г. перед комиссией, Сквирский дал обстоятельную характеристику деятельности бюро с момента его создания. На конкретных примерах он показал, что вся работа бюро направлена на установление взаимопонимания между советским и американским народами. Сквирский категорически отверг утверждения, содержавшиеся в фальшивках, как не имевшие ничего общего с действительностью.[5]

Советский представитель регулярно информировал Наркоминдел о позиции различных групп и лиц в руководящих сферах США относительно перспектив нормализации отношений с СССР, состоянии общественного мнения США. НКИД через Сквирского зондировал почву в связи с возможными изменениями в политике республиканской администрации, но результаты были отрицательными. «Пользуясь беспокойством правительства США, вызванным положением на Дальнем Востоке,— сообщал Сквирский в НКИД 2 февраля 1932 г. — я на прошлой неделе предпринял в частном порядке осторожные шаги, чтобы через несколько источников, включая Бора, обратить от их имени внимание правительства и лидеров конгресса на важность признания в данный момент СССР как средства, которое способствовало бы сохранению мира. Все собеседники сразу восприняли тактическую ценность шага, но, естественно, выразили сомнения насчет отношения Гувера. Бора говорил со Стимсоном, но последний, как я и ожидал, сослался на продолжающуюся враждебность Гувера».[6]

В последующие месяцы Сквирский предпринял новые шаги. «В результате повторных разговоров и ввиду тревожности положения на Дальнем Востоке здесь будет сделана попытка добиваться перемены отношения к СССР через сенат и прессу,— телеграфировал руководитель Информбюро в НКИД 5 марта 1932 г. — Бора ведет переговоры с лидерами демократов и республиканцев сената. В кругах госдепартамента считают угрозу по адресу СССР от Японии вполне реальной».[7] 21 апреля Сквирский сообщил в Москву о принятии мер, «чтобы втянуть новые крупные деловые сферы для дальнейшего давления на Гувера...».[8] Однако республиканская администрация была неспособна пойти на пересмотр враждебного политического курса в отношении СССР, а давление, оказан-

---

[5] Investigation of Communist propaganda. Washington, 1930, pt. I, vol. 5, с. 35—121; ДВП СССР, т. XIII. М., 1967, с. 724—728, док. № 456.

[6] ДВП СССР, т. XV. М., 1969, с. 80, док. № 63.

[7] Там же, с. 162, док. № 112.

[8] Там же, с. 260, док. № 176.

ное общественностью и деловыми кругами США на правительство Гувера, оказалось недостаточно сильным.

После избрания Ф. Рузвельта на пост президента Сквирский в беседах с влиятельными деятелями демократической партии обращал их внимание на то, что отсутствие признания привело к резкому сокращению торговли с СССР и лишь нормализация отношений в полном объеме, а также предоставление кредитов могут ее восстановить и обеспечить дальнейшее развитие. Сквирский подчеркивал, что затяжка с урегулированием отношений может нанести вред интересам обеих стран и оказаться выгодной для враждебных элементов.[9]

Противники нормализации отношений воздействовали на Рузвельта, стараясь убедить его в том, что СССР будто бы пойдет на развитие торговых отношений и без признания. При встрече со Сквирским в начале августа 1933 г. председатель комитета по кредитованию сельского хозяйства Г. Моргентау зондировал возможность посылки в Москву торгового представителя США, поскольку-де в Соединенных Штатах функционирует Амторг. Сквирский решительно отклонил такой путь, заявив, что «устойчивые отношения между обеими странами могут быть созданы лишь на твердой юридической базе, которую может дать лишь установление дипломатических отношений в полном объеме».[10]

Позиция советской стороны не могла не повлиять на образ действий американского руководства. 22 сентября 1933 г. Сквирский телеграфировал в НКИД, что «два дня назад Рузвельт заявил Р. Говарду, главе газетного треста „Скриппс-Говард", что собирается признать СССР в октябре».[11] Подтверждение этого в косвенной форме было получено через несколько дней во время беседы Сквирского с Моргентау, которому президент поручил вести «русские дела».[12] В связи с тем, что Амторг поставил вопрос о надлежащих условиях для предполагавшейся крупной сделки, Рузвельт поручил Моргентау сообщить неофициальному представителю НКИД в США о своем решении «пока задержать все дело», так как он «хочет обдумать вопрос об отношениях» с СССР в целом. По словам Моргентау, Рузвельт поручил ему заверить Сквирского, что «задержка не является недружественным шагом».[13]

Как выяснилось, президент США пришел к выводу о целесообразности обратиться с личным посланием непосредственно к председателю ЦИК СССР М. И. Калинину и пригласить в Соединенные Штаты официального советского представителя

---

[9] Там же, с. 662, док. № 468.

[10] ДВП СССР, т. XVI. М., 1970, с. 852, прим. 201.

[11] Там же, с. 859, прим. 230.

[12] Franklin D. Roosevelt and foreign affairs, vol. I. Ed. by Edgar B. Nixon. Cambr., Mass., 1969, с. 404.

[13] ДВП СССР, т. XVI, с. 544, док. № 304.

для переговоров о нормализации отношений. Чтобы реализовать это намерение, американская сторона хотела предварительно узнать мнение Советского правительства. При содействии Моргентау в конфиденциальные переговоры со Сквирским вступил специальный помощник государственного секретаря У. Буллит. Последний ознакомил Сквирского с проектом президентского послания и просил его выяснить, какова будет реакция Советского правительства, если Рузвельт направит это послание в Москву. Положительный ответ, сообщенный Буллиту, предрешил обмен посланиями между Рузвельтом и Калининым.[14]

Несмотря на трудности работы, ограниченный штат и незначительные средства, Информационное бюро выполняло также функции представительства Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) в США. Первоначально Б. Е. Сквирский был назначен представителем Объединенного бюро информации (ОБИ) Комиссии заграничной помощи (КЗП) при Президиуме ЦИК СССР. В феврале 1925 г. он направил в редакции американских газет и журналов, в университеты и колледжи, культурные и научные общества (в общей сложности 1603 адресатам) меморандум, к которому было приложено сопроводительное письмо. Меморандум извещал, что ОБИ уполномочило Информбюро быть его представителем в США и взять на себя работу по культурному и научному сближению обеих стран.[15] Многие учреждения и общества откликнулись на это обращение. Бюро стало получать предложения о культурном и научном обмене, просьбы помочь в получении советской литературы, периодических изданий, материалов о различных сторонах жизни СССР.

После ликвидации КЗП и создания в 1925 г. ВОКС Информбюро было уполномочено представлять его в США.[16] Советско-американские контакты в области науки и культуры значительно расширились. Через бюро распространялись бюллетени культурной жизни Советского Союза, издававшиеся КЗП с июня 1924 г., а затем и бюллетени ВОКС «Weekly News Bulletin», которые с октября 1925 г. выпускались типографским способом. В дальнейшем, с 1931 г., распространялся журнал ВОКС «Soviet Culture Bulletin» (с 1932 г. он выходил под названием «Soviet Culture Review»).

Статьи и хроника, направлявшиеся ВОКС в США, а также заметки о деятельности общества в конце 1925 г. публиковались 15 американскими газетами и журналами.[17] К сентябрю

---

[14] См.: Фураев В. К. Советско-американские отношения. 1917—1939. М., 1964, с. 240.

[15] ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 2, д. 300, лл. 187—191.

[16] «Russian Review», vol. III, No 11, June 1, 1925, с. 240.

[17] Два года культурного сближения с заграницей. Сб. матер. М., 1925, с. 70.

1928 г. контакты по вопросам культурных связей были установлены с 16 федеральными учреждениями, 11 учреждениями штатов, 9 сельскохозяйственными опытными станциями, 74 научными обществами, академиями и институтами, 42 редакциями научных изданий, 32 университетами и колледжами, 11 библиотеками, 12 музеями и т. п.[18]

Представительство ВОКС внесло большой вклад в налаживание регулярного обмена книгами и периодическими изданиями, в развитие обмена научными и культурными силами обеих стран. Этому благоприятствовал поворот к либерализации в фактических сношениях с СССР, который начался с 1925 г., после отставки Ч. Юза с поста государственного секретаря, не только в деловых кругах, но и среди буржуазной общественности.

В 1927 г. в Нью-Йорке возникло Американское общество культурных связей с Советским Союзом.[19] В 1929 г. были созданы аналогичные общества в Чикаго и Филадельфии.[20] Представительство ВОКС установило с ними тесные контакты и всемерно содействовало их работе, в частности, организации различных выставок (советской живописи, графики, плаката, художественной книги, детского творчества, народного образования в СССР, здравоохранения и др.), проведению встреч с деятелями советской науки и культуры, посещавшими США, популяризации достижений СССР в развитии народного хозяйства и культурном строительстве.

ВОКС посылало АРИ книги, брошюры, плакаты, фотографии, комплекты иллюстраций с подписями на английском языке. Б. Е. Сквирский совершал поездки в города, где существовали АРИ, выступал перед их членами и сочувствующими, читал лекции о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР и советской внешней политике. Немалая помощь оказывалась тем американским деятелям науки и культуры, которые хотели беспристрастно, с максимальной объективностью познакомиться с более близкими их профессии сферами жизни советского общества и рассказать о них в своих книгах, отчетах, статьях. АРИ внесли свой вклад в дело содействия нормализации американо-советских отношений. Первым из американских обществ культурной связи открыто выступил с требованием признания СССР чикагский АРИ. Его примеру

---

[18] ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 3, д. 109, лл. 20—37.

[19] Первое заседание инициативной группы состоялось 22 января 1927 г. («Soviet Union Review», vol. V, No 6, June 1927, с. 101). Извещение о создании общества и список лиц, избранных в его руководящие органы, были направлены Б. Е. Сквирскому 18 апреля 1927 г. (ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 3, д. 34, л. 17).

[20] С 1930 г. общества стали называться Американо-русскими институтами культурных связей с Советским Союзом (АРИ).

последовали АРИ в Филадельфии, Сан-Франциско (создан в 1931 г.) и Нью-Йорке.[21]

Работа представительства ВОКС в США не исчерпывалась связями с обществами культурной связи. Широкие контакты развивались и вне этих обществ. Так, например, ВОКС установило и поддерживало связи с «клубами Джона Рида» — организациями передовой интеллигенции (писателей, художников, скульпторов, музыкальных и театральных работников), возникшими в 1929—1930 гг. Клубы помогали в организации выставок советского искусства в США и в свою очередь через посредство ВОКС направили материалы для экспозиции в СССР осенью 1931 г. произведений американской революционной графики.[22]

Разносторонняя деятельность Информационного бюро Советского Союза в США в 1923—1933 гг., осуществлявшаяся на основе строгого соблюдения принципов внешней политики СССР, внесла существенный вклад в достижение поворота американского общественного мнения и создание предпосылок для установления дипломатических отношений между двумя государствами. После учреждения полпредства СССР в Вашингтоне бюро, выполнившее поставленные перед ним задачи, прекратило свое существование.[23]

---

[21] ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 3, д. 372, л. 73; д. 669, л. 9 об.; д. 385, л. 232; д. 457, лл. 76, 76 об.; д. 376, л. 40.

[22] Там же, ф. 5283, оп. 1, д. 157, л. 3 об.; оп. 11, д. 126, л. 103.

[23] С момента установления дипломатических отношений между СССР и США Б. Е. Скvirский стал поверенным в делах, а после прибытия в Вашингтон полпреда СССР А. А. Трояновского — советником полпредства и оставался на этом посту до 1936 г.

ИНГЕ ПАРДОН

ПОЛИТИКА КПГ И СЕПГ ПО ОТНОШЕНИЮ К МОЛОДЕЖИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ФАШИЗМА

Привлечение молодежи после поражения фашизма к построению демократической Германии являлось одной из важнейших задач немецких коммунистов. Тот факт, что СЕПГ на базе многопартийной системы удалось объединить в Союз свободной немецкой молодежи (ССНМ) большую часть молодежи различных классов и с различным мировоззрением, имеет значение не только для ГДР, но представляет интерес для международного коммунистического движения.

КПГ предложила научно обоснованный путь демократического развития Германии в историческом заявлении от

11 июня 1945 г., адресованном и немецкой молодежи. Это была программа «ближайших политических и экономических преобразований» которая соответствовала «объективным условиям переживаемого исторического момента и задачам пролетарской демократии».[1]

Основным в программе КПГ являлся призыв к борьбе за объединение всех антифашистских сил (в особенности рабочих партий) для построения демократической Германии. Рабочему классу в союзе с антифашистскими демократическими силами нужно было осуществить программу денацификации, демилитаризации и демократизации[2] и разоблачить преступную идеологию фашизма.

КПГ стала уделять большое внимание разоблачению империалистической сущности фашизма как несущего главную ответственность за совершенные перед человечеством преступления и разъясняла молодежи тесную взаимосвязь между монополистическим капиталом, фашистской формой господства и империалистической идеологией. Особенно большое значение для перевоспитания немецкой молодежи имел настойчивый призыв КПГ покончить с агрессивным немецким империализмом и милитаризмом. Без осознания своей ответственности, заявлял в одном из своих выступлений В. Пик, «наш народ не сможет сделать серьезных выводов из происшедшей катастрофы».[3] Насколько серьезным был вопрос перевоспитания молодежи, видно из того, что Секретариат ЦК назначил председателя КПГ В. Пика лично ответственным за работу среди молодежи.

Нужно было учитывать последствия нравственных преступлений, которые совершили фашисты особенно по отношению к молодежи. В течение 12 лет фашисты отравляли ее сознание националистической и социальной демагогией, лжеучением о «народе без жизненного пространства», проповедью антисемитизма и антибольшевизма и теорией расового превосходства. Нужно было учитывать и тот факт, что часть немецкой молодежи была охвачена отчаянием и неверием в будущее. Многие считали, что «все разрушено и что впереди пустота и безнадежность».[4]

Большой заслугой КПГ являлось то, что она сумела объединить в антифашистско-демократический блок Христианско-демократический союз, Либерально-демократическую и Социал-демократическую партии Германии. Это было предпосылкой к организационному оформлению молодежи с различными политическими взглядами. Поэтому КПГ отказалась тогда от создания коммунистического союза молодежи, «потому что

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 15.
[2] За антифашистскую демократическую Германию. М., 1969, с. 7.
[3] Deklarationen, Reden, Aufrufe der antifaschistischen Einheit. б/г., с. 49.
[4] Jahnke K. H. Freie Deutsche Jugend. Berlin, б/г., с. 4.

коммунисты хотят, — как заявил В. Ульбрихт, — возникновения свободного молодежного движения на широкой базе».[5] Тем не менее во многих городах Германии возникли различные молодежные группы, например социалистической, коммунистической и беспартийной молодежи, а также католические и евангелические молодежные союзы. Многие честные антифашисты считали, что возможно будет продолжать работу с молодежью в тех организациях, которые в 1933 г. были уничтожены фашистами.

Важным фактором для объединения сил антифашистской молодежи явилось создание в 1945 г. антифашистских молодежных комитетов. Во главе этих комитетов стояли такие опытные закаленные активисты, как Эрих Хонеккер, Эдит Бауманн, Тео Вихерт и другие.

Эти антифашистские молодежные комитеты оказывали помощь молодежи в трудоустройстве и проводили значительную идеологическую работу, которая была направлена на воспитание гуманных чувств к другим народам. Следующим этапом в сплочении антифашистских сил среди молодежи явилось создание в июне 1945 г. в Берлине Главного молодежного комитета, в состав которого вошло по два представителя от каждой существующей при партиях молодежной организации. В состав его вошли также представители от беспартийной молодежи. Нужно, конечно, иметь в виду, что западные оккупационные державы препятствовали созданию подобных антифашистских организаций. Антифашистские молодежные комитеты свободно функционировали только в советской зоне оккупации.

Работа антифашистских молодежных комитетов была особенно сложной в средних школах и вузах. В 1945 г. 90—95% студентов являлись выходцами из буржуазии. Во время фашизма из их рядов комплектовалось руководство молодежными организациями. Молодежные комитеты приложили много труда по вовлечению молодежи в антифашистско-демократическое движение. Опытные работники КПГ оказывали помощь молодежным комитетам. Главной задачей при проведении этой работы коммунисты считали необходимость привлечения всех слоев молодежи к борьбе за единую демократическую Германию, привитие ей идеалов демократии и дружбы между народами.

Процесс объединения молодежи шел параллельно с укреплением единства рабочего класса. В процессе установления единства действий двух партий рабочего класса, местные антифашистские молодежные комитеты объединились в марте 1946 г. в единую антифашистско-демократическую массовую организацию — Союз Свободной Немецкой Молодежи. На пер-

---

[5] Ulbricht W. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. II. Berlin, 1955, с. 446.

вом съезде ССНМ в Бранденбурге в 1946 г. ССНМ призвал к борьбе за осуществление основных прав молодого поколения, т. е. за право на труд, образование, отдых и за предоставление молодежи избирательных прав. На съезде также выдвигался принцип «равной оплаты за равный труд» и за установление дружественных связей с прогрессивной молодежью мира, в частности с советской молодежью. Присутствовавший на этом съезде Отто Гротеволь обратился к молодежи со словами: «Вы всегда должны знать — мы с вами!»[6] Тем самым партия заявляла о своей готовности оказывать молодежи каждодневную помощь.

Для дальнейшего развития ССНМ важное значение имел процесс перерастания СЕПГ в партию нового типа. Сотни тысяч опытных членов СЕПГ разъясняли объединенным в антифашистско-демократическом блоке партиям ту роль, которую должна сыграть молодежь в борьбе за новую Германию. Так, например, на коммунальных выборах в 1946 г. СЕПГ была единственной партией, которая полностью признала основные права молодого поколения.

Второй съезд ССНМ в 1947 г. в Мейссене показал, что единый молодежный союз был на верном пути. К этому моменту количество членов союза почти удвоилось по сравнению с 1946 г.[7] О возросшем влиянии ССНМ свидетельствует тот факт, что на этом съезде присутствовали представители Всемирной федерации демократической молодежи.

Для воспитания молодежи в антифашистском духе большое значение имела новая, очищенная от фашистской идеологии школа, а также изучение работ классиков марксизма-ленинизма. Усилия СЕПГ по привлечению молодежи к решению новых задач нашли полную поддержку со стороны советских оккупационных властей. Позиция Советского правительства в отношении немецкого народа была изложена в статье газеты «Правда» от 14 апреля 1945 г., где было сказано, что «советский народ никогда не отождествлял население Германии и правящую в Германии преступную фашистскую клику». Выполняя свой интернациональный долг, Советская Армия оказывала поддержку демократическим силам Германии, в том числе и ССНМ.

Цели ССНМ находились в полном соответствии с жизненными интересами большей части молодого поколения немцев. И действительно, ССНМ принимал активное участие и в движении народного конгресса за единство и справедливый мир. Антифашисты из молодежи включились в движение за повышение производительности труда, т. е. были в центре важнейших политических событий, происходивших в советской зоне оккупации.

[6] Protokoll des I. Parlaments der FDJ. Berlin, 1952, c. 19.
[7] Protokoll des II. Parlaments der FDJ. Berlin, 1952, c. 4.

Это дало возможность III съезду ССНМ в 1949 г. в Лейпциге заявить, что ССНМ стал наиболее влиятельной молодежной организацией Германии. (К этому времени ССНМ насчитывал 677 тыс. членов.)[8] В результате проделанной работы ССНМ мог с гордостью заявить на этом съезде о выполнении основных прав и требований молодого поколения в Восточной Германии.

В центре дальнейшей работы ССНМ стояли такие задачи, как борьба за укрепление нового демократического строя на Востоке Германии, воспитание молодежи в духе марксизма-ленинизма и дальнейшая борьба за укрепление рядов ССНМ. Выражением сотрудничества и доверия между ССНМ и революционной партией рабочего класса явилось впечатляющее торжественное обещание немецкой молодежи в честь образования ГДР в октябре 1949 г. Тогда, выступая от имени молодежи, Э. Хонеккер заявил, что «впервые в истории немецкий народ и его молодежь создали себе государство и республику, которые соответствуют действительным интересам немецкой нации. Впервые в ее истории молодежь может доверять этому государству и его правительству... Мы, немецкая молодежь, торжественно обещаем хранить верность ГДР, так как она хочет и может принести немецкой молодежи мир и лучшую жизнь».[9]

[8] Protokoll des III. Parlaments der FDJ. Berlin, 1952, c. 5.
[9] Jahnke K. H. Указ. соч., с. 7.

С. И. ВОРОШИЛОВ

ОТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ АВСТРИИ К ПРОБЛЕМЕ «ОБЩЕГО РЫНКА»

В конце 50 — начале 60-х годов проблема «общего рынка» в Австрии являлась объектом серьезной политической борьбы. Это и понятно, потому что эта проблема имеет прямое отношение к проводимой Австрией в соответствии с Государственным договором 1955 г. политике постоянного нейтралитета.

Те, кто желает приобщения Австрии к европейской интеграции, часто утверждают, что проблема «общего рынка» интересует их исключительно с точки зрения экономических отношений или технического прогресса и что сближение со странами «общего рынка» или даже полное членство в этой надгосударственной монополистической организации принесет выгоду всем слоям населения.[1] Они делают вид, что проявляют заботу в отношении всей экономики Австрии.

[1] West F. EFTA und Österreichs Neutralität — «Weg und Ziel», 1960, Nr 1, c. 4

В действительности речь идет о классовых интересах австрийской буржуазии, которая в результате общего ослабления системы капитализма проявляет интерес к европейской интеграции и готова отказаться от узаконенной парламентом политики нейтралитета. Что касается экономических причин, то в своих расчетах монополистический капитал Австрии исходил из того, что в результате осуществленных в рамках курса тогдашнего федерального канцлера Ю. Рааба мероприятий (речь идет об оказании финансовой поддержки кругам буржуазии, тесно связанным с мировым рынком) Австрии «нечего бояться либерализации»,[2] т. е. конкуренции в рамках надгосударственных монополистических объединений. Экономическую сторону проблемы с грубой откровенностью прокомментировал на Зальцбургской дискуссии экспертов, организованной Академическим объединением по проблемам внешней политики, представитель правой Австрийской партии свободы Йёрг Кандуш, когда он заявил: «Куда мы будем девать железо и сталь?» Речь, конечно, шла не только о железе и стали. Интерес к выпуску товаров большими сериями австрийские промышленники стали проявлять уже в начале 50-х годов в связи с увеличением экспортных возможностей.

Австрийская буржуазия не прочь также была привлечь иностранные капиталы в экономику страны через присоединение к «общему рынку», но с определенной осторожностью и ограничением. Во всяком случае выступавший от правящей тогда буржуазной Австрийской народной партии на вышеуказанной дискуссии в Зальцбурге Вальтер Вейсман проявлял интерес к «движению капитала» при сохранении австрийских интересов. Речь шла главным образом о краткосрочных кредитах, которых не хватало австрийским промышленникам [3] и которые могли понадобиться в условиях жестокой конкуренции в рамках «общего рынка». Не может быть сомнения в том, что в этой жестокой конкуренции не имеющие надлежащей финансовой поддержки предприятия были бы вынуждены произвести, как признавался правый социалист К. Чернец, «перестройку».[4] Такими бы были национализированные предприятия, и «перестройка» их могла означать не что иное, как создание необходимой обстановки для реприватизации.

Но классовый смысл тяготения крупного капитала Австрии к «общему рынку» был гораздо шире, чем только борьба против национализированного сектора. Хотя в официальных речах часто делалось ударение на то, что «экономическая необ-

---

[2] Czernetz K. Europas Wirtschaftseinheit im Werden. — «Die Zukunft», 1957, Nr 2, c. 108.

[3] Ausch K. Licht und Irrlicht des österreichischen Wirtschaftswunder. Wien, 1965, c. 320.

[4] Czernetz K. Europas Wirtschaftseinheit im Werden. — «Die Zukunft», 1957, Nr 2, c. 33.

ходимость выступает на первый план»,[5] но нельзя было уйти от факта, что Европейское экономическое сообщество является экономическим инструментом для политических целей[6] (это признание принадлежит представителю Австрийской партии свободы Иёргу Кандушу).

То, что Европейское экономическое сообщество с самого начала имело не только экономические, но и политические цели и что отклонение от политических целей привело бы, как говорил в своем докладе член Европейского парламента В. Биркебах,[7] к разжижению европейской интеграции, соответствовало интересам крупного капитала Австрии. Об этом свидетельствовала внешнеполитическая линия Австрийской народной партии на протяжении всего послевоенного периода.

Еще до подписания Государственного договора в конце 1953 г. бывший тогда генеральным секретарем Австрийской народной партии А. Малета в дебатах в парламенте по внешнеполитическим проблемам особо делал ударение на то, что при любых дипломатических шагах австрийского правительства в настоящем и в будущем нужно иметь в виду, что Австрия нуждается в существовании более сильной Европы.[8] Как известно, в этой партии были значительные силы, выступавшие против политики постоянного нейтралитета.

Конкретизируя далее свою мысль, Малета подчеркивал необходимость западноевропейской ориентации во внешней политике Австрии и после подписания Государственного договора во имя «сохранения наших (т. е. капиталистических) форм жизни».[9] Классовый смысл приверженности австрийской буржуазии к интегрированной Европе не нуждался в пояснениях. Причем эта классовая направленность крупного капитала Австрии обозначалась еще рельефнее, когда из-под покрывала интегрированной Европы все явственнее проглядывал милитаристский облик западногерманского монополистического капитала. Выступая «спасителями» нерентабельных австрийских предприятий (т. е. национализированных, которые они прибирали к своим рукам) и обеспечив себе солидную долю в австрийском экспорте (28,6% в 1965 г.) и импорте (41,9% в 1965 г.),[10] западноевропейский монополистический капитал увеличил свое влияние в Австрии до появления опасных симптомов.

Все это на практике привело к тесному контакту неонацистских группировок Австрии и Западной Германии. Созданную в 1967 г. в Австрии неонацистскую национал-демократическую

---

5 Österreich und die EWG. Akademische Vereinigung für Außenpolitik. Universität Innsbruck, б./г., с. 108.

6 Там же.

7 Там же, с. 19.

8 Maleta A. Österreichs Freiheit unabgingbar. Österreichische Monatshefte, 1953, Nr 12, с. 677.

9 Там же.

10 «Deutsche Außenpolitik», 1966, Nr 12, с. 1472.

партию демократическая общественность назвала филиалом национал-демократической партии ФРГ.[11] Таким образом, европейская интеграция вела к сближению реакционных сил Австрии и ФРГ. Что касается руководства СПА, то на XIX съезде КПА в 1965 г. справедливо указывалось, что самой большой слабостью лидеров социалистической партии являлась недооценка западногерманского милитаризма и реваншизма.[12]

Эта «слабость» социалистических лидеров имела тесную связь с их ошибочной трактовкой проблемы европейской интеграции. Империалистическую сущность европейской интеграции правые социалисты Австрии пытались прикрыть лозунгом социалистического интернационализма. В теоретическом органе СПА утверждалось, например, что социалистическая партия, написавшая на своем знамени «интернационализм», всегда отрицательно относилась к экономической политике в национальных рамках.[13]

Хотя некоторые идеологи Социалистической партии Австрии пытались утверждать, что они против реакционного, и только за прогрессивный «смысл пан-европейского движения»,[14] все это по-существу свидетельствовало лишь о непоследовательности и двойственности политики лидеров СПА в данном вопросе. Следует отметить, что несмотря на соприкосновение позиций СПА с Австрийской народной партией по проблеме европейской интеграции, между ними была существенная разница. Если в конце 50-х годов руководство социалистической партии подчеркивало необходимость поддержки только военного нейтралитета, то в начале 60-х годов оно все больше и больше стало защищать постоянный нейтралитет в более широком смысле. Федеральный канцлер Б. Крейский при сформировании однопартийного (социалистического) правительства в правительственном заявлении определенно высказался за политику постоянного нейтралитета как гарантию безопасности и независимости Австрии.

На позицию лидеров социалистической партии в данном вопросе безусловно оказывал влияние тот факт, что идея нейтралитета овладела массами трудящихся и в значительной степени благодаря решительной позиции австрийских коммунистов. КПА всегда отстаивала ту точку зрения, что присоединение Австрии к «общему рынку» явилось бы нарушением провозглашенной политики постоянного нейтралитета. XIX съезд КПА квалифицировал это как «далеко идущую форму аншлю-

---

[11] «Правда», 1967, 28 июля.

[12] Der 19. Parteitag der Kommunististischen Partei Österreichs (Gekürztes Protokoll). Wien, 1965, c. 75.

[13] Kienze H. Integration oder Autarkie? — «Die Zukunft», 1958, Nr 2, c. 51.

[14] Hindels J. Sozialistische Ideologie und Europäismus. — «Die Zukunft», 1960, Nr 3, c. 79.

са»,[15] способствующую установлению контроля западногерманских монополий над национализированной промышленностью Австрии.

В начале 60-х годов даже такие лидеры СПА правого толка, как Карл Чернец, стали высказываться за невозможность для Австрии принимать участие в «общем рынке», члены которого особо подчеркивали «политический элемент» данной организации.[16] На съезде социалистической партии в 1961 г. была принята состоявшая из пяти разделов резолюция, в которой заявлялось, что основой австрийской внешней политики является постоянный нейтралитет.[17]

Вместе с тем правосоциалистическое руководство даже в партийных документах подчеркивало, что политика нейтралитета не должна препятствовать Австрии принадлежать к «европейскому совету». Один из авторов статьи в органе СПА выразил эту мысль еще яснее, заявив, что тот факт, что Австрия не может быть полноправным членом ЕЭС, не означает, что мы против этого сообщества.[18] Следует отметить, что буржуазная АНП и СПА сразу приступили к настойчивой пропаганде за «ассоциацию с ЕЭС». Между лидерами СПА и АНП не было существенных разногласий в вопросе европейской интеграции до тех пор, пока планировалась идея создания большой «свободной зоны торговли» в Европе, ядром которой должны были стать страны «общего рынка».[19]

Представители крупного капитала в Австрии считали, что большая «свободная зона торговли» прикроет их тесные связи с западногерманскими монополиями. Но когда план «свободной зоны торговли» не осуществился и Австрия вынуждена была, соблюдая условия Государственного договора, присоединиться не к ЕЭС, а к Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), у крупных капиталистов Австрии появилась новая идея — создать мост между этими двумя надгосударственными монополистическими объединениями. В силу ряда причин пропасть между этими монополистическими организациями была такой широкой и глубокой, что мост через нее навести не удалось. Тогда и началась интенсивная пропаганда за «ассоциацию с ЕЭС».

Австрия, как и любая другая страна мира, нуждается в развитии торговых связей. Как утверждал в одном из своих выступлений в прессе нынешней федеральный канцлер Бруно

---

15 Der 19. Parteitag der Kommunistischen Partei Österreichs (Gekürztes Protokoll), c. 114.

16 Czernetz K. Österreich und EWG. — «Die Zukunft», 1962, Nr 8/9, c. 201.

17 Scheu F. Sozialistische Außenpolitik. — «Die Zukunft», 1961, Nr 6/7, c. 165.

18 Там же.

19 Kreisky B. Österreich vor der Integration. — «Die Zukunft», 1963, Nr 2, c. 3.

Крейский, членство Австрии в ЕАСТ принесло определенное повышение торгового оборота. Уже в 1959 г. австрийский вывоз в страны ЕАСТ, включая Финляндию, достиг 3 млн. шиллингов, или 12,1% общеавстрийской торговли.[20] В результате десятилетиями формировавшегося внешнеполитического курса Австрия оказалась тесно связанной экономически со странами «общего рынка». Во всяком случае, в конце 50-х — начале 60-х годов страны ЕЭС составляли в австрийском экспорте более 49%,[21] причем еще раз следует напомнить, что доля ФРГ в австрийском вывозе составляла в середине 60-х годов 28,6%, а в импорте — 41,9%. Этими фактами оперируют представители крупного капитала Австрии, высказываясь за необходимость присоединения к «общему рынку».

Эта экономическая необходимость не кажется такой уж необходимой, как это может показаться на первый взгляд. Здесь следует иметь в виду, что австрийский экспорт в страны «общего рынка» на одну треть состоял из сырья, на одну треть — из полуфабрикатов и только на одну треть — из готовых товаров.[22] А вывоз сырья и полуфабрикатов мало чувствителен к политике пошлин по той простой причине, что страны ЕЭС нуждались и нуждаются в сырье и полуфабрикатах.

Следует, конечно, признать, что для австрийской промышленности было бы лучше, если бы не дискриминировался вывоз готовой продукции в страны «общего рынка». Но он занимал не более 12—15% общеавстрийского экспорта готовой продукции.[23] Профессор Вильгельм Вебер, выступавший на Зальцбургской дискуссии экспертов по данной проблеме, утверждал, что серьезной дискриминации в странах «общего рынка» подверглось только 9,6% австрийского вывоза, а 59,6% вообще не было подвержено дискриминации.[24] Если учесть, что австрийский экспорт в страны Восточной Европы на 90% состоял из промышленных изделий, причем главным образом готовых,[25] то дискриминация 9—12% готовой продукции австрийского экспорта в страны «общего рынка» могла бы быть легко покрыта за счет активизации торговли с социалистическими странами.

КПА вела и ведет решительную борьбу против тех, кто, опираясь на экономические аргументы, пытался замаскировать тот факт, что речь шла о включении Австрии в систему определенного политического и военного блока, для которого «общий рынок» является экономической базой. КПА также ре-

---

[20] Там же, с. 3—4.

[21] Там же.

[22] Fiala E. Gefährliche Illusion um die EWG.— «Weg und Ziel», 1962, Nr 1, c. 20.

[23] Там же.

[24] Österreich und die EWG, c. 22.

[25] Fiala E. Gefährliche illusion... — «Weg und Ziel», 1962, Nr 1, s. 20.

шительно выступила против так называемой «специфической формы» участия Австрии в ЕЭС.

Такой найденной, по мнению промышленных кругов Австрии, специфической формой участия страны в «общем рынке» якобы могла явиться (взамен полного членства) ассоциация, которая позволила бы осуществлять координацию австрийской торговли со странами «общего рынка». Ища обходный путь, правительство Австрии обратилось 15 декабря 1961 г. с ходатайством к Совету министров «общего рынка» обеспечить приемлемое для страны присоединение к этой надгосударственной монополистической организации.

Но даже ассоциация, а не полное членство, как заявил на зальцбургской дискуссии от имени КПА Эрвин Шарф, приведет к далеко идущим последствиям. Политическая структура «общего рынка» такова, указал далее Э. Шарф, что даже ассоциация получает определенную политическую направленность.[26] Борьба КПА за политику постоянного нейтралитета явилась существенным препятствием на пути устремлений австрийской реакции к активному участию в европейской интеграции.

---

[26] Österreich und die EWG. . , c. 104.

И. Я. ФРОЯНОВ

ЦЕРКОВНО-МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВО НА РУСИ XI—XII вв.

Вопрос о времени возникновения земельной собственности русского духовенства в исторической литературе решается поразному: одни исследователи полагают, что владеть недвижимым имуществом клирики начинают с принятием христианства и организацией церкви на Руси,[1] другие относят появление церковного землевладения ко второй половине XI в.[2] Вторая

---

[1] Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. СПб., 1871, с. 47; Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. I. Первая половина тома. М., 1901, с. 511, 513; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 139; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 54—55.

[2] Милютин В. О недвижимых имуществах духовенства в России. ЧОИДР, 1859, кн. 4, с. 24; Покровский М. Н. Избр. произв., кн. 1. М., 1966, с. 102; Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории. Пг., 1919, с. 16; Кулишер И. Из истории крестьянского труда в древней Руси. Архив истории труда в России, кн. 1. Пг., 1923, с. 95; Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти древней Руси. — В кн.: Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 336.

точка зрения представляется более обоснованной. В самом деле, первые известия относительно земельных владений духовенства идут от второй половины XI в. и касаются Печерского монастыря. Из этих известий узнаем, что в игуменство Феодосия при обители находились села, бывшие под присмотром печерских иноков.[3] Однако продуктов, производимых в монастырских селах, явно не хватало, и монахам часто не из чего было готовить «ядь». Тогда «мниси» отправлялись на рынок.

Сведения Патерика о связях лавры с древнерусским торгом двоякого рода. Некоторые из них указывают на более или менее постоянный контакт монастыря с рынком. Так, однажды к Феодосию «вниде иконом, глаголя блаженному, яко утрий день не имам чим купити на ядь братии и на ину потребу».[4] Следовательно, покупать продукты для братии — вещь обычная, исключителен лишь случай, когда не на что купить снедь. Колоритен рассказ и о том, как иноки «рукама своими делаху: оволи копытца плетуще и клобуки, и иная ручнаа дела строаща. И тако носяще в град продаати, и тем жито купяху».[5] Есть и такие сведения, в которых воспроизводятся эпизоды оскудения монастырских сусеков, что также вынуждало обращаться к «торгу». Но покупка «брашна» не единственный выход. Его недостаток восполнялся порой за счет приношений.[6] Тем не менее дары, будучи случайными, не снимали продовольственной проблемы, и монахи продолжали не только покупать провизию, но и брать ее в кредит.[7]

Нельзя, разумеется, преувеличивать степень необеспеченности Печерского монастыря.[8] Известно, что Феодосий «по вся суботы посылаше въз хлебов, иже в темницах сущих и в узах».[9] В урожайные годы села монастырские изобиловали хлебом и скотом.[10] Автор жития не раз говорит о все возрастающем благополучии монастыря.[11] Но не подлежит сомнению, что монахи временами испытывали нехватку в продуктах питания и выходили из затруднения с помощью рынка. Стало быть, наличное монастырское хозяйство не всегда удовлетворяло самые насущные потребности братии. Оно, видимо, было незначительным.

Благосостояние Печерского монастыря зависело не только от его сел. Он имел еще иные источники дохода. Здесь припоминается Ярополк Изяславич, щедрою рукою давший монастырю «всю жизнь свою Неблъскую волость и Деревьскую, и Лучь-

---

[3] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 31, 45.
[4] Там же, с. 36.
[5] Там же, с. 26.
[6] Там же, с. 41.
[7] Там же, с. 36.
[8] Греков Б. Д. Указ. соч., с. 140.
[9] Патерик..., с. 42.
[10] Там же, с. 55.
[11] Там же.

скую и около Киева».[12] С давних пор в литературе этот вклад истолкован как передача недвижимости—земельных владений.[13] Советские историки Б. Д. Греков, С. В. Юшков, Я. Н. Щапов занимают в сущности ту же позицию.[14] М. Н. Тихомиров судит осторожнее: «Неизвестно, получил ли монастырь Неблюскую волость в полное владение, может быть речь идет только о доходе с нее».[15] Впрочем и он фразу «всю жизнь свою» переводит как «все свое имущество». Анализ источников показывает, что термин «жизнь», обращенный к волости, означает не личное имущество, частную собственность, а владение в смысле кормленой единицы.[16] Вот почему передачу Ярополком волостей надо понимать не как земельное пожалование, а как уступку права сбора волостных доходов. Подобные явления имели место и в других раннесредневековых государствах, например в Англии, Норвегии, Хорватии.[17]

Предоставление прав по сбору волостных доходов на Руси XI—XII вв. духовным корпорациям подтверждается, кроме летописных заметок о князе Ярополке Изяславиче, и древнейшими грамотами. Сын Мономаха Мстислав, «дьржа Руську землю в свое княжение повелел... Всеволоду отдати Буице святому Георгиеви с данию, и с вирами, и с продажами, и вено вотское». Князь еще «дал рукою своею осеньнее полюдие даровьное, полътретиядесяте гривьн святому же Георгиеви».[18] Формуляр грамоты достаточно красноречив: пожалование осуществляется от имени князя, олицетворяющего государство, а не в порядке частной акции. Сколь далеко простиралась сфера полномочий монастыря над только что полученной территорией — вопрос принципиальный, от ответа на который зависит многое. Л. В. Черепнин и Л. В. Данилова думают, будто волость вместе с населением отдавалась монастырю в фео-

---

12 ПСРЛ, т. II, стб. 492.

13 Милютин В. О недвижимых имуществах... — ЧОИДР, 1859, кн. 4, с. 26; Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. I. Вторая половина тома, с. 712—713.

14 Греков Б. Д. Указ. соч., с. 138; Юшков С. В. Очерки..., с. 48; Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти...— В кн.: Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 332.

15 Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 35.

16 Фроянов И. Я. Кормления в Древней Руси. — В кн.: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971, с. 58.

17 Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. М., 1937, с. 47—48; Гуревич А. Я. Так называемое отнятие одаля королем Харальдом Прекрасноволосым. — Скандинавский сборник, вып. II. Таллин, 1957, с. 34; Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, с. 286.

18 ГВНП. М.—Л., 1949, с. 140.

дальную собственность.[19] Еще больше усложняет картину Я. Н. Щапов, находя тут передачу земли «из фонда уже закрепощенных государством земель».[20] Мы присоединяемся к А. Л. Шапиро и Т. И. Осьминскому, которые видят в пожаловании волости Буйцы новгородскому Юрьеву монастырю передачу права сбора доходов.[21] Справедливость такого предположения укрепляется данными о последующей судьбе волости. Как свидетельствует договорная грамота великого князя Казимира с Новгородом (1440—1447 гг.), Буйцы выходила из-под власти монастыря, и население ее «тянуло» черными кунами уже не к юрьевским монахам, а к тому, кому Господин Великий Новгород предоставлял право их сбора.[22] Поэтому в Новгородских писцовых книгах упоминание о Буйцах сопровождается указанием: «волость, что *бывала* (курс. наш. — *И. Я.*) Юрьева монастыря».[23]

Таким образом, пожалование князьями земель монастырям с правом сбора доходов не было мерой феодального характера. Оно создавало лишь возможность эволюции отданной земли в феодальную собственность.[24] И здесь духовенство шло впереди князей, которые из-за частых переездов и смены столов не могли сконцентрировать свои частновладельческие усилия на каком-нибудь постоянном объекте — волости. Так обстояло по крайней мере до середины XII в. Монастырь же, получив волость, постепенно стеснял ее свободу, что, конечно, вызывало энергичный отпор крестьянства. Наступление на волость — далеко не одноактное действие. Сначала устанавливалась верховная собственность на землю волости, носившая скорее номинальный характер, нежели действительный. На этой стадии между вотчинником и крестьянским миром нет никаких или почти никаких производственных связей. Они — два экономически самостоятельных организма, скрепленных политически. Медленно, шаг за шагом владелец приближается к волости и, наконец, внедряется в общественную ткань, подрывая общину и устанавливая над ней господство, — так завязывается феодальное хозяйство. Чем меньше пожалование, тем легче и быстрее идет процесс перерождения свободной общины в комплекс зависимых хозяйств. Но при самых оптимальных условиях для вотчинника он растягивается на длительный период.

Помимо волости Буйцы, Юрьев монастырь получил от име-

---

[19] Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, с. 113—114; Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 54.

[20] Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти... — В кн.: Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 329.

[21] Аграрная история Северо-Запада России, с. 68, 85.

[22] В данном случае черные куны получал Казимир. — ГВНП, с. 116.

[23] Аграрная история Северо-Запада России, с. 85.

[24] Там же, с. 68.

ии князя Всеволода Мстиславича Терпужский погост Ляховичи «с землею, и с людьми, и с коньми, и лес, и борти, и ловища на Ловати...».[25] Наименование погоста Ляховичи, очевидно, происходит от слова «ляхи», т. е. «поляки». Может быть, население погоста состояло из польских пленников, поселенных на землях Новгорода. Такая практика в Древней Руси была довольно распространенной. Пленники, посаженные на землю, назывались смердами, их основная функция — платить дань.[26] Пожалование погоста Ляховичи заключалось, по всему вероятию, в переадресовке дани: прежде она поступала князю или Новгороду, теперь — Юрьеву монастырю.

Изяслав Мстиславич пожаловал Пантелеймонову монастырю на сходных правах село Витославицы со смердами. Любопытно то, что «грамота Изяслава Мстиславича является не рядовым актом пожалования земельных владений одному из новгородских монастырей. Это документ, выданный Пантелеймонову монастырю его основателем в момент основания...».[27] Следовательно, мы имеем случай наблюдать один из способов обеспечения созидаемых монастырей, заключающийся прежде всего в предоставлении сбора дани. Эта мера являлась началом превращения смердов, пребывавших под властной опекой государства и отданных монастырю, в феодально зависимый люд. Значит, темпы феодализации зависели и от того, какой погост получал монастырь: если его население было в массе свободным, феодализация шла медленнее, если же — зависимым, то скорее. Из просмотренного материала явствует и то, что новгородские монастыри, подобно Киевскому Печерскому монастырю, благоденствовали в значительной степени за счет поборов, предоставляемых им князьями, выступавшими от лица государства, т. е. за счет доходов извне.

Разумеется, и на Северо-Западе монастыри держали села на частном праве, о чем рассказывают духовные и данные грамоты.[28] Но их было мало, они не могли лежать в основе жизнедеятельности иноческих организаций, ибо подавляющее большинство монастырей на Руси XI—XII вв. феодальными собственниками не являлись «и никаких хозяйственных задач перед собой не ставили».[29] К этим наблюдениям И. У. Будовница добавим: те монастыри, которым он придает хозяйственное значение (Киево-Печерский, Юрьев, Пантелеймонов), полагались не на одно свое хозяйство, но в первую очередь на волостные доходы, какими подкармливали их князья.

---

25 ГВНП, с. 139.

26 Фроянов И. Я. Смерды в Киевской Руси. — Вестник Ленингр. ун-та, 1966, № 2.

27 Янин В. Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 315.

28 ГВНП, с. 159—163.

29 Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966, с. 73.

С введением христианства на Руси белое духовенство, завезенное из Византии, получило довольствие по специальному указу Владимира Святославича — так называемому Церковному Уставу князя Владимира.[30] Церковные уставы X—XII вв. внимательно изучались Я. Н. Щаповым.[31] Автор прав, говоря, что «важной особенностью устава Владимира является отсутствие среди названных в нем источников, которыми обеспечивается церковь, землевладения».[32] Умолчание о землях в Уставе Владимира Я. Н. Щапов объясняет так: «Основа устава складывалась тогда, когда этот институт не играл еще важной роли в обеспечении церкви, когда основными источниками ее обеспечения были только те, которые названы в уставе: десятина и церковные суды».[33] Этот вывод принять можно, но с поправкой: церковное землевладение в первые десятилетия после крещения Руси вовсе не играло никакой роли.

Выделение части княжеских доходов в пользу церкви Я. Н. Щапов понимает как раздел феодальной ренты между церковной и светской властью. Понятно, почему церковь у него сразу же выступает в обличье феодала. В состав десятины, предназначенной для церкви, входили, по словам Я. Н. Щапова, «отчисления от трех основных форм совокупной феодальной ренты: десятина от даней в различных ее видах, десятина от княжеского суда (от „вир" и „продаж") и десятина от торга».[34] Данные положения Я. Н. Щапова подверглись убедительной критике как неосновательные.[35]

Перенесемся в XII столетие и посмотрим, чем снабжают князья церковь. Вот Устав Святослава Ольговича, выданный новгородской епископии. В его преамбуле сообщается: «Устав. бывшии преже нас в Руси от прадед и от дед наших: имати пискупом десятину от дании и от вир и продажь, что входить в княж двор всего».[36] Если предполагать, что цитированные

---

30 ПРП, вып. I, с. 237, 238.

31 Щапов Я. Н. 1) Смоленский Устав князя Ростислава Мстиславича.— Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963; 2) Редакции Устава князя Ярослава Владимировича. — Проблемы источниковедения, XI, 1963; 3) Церковь в системе государственной власти... В кн.: Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 279—297; см. также: Поппэ А. В. Учредительная грамота Смоленской епископии. — Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966.

32 Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти...—В кн.: Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 291.

33 Там же.

34 Там же, с. 302.

35 Каштанов С. М., Клокман Ю. Р. Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX века. — «История СССР», 1967, № 5, с. 166—167; Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю. — «Вопросы истории», 1969, № 12, с. 70.

36 Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, с. 19—20.

строки есть пояснение к уставу Владимира,[37] то лишний раз убеждаемся в решающей роли внеземельных доходов церкви конца X — первой половины XI в. Непосредственные предшественники Святослава Ольговича, по его признанию, выделяли епископу то же: «А зде в Новегороде, что есть десятина от дани, обретох уряжено преже мене бывшими князи, толико от вир и продажь десятины зьрел, олико дани в руце княжи и в клеть».[38] У исследователей вызывает затруднение чтение фразы «олико дани в руце княжи и в клеть». «Данни» или «дани» — вот в чем сложность. Я. Н. Щапов вслед за другими учеными принимает транскрипцию «данни».[39] Более приемлемым нам представляется чтение М. Н. Тихомирова «дани» вместо «данни».[40] В формуле «олико дани в руце княжи» нашли отражение особенности княжеского суда в Новгороде, заключавшиеся не только в наказе князю суд вершить под наблюдением новгородского чиновника — посадника, но в известном ограничении дней княжеского суда.[41] Отсюда ясно, что размер десятины от вир и продаж зависел от количества дней княжого суда, определенных Новгородом.

Святослав Ольгович выделил 100 гривен епископу взамен десятой части от вир и продаж. Кроме того, новгородская епископия получала отчисления с дани, величина которых указана по каждому из погостов, вносивших ее в княжескую казну. Всего дом Святой Софии получил 43 с половиной сорочка. Из Еми владыке поступали меха, с соляных варниц по 3 пуда соли от црена и салги.[42]

Уставная грамота князя Ростислава Смоленской епископии имеет особую ценность для изучения нашей темы, поскольку она, будучи учредительной, тщательно фиксирует главные источники доходов церковного ведомства середины XII в. И что же? Оказывается, даже в это время церковь в основном питается «уроком» от княжеских сборов: дани, вир и продаж, полюдья, а также торговых, мытных, перевозных, корчемных денег и др.[43] По подсчетам А. А. Зимина, княжеские ресурсы в Уставной грамоте Ростислава «исчисляются суммой свыше 4 тыс. гривен (нужно учитывать также, что многие подати в грамоте не обозначены)».[44] Взяв в расчет минимальные 4 тыс.

---

37 Там же, с. 19.
38 Там же, с. 20.
39 Щапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти... — В кн.: Новосельцев А. П. (и др.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 283—284.
40 Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Указ. соч., с. 20.
41 ГВНП, с. 10, 13, 16, 17, 20, 22.
42 Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Указ. соч., с. 20.
43 ПРП, вып. II, с. 39—41.
44 Там же, с. 45.

гривен, получим внушительную сумму в 400 гривен, т. е. десятину, поглощаемую церковью. После перечисления различных поступлений Устав упомянул и десятую долю от рыбного улова.[45] В сравнении с остальными пожалованиями, земельные занимают очень скромное место. Князь вручил епископии всего два села, несколько сеножатей, озер и капустный огород.[46] Для большой епископской кафедры эти пожалования ничтожны. Так получаем веское свидетельство о том, что и в XII в. земля не стала еще главным богатством церкви, она заметно проигрывала при сопоставлении с иными видами церковного богатства.

Коснемся еще некоторых доходных статей, помеченных княжескими церковными уставами. Уже Устав Владимира очертил судебную компетенцию епископа, определив церковные суды.[47] Устав Ярослава Владимировича с особым тщанием оповещает о них.[48] В грамоте Ростислава церковные суды также обозначены.[49] Несомненно, судебная практика способствовала обогащению церкви, которая, таким образом, держала в руках еще один важный источник дохода.

Из всех уставов о полюдье говорит прямо лишь Ростиславова грамота.[50] Но мы ошибемся, если вообразим, что князья до этого не делились им с отцами церкви. В данной связи примечательно, что Святослав Ольгович предоставляет новгородскому епископу право брать «на Ивани погосте с даром... у Лигуя с даром... у Вавдита с даром».[51] Дар — это то, что получает князь во время полюдья. Не случайно в некоторых источниках встречаем словосочетание — полюдье даровное.[52]

Иногда князья наделяли кафедральные церкви городами, иначе — поступались кормами с них. Первый на Руси митрополит, приглашенный из Царьграда, получил, как известно, Переяславль. Б. Д. Греков усматривает в этом земельное пожалование.[53] Предположение Б. Д. Грекова не может быть принято, поскольку Русь X—XII вв. не знает владения крупными городами на частном праве.

Передача городов в кормление церкви заметна и в XII в. Суздальский «списатель» вспоминает щедрость Андрея Боголюбского, наделявшего городами церковь Богородицы во Владимире.[54] В усобицы, наступившие после убийства Андрея, Ро-

---

45 Там же, с. 41.
46 Там же.
47 ПРП, вып. I, с. 244—245.
48 Там же, с. 265—271.
49 ПРП, вып. II, с. 41.
50 Там же, с. 39, 40.
51 Тихомиров М. Н., Щепкина М. В. Указ. соч., с. 20.
52 ГВНП, с. 140.
53 Греков Б. Д. Указ. соч., с. 139—140.
54 ПСРЛ, т. I, стб. 375.

стиславичи взяли их на себя. Позднее Михалко с Всеволодом, одержав победу над племянниками «да городы святое Богородици, яже бе отъял Ярополк».[55]

Подчеркивая существенную роль в жизни древнерусской церкви неземельных доходов, нельзя игнорировать совершенно отчетливые указания памятников насчет церковного землевладения. Автор «Повести временных лет», описывая сожжение Суздаля по указке Олега Святославича, сообщает: «Токмо остася двор монастырьскый Печерьскаго монастыря и церкви, яже тамо есть святаго Дмитрея, юже бе дал Ефрем и с селы».[56] Богородицкую церковь князь Андрей одаривал многим имением, купленными «свободами», «лепшими» селами.[57] Епископ Кирилл поражал воображение современников своими «купами и селы и всем товаром и книгами».[58] Однако, хотя иерархи церкви селами и располагали, земельный фонд не стал пока основой их благополучия, из чего можно заключить о сравнительно слабом развитии землевладения древнерусской церкви XI—XII вв.

---

[55] Там же, стб. 377.
[56] ПВЛ, ч. I, с. 169.
[57] ПСРЛ, ч. I, стб. 348.
[58] Там же, стб. 452.

А. Л. ШАПИРО

О ХАРАКТЕРЕ НАЙМА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ф. Энгельс снабдил в 1888 г. английское издание Манифеста Коммунистической партии рядом пояснительных примечаний. Первое из них относится к названию главы «Буржуа и пролетарии». «Под буржуазией, — пишет здесь Ф. Энгельс, — понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу».[1] Таким образом, в основополагающем труде научного коммунизма отмечается, что, наряду с «современными» капиталистами и «современными» пролетариями, типичными для капиталистического способа производства, история знала иных капиталистов и пролетариев.

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 424.

В «Антидюринге» Ф. Энгельс характеризовал наемный труд докапиталистической эпохи с точки зрения его удельного веса в общественном производстве и, что особенно существенно, с точки зрения направления его развития. До капитализма «наемный труд существовал лишь в виде исключения, побочного занятия, подсобного промысла, переходного положения».[2]

Когда В. И. Ленин изучал различные типы применения наемного труда в хозяйстве, его также занимал вопрос о том, «складывается ли здесь особый тип хозяйства, или наем случаен».[3]

В Древней Руси, как и в других странах, стоявших на близком к ней уровне социально-экономического развития, наем распространялся в тех случаях, когда затруднено было использование принудительного труда феодально-зависимых людей и рабов.[4] Так дело обстояло с крупными строительными работами, т. е. со сферой, к которой относятся самые ранние упоминания русских источников о наемном труде.[5] И в этом нет ничего удивительного. Даже крупные феодалы не всегда могли иметь в составе подвластных людей специалистов-строителей.

---

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 282.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 106.

[4] О найме в Древней Руси исследователи уже писали. См., например: Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909, с. 299; Беляев П. И. Договор найма в древнем русском праве.— «Русский исторический журнал», 1918, № 5, с. 3—32. — В ранние издания «Киевской Руси» Б. Д. Греков включил специальный параграф «Ремесленный и наемный труд» (Греков Б. Д. Киевская Русь. М.—Л., 1944, с. 150—154). Автор этого ценного труда отмечал, что когда мы говорим о Киевской Руси, мы «имеем дело не с обществом наемного труда» (с. 153). «Несомненно, — пишет далее Б. Д. Греков, — наемный труд зародыш капиталистических отношений. Спорадические факты, говорящие о нем в глубокой древности, нисколько не колеблют нашего представления о господстве в это время других, некапиталистических общественных отношений» (с. 154). Последний вывод совершенно справедлив. Обосновывая его, Б. Д. Греков указал, что факты, свидетельствующие о наемном труде, носили спорадический характер и не имели условий для развития. Поэтому «нас не должны смущать факты наличия наемного труда в древнерусском обществе».

Не считая, видимо, такое предупреждение достаточным, Б. Д. Греков исключил из поздних изданий параграф «Ремесленный и наемный труд» (М., 1949, М., 1953). Вряд ли следовало это делать. Нам кажется, что задача заключалась и заключается в том, чтобы раскрыть характер наемного труда в Древней Руси и показать, в чем его отличие от наемного труда — зародыша капиталистических отношений.

[5] В связи с задержкой строительства в XI в. храма Георгия в Киеве князь Ярослав спрашивал у тиуна: «Почто не много у церкве стражющих?» Тиун отвечал, что люди опасаются, что, вложивши в строительство труд, они «наима лишены будут». Князь тогда приказал объявить на торгу, что строители будут получать по ногате в день «и бысть множество деющих» (Каргер М. К. Древний Киев, т. 1. М.—Л., 1958, с. 486). О найме артелей строителей во Пскове в XV в. см.: Псковские летописи, вып. 2, под ред. А. Н. Насонова. М., 1955, с. 36, 37; об артелях строителей в Москве в XV в. см.: Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.—Л., 1935, с. 90—91.

Тем более это относится к мелким феодалам и горожанам. Когда у них возникала потребность возводить сложные сооружения, приходилось обращаться к найму.

Правда, в числе повинностей, которые крестьяне выполняли в форме отработочной ренты, мы встречаем и такие, как «хоромы ставить», «монастырь и двор тынити».[6] Одной из форм государственных повинностей являлось городовое и мостовое дело.[7] Но там, где нужны были квалифицированные архитекторы и строители, рано появляется наемный труд.

При полном господстве мелкого производства в средневековых городе и деревне в ряде отраслей все же необходим был совместный труд нескольких работников в ремесленной мастерской.[8] Для представителей непривилегированных социальных групп, владевших мастерскими, оставалось лишь обратиться к складничеству или найму, если членов собственной семьи было недостаточно. Понятно, что в цеховом и нецеховом ремесле и мелком товарном производстве в средние века повсюду был распространен институт ученичества, а также подмастерья и подсобники. Ученичество было средством поддержания и сохранения мастерства.

Крестьяне, находившиеся в феодальной зависимости тоже нуждались иногда в дополнительных работниках сверх членов своей семьи. Такие потребности возникали в дворах, имевших сравнительно большие запашки и много скота (а мы знаем, что в некоторых хозяйствах новгородских крестьян было в

---

6 Уставная грамота митрополита Киприяна 1391 г. — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. II. М., 1951, с. 179—180.

7 Во времена Русской Правды городники и мостники получали урочную фиксированную плату за сооружение и ремонт городских укреплений и мостов. (Правда Русская, под ред. Б. Д. Грекова, т. I. М.—Л., 1940, с. 81 и 114). Были городники и мостники Русской Правды строителями или организаторами строительных работ, осуществляемых в форме трудовой повинности,— сказать трудно. Но их прокорм и оплата являлись повинностью населения, подобной «поклону вирному».

Мы здесь имеем дело с такой древней формой обложения, как кормление. Она возникла еще в дофеодальные времена и сохранялась в трансформированном виде при феодализме. Даже если мостники были не организаторами мостовых работ, а рабочими-мостостроителями, даже если ногата, которая им полагалась, являлась платой за их труд, наем выступал здесь как производное от принудительной повинности.

8 Для работы у доменного горна необходимо было не менее двух человек: один засыпал уголь и руду, а другой непрерывно работал мехами. Но в конце XV в., и вероятно раньше, на побережье Невы встречались мастерские с двумя горнами (Кашин В. Н. Крестьянская железодеятельная промышленность на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500—1505 гг. — «Проблемы истории докапиталистических формаций», 1934, № 4, с. 29—32). Производство железных изделий на кузнечном горне тоже требовало одновременной работы не менее двух человек. А при производстве крупных железных и стальных изделий требовалась одновременная работа нескольких человек. В Старой Русе в XV в. на малых варницах работало по 5—7, а на больших — по 11—13 и более человек.

конце XV в. по 40 и даже по 60 *га* пахотной земли в трех полях).[9] Такие потребности возникали и тогда, когда хозяйство лишалось взрослого мужчины-работника. Даже в обычном среднем хозяйстве приходилось иногда привлекать срочных работников в страдную пору. Крестьянин мог брать в семью «приимышей»; черный крестьянин мог принять вассалов-половников. Но он должен был иногда пользоваться и наемным трудом.

В хозяйстве феодалов работали холопы-страдники или крестьяне, отбывавшие барщину. Однако здесь могла возникнуть ситуация, при которой принудительных работников не хватало. Так случалось, например, в монастырях, не пользовавшихся трудом холопов. Иногда феодалы вынуждены были нанимать сельскохозяйственных рабочих.

Не только в городах, но и в деревнях Древней Руси большая часть населения не принадлежала к категории рабов или иным категориям прикрепленных к владельцу людей. Эти люди могли переходить с места на место и изменять свой социальный статут. А неустойчивость социальных условий, войны, грабежи, стихийные бедствия часто лишали их средств производства и выбивали их из жизненной колеи. Таким образом, в стране появлялся не только спрос на наемный труд, но и его предложение.

Из сказанного следует: 1) что в Древней Руси наемный труд использовался представителями непривилегированных слоев, не имевших возможности привлекать труд подневольный; 2) что в условиях мелкого производства представители этих слоев пользовались наемным трудом лишь как дополнением к труду семьи (нередко расширяемой за счет отказов от семейного раздела или принятия «приимышей»); 3) что представители господствующих слоев прибегали к наемному труду только в случаях, когда принудительных работников им не доставало.

К. Маркс указывал, что работа в мастерской двух или нескольких рабочих могла служить для поддержания жизни неработающего хозяина и не обязательно увеличивала его богатство. «...Между тем при капиталистическом производстве предполагается последнее». Для того чтобы жить вдвое лучше рабочего и превращать снова в капитал половину производимой прибавочной стоимости, отмечал К. Маркс, нужно 8 рабочих (в случаях, когда на 8 часов необходимого времени приходится 4 часа прибавочного времени).[10]

---

[9] Аграрная история Северо-Запада России, под ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971, с. 149, 180.

[10] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 317—318.

К. Маркс не имел, конечно, в виду, что капиталистическое производство начинается только с восьми рабочих. Но его примерный расчет важен для понимания природы наемного труда в докапиталистический период. Наемный труд, применявшийся в небольших масштабах в средневековом ремесле, не носил капиталистический характер. Это полностью относится к промышленности Киевской Руси и периода, наступившего после монгольского завоевания.

Обязательно ли наемный труд являлся в Древней Руси дорогой в несвободное состояние? Нет, не обязательно. Даже работа во дворе феодала в XIII—XV вв. или отработка выданной феодалом наперед из милости платы не всегда приводила свободного человека в холопское состояние. Тем более это следует сказать о работе по найму в мастерской ремесленника, у купца или во дворе крестьянина.

Поскольку наем в Древней Руси порождался условиями хозяйственной жизни и выступал в качестве необходимого дополнения к основным формам труда подневольного, он мог сохранять известную устойчивость. Договор-ряд мог оградить наймита от похолопления хозяином. Это во всяком случае относится к тиунам. Русская Правда причисляет к источникам холопства «тивунство без ряду», считая превращение ключника—свободного человека в холопа вполне законным. Однако тут же мы встречаем существенное ограничение: «с рядом ли, то како ся будет рядил».[11] Русская Правда предполагает, таким образом, возможность сохранения свободы тиуна, если он добился у хозяина ряда-договора. Вероятно, это относилось и к некоторым другим свободным людям, заключившим с хозяином договор на выполнение той или иной работы, особенно краткосрочной.[12]

В некоторых случаях Русская Правда защищала от порабощения и людей, относительно которых не сказано, что они работали по ряду. В Пространной Правде мы находим норму, согласно которой за полученную наперед «дачу» или хлеб надлежало «отходить» не менее года. Дача эта называется законодателем «милостью», но так как «отходить» значило отработать, отслужить, милость выступает здесь как плата за труд

---

[11] Правда Русская, под ред. Б. Д. Грекова, т. I, с. 229.

[12] Срочная работа по договору приближалась к выполнению заказа ремесленником. «Цену» за шитье получал швец (Новгородская летопись по харатейному списку. СПб., 1888, с. 481). Мзда полагалась лекарю (личьцю Краткой Правды). Ни ремесленники, ни лекарь не становились холопами заказчиков и пациентов. Но длительная работа ремесленника во дворе господина или невыполнение работы при получении денег наперед могла привести ремесленника к несвободе.

Мостники и городники Русской Правды, конечно, не попадали в рабскую или феодальную зависимость от населения, обязанного их привлекать к делу и содержать. Принудительные внеэкономические обязательства падали не на них, а на плативших им людей.

или за временную службу.[13] Полученные наперед деньги или хлеб являлись, по справедливому мнению В. О. Ключевского, источником срочной зависимости. Но закон выступал против превращения срочной зависимости в холопство («а в даче не холоп, ни по хлебе работять, ни по придатьце»).[14]

Трудно сказать, почему законодатель ограничивал бытовавшую в жизни практику похолопления работавших за милость людей[15] и в то же время не возражал против превращения в холопы тиунов, работавших без ряду.

Взаимоотношения между наймитом и хозяином затрагиваются в нескольких статьях Псковской судной грамоты.[16] Наниматель именуется в этих статьях не человеком и не псковитином, как во многих других статьях Псковской судной грамоты, а государем, т. е. тем термином, каким обозначается и феодал-землевладелец. Если между государем и наймитом возникал спор, закон верил крестному целованию хозяина и не предусматривал целования креста наймитом. Это говорит о неравноправном положении наймита. Однако наймит, и притом дворовый наймит, сохранял право уйти от господина даже в том случае, когда проработал у него пять или десять лет. Таким образом, в Псковской судной грамоте мы встречаем такие затрудняющие перевод наймита в холопы нормы, каких не знала Русская Правда.

Мы не можем сказать, отменяла ли Псковская судная грамота норму Русской Правды, касающуюся похолопления тиуна, привязавшего ключ без ряду. Но эта норма продолжала с ограничениями действовать и в конце XV, и в XVI в. Б. Д. Греков обратил внимание на то, что в отличие от Пространной Правды Судебник 1497 г. устанавливал холопство только по

---

[13] Слово «отходить», «ходить» имело широкое значение. Оно употреблялось и в смысле выполнять работу, службу («с ключем ходити» у Даниила Заточника) или выполнять повинность («яловица ходить всегды на праздник» в Уставной грамоте митрополита Киприяна 1391 г.). С термином «отходить» можно сопоставить термины «отстоять», «отсидеть» (плотнику или наймиту «отстояти урок» в Псковской судной грамоте, «отсидети урочные лета» во многих других документах). Люди, получившие из милости хлеб, очевидно, относились к скудным и выступали в хозяйстве господина скорее в роли работников, чем министериалов.

Хлеб и придаток, получаемый в виде «милости», имел свои особенности, по сравнению с повременной заработной платой. Его нужно было возвратить, если получившие его «не доходять года». Тут мы имеем дело с характерными для феодальной эпохи кабальными условиями найма. Дальше мы увидим, что и по Судебнику 1497 г. наймит, не дослужившийся «своего урока», лишался наемной платы.

[14] Правда Русская, т. I, с. 229.

[15] М. Н. Тихомиров толковал термин «милость» Русской Правды и летописи в смысле условного феодального держания. (Тихомиров М. Н. Условное феодальное держание на Руси XII в. — В сб.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 102—104). Однако слово «милость» несомненно употреблялось и в смысле творить милостыню, милость (Правда Русская, под ред. Б. Д. Грекова, т. II. М.—Л., 1947, с. 115).

[16] Памятники русского права. М., 1953, с. 291, ст. 39—40.

сельскому ключу и тиунству. По городскому же ключу человек не превращался в холопа.[17]

Представителям городских сословий в XVI в. не разрешалось превращать в холопы своих ключников. Помещикам же и вотчинникам это не возбранялось. Присматриваясь к писцовым книгам, мы видим, что ключники именуются «людьми его», т. е. холопами землевладельца. Таким образом, превращение наемного труда в принудительный было характерно для Древней Руси, но не являлось обязательной чертой найма.

Термин наймит применялся в Древней Руси к разным категориям людей. И. И. Яковкин заметил, что в источниках XIII—XIV вв. слово «наймит» употреблялось в трех значениях: 1) в смысле лица, обязавшегося выполнять за вознаграждение определенную работу, 2) в смысле арендатора и 3) в смысле закладного человека, обеспечившего своей личностью долг (наймит-закуп).[18] Во всех трех случаях под наймом понимается договор между человеком, который обязуется трудиться, и человеком, который будет пользоваться результатами труда. При этом в результате заключения договора могли сложиться совершенно различные отношения.

Наш небольшой очерк о характере найма в Древней Руси свидетельствует о том, что далеко не всякое применение наемного труда приходится расценивать как элемент капитализма, признак капитализма как капиталистические черты общественного производства или капиталистический уклад. А между тем в исторической литературе, и прежде всего в исследованиях, посвященных XVI и XVII вв., такой подход распространен.[19] В XVI—XVII вв., конечно, встречался наемный труд иного типа, чем в Древней Руси. Это относится к наймитам в тех мануфактурах и в тех предприятиях простой кооперации, кото-

---

[17] Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, с. 577. — Б. Д. Греков рассматривал как новое ограничение права похолопления тиунов и то, что по Судебнику 1550 г. сельский ключник мог становиться холопом только с доклада. Однако доклад не означал ничего более, чем упорядочение похолопления и требование платить в казну за оформление сделки.

Судебник 1497 г. разрешал наймиту уходить от хозяина даже до истечения уговорного срока, но лишал его при таком уходе заработной платы. «А наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен». (Судебники XV—XVI вв. М.—Л., 1952, с. 27.) Судебник 1550 г. подтверждает это правило, затруднявшее переход наймита до окончания договорного срока, но норма, выгодная хозяину, все же дополняется защитой наймита, которому господин отказывается платить заработную плату: «...а которой государь наймиту не захочет дати найму, и уличат его в том, и наймиту на том доправити вдвое». —Судебники XV—XVI вв., с. 170.

[18] Яковкин И. И. О закупах Русской Правды. — ЖМНП, 1913, май, с. 252—256.

[19] С обоснованной критикой работ, в которых всякий наем в XVI—XVII вв. рассматривается как наем капиталистический, выступил Л. В. Милов в статье «О первоначальном накоплении и генезисе капитализма в России» («Вопросы истории», 1969, № 7, с. 96—104).

рые производили товарную продукцию. Тут уместно говорить о капиталистических отношениях. Но таких предприятий было и в XVI—XVII вв. очень мало для столь огромной страны, как Россия. Можно говорить о чертах капиталистического найма на водном транспорте XVII в., когда произведенные рабочими простой кооперации (или мануфактуры) товары отвозились для продажи на судах, которые строились и обслуживались многими десятками (иногда больше чем сотней) бурлаков. В тех же случаях, когда наемный труд в XVI—XVII вв. был подобен найму в Древней Руси, ни о каких чертах капиталистического найма не может быть и речи.

И наконец, вопрос решающей важности: если подходить к наемному труду с точки зрения складывания и развития капиталистического производства, необходимо отметить, что в течение долгого феодального периода истории России он выступал в трех видах:

1) Работа по найму как переходное состояние, ведущее к превращению в феодально-зависимого, несвободного работника. Этот вид был широко распространен с древнейших времен, сохранялся и даже развивался в XVI—XVII вв. и был унаследован XVIII веком.

2) Наем, который не превращал работника в несвободного, но в то же время не приводил к сужению сферы применения принудительного, крепостного труда. Речь идет о хозяйственной системе, при которой удельный вес крепостного труда расширялся даже при увеличении численности наемных рабочих в стране (в абсолютных цифрах). Применительно к такому хозяйству приходится говорить о побочном, подсобном, случайном характере наемного труда. Мы видели, что в таком виде наемный труд существовал уже в Древней Руси. Даже в XI—XIV вв. далеко не всегда наемный превращался в холопа или в феодально-зависимого. В XVI—XVII вв. эта система сохранялась. Несмотря на существование в эту пору случаев найма капиталистического типа, удельный вес крепостного труда и крепостнических отношений значительно расширялся в масштабах страны.

3) Наемный труд, который оттеснял крепостной и вообще несвободный труд. Тут речь идет о хозяйственной системе, при которой происходит рост не только числа случаев использования наемного труда, но и его удельного веса; таким образом проявляется тенденция к превращению его во всеобщую форму. Только этот последний вид наемного труда может быть признан типичным для генезиса капитализма. Ни в древности, ни в XVI, ни в XVII вв. такая ситуация еще не сложилась в России.

В. В. МАВРОДИН

РУССКИЕ УЧАСТНИКИ МЯТЕЖА БЕНИОВСКОГО И ИХ ПЛАВАНИЕ НА МАДАГАСКАР И В ЕВРОПУ

Мориц Август Бениовский оставил после себя заметный след в истории не только Польши, но и России. В его яркую, красочную, полную кипучей энергии с налетом авантюризма биографию вплелись Венгрия и Польша, Россия и Китай, острова Маврикий и Мадагаскар, Англия и Франция, Соединенные Штаты Америки и Тайвань, Камчатка и острова Рюкю.

Активный участник Барской конфедерации, он попал в плен к русским, бежал, снова попал в плен, был сослан в Казань и бежал вновь. Не смогли удержать его ни в Калуге, ни в Москве. Бениовский не мог примириться с потерей свободы в какой бы то ни было форме, и эта яростная, неукротимая борьба за вольность в конце концов привела его на Камчатку.

Судьба Бениовского переплетается с судьбами русских людей, участвовавшими в мятеже, поднятом им в Большерецке, на Камчатке, его плавании по водам Тихого, Индийского и Атлантического океанов. Среди них был Иосафат Батурин, человек со сложной биографией, один из тех, кто оставил после себя память в истории России XVIII столетия, мелькнув на политическом горизонте в период дворцовых переворотов. Иосафат Батурин являлся инициатором заговора против императрицы Елизаветы в пользу ее племянника Петра Федоровича. Заговор был раскрыт в 1758 г.

Сама фигура Батурина заслуживает внимания. Еще в 1749 г. он, тогда подпоручик Ширванского пехотного полка, содержался под арестом в Военной коллегии, как «праздношатающийся», т. е. беглый, что было в офицерской среде большой редкостью. 1753 г. застал его подпоручиком Бутырского полка. Обремененный долгами игрок, Батурин решил поправить свои дела, сыграв ва-банк: арестовать Елизавету и возвести на трон ее племянника Петра Федоровича. Когда летом 1753 г. Елизавета и Петр Федорович приехали в Москву, Батурин стал искать случая встретиться с наследником престола. С этой целью он познакомился с егерями из царской охоты и пытался добиться встречи с Петром Федоровичем на охоте. Тот вначале уклонялся, а затем дал согласие на встречу. И однажды в лесу эта встреча состоялась. Батурин клялся Петру в верности, говоря, что кроме него он императором никого не признает. Перепуганный Петр скрылся, а через некоторое время Батурин был арестован.

На следствии выяснилось, что Батурин привлек на свою сторону прапорщика Ржевского, вахмистра Урнежевского, подпоручика Тыртова, гренадеров Кетова и Худышкина и суконщика Кенжина. Заговорщики рассчитывали на расквартированный в Москве батальон преображенцев. Гвардейцы всегда

были основной военной силой дворцовых переворотов, и расчеты заговорщиков на преображенцев понятны, хотя Батурину далеко было до Меншикова, лейб-кампанейцев или Орловых, и вряд ли преображенцы согласились бы связать свою судьбу с безвестным подпоручиком. Но, видимо, в планах Батурина и его единомышленников решающая роль в осуществлении заговора отводилась не преображенцам, в «фабришным». Ставка на «фабришных» резко выделяет Батурина и его сообщников от других дворян-заговорщиков.

Зная, что в Москве неспокойно и работные люди, особенно рабочие Суконного двора, доведенные до отчаяния эксплуатацией и притеснениями, находятся в таком состоянии, что следует каждую минуту ожидать новых волнений, которые, впрочем, почти не прекращались, то затихая, то возобновляясь, Батурин рассчитывал на них как на главную силу переворота в пользу Петра Федоровича. По его плану «фабришные» должны были ворваться во дворец, захватить Елизавету, арестовать весь ее двор и убить ее фаворита Алексея Разумовского. Об этом Батурин говорил суконщику Кенжину, обещая выдать всем работным людям Суконного двора заработанные ими и незаконно задерживаемые деньги и, кроме того, наградить деньгами дополнительно. Для расплаты с рабочими Суконного двора он просил у купца Ефима Лукина 5 тыс. рублей взаймы. Замысел дворцового переворота, который должен был совершиться при помощи работных людей, был единственным в истории дворянской России. Конечно, заговор Батурина был чистой авантюрой даже во время дворцовых переворотов. Заговор был раскрыт. Батурина заключили в Шлиссельбургскую крепость, Тыртова и Кенжина сослали в Сибирь, а Худышкина и Кетова — в Рогервик.

Но заключенный в Шлиссельбургскую крепость «за важные преступления как бунтовщик и возмутитель» Иосафат Батурин не отказался от своих планов. В ЦГАДА, в Госархиве, фонде VII, в деле 2043 хранятся материалы, свидетельствующие о деятельности энергичного офицера. В Шлиссельбурге он вступил в «недозволенные» разговоры с караульными солдатами, уверяя их, что Петр III «жив и гуляет и через два года вернется». В 1769 г. он написал письмо несуществующему «государю» Петру III и солдат Сорокин взялся доставить его «государю». Деятельность Батурина была обнаружена. Его судили вторично и приговорили к вечной ссылке в Большерецкий острог на Камчатке.[1]

---

[1] ЦГАДА, Госархив, ф. VII, д. 2043, лл. 33—42; Соловьев С. М. Заметки о самозванцах в России. — «Русский архив», 1868, с. 275—279; Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. — Исторические записки, вып. 31, 1950, с. 112—113; Мавродин В. В. Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725—1773 гг.). Л., 1964, с. 145—146.

12 сентября 1770 г. в Большерецк на казенном галиоте «Святой Петр» прибыли Бениовский, майор Виниблад, поручик Василий Панов, капитан Ипполит Степанов, полковник артиллерии Иосафат Батурин.[2] Там уже находились участники заговора против Елизаветы — бывший камер-лакей Александр Турчанинов, прапорщик Петр Ивашкин и сержант Иван Сновидов, а также другие лица, осужденные по политическим мотивам, в том числе офицер Гурьев и гвардии капитан Петр Хрущев участники заговора в пользу Ивана Антоновича.[3]

Пришла зима. За долгие месяцы камчатской зимы политические ссыльные Большерецка, где тогда насчитывалось всего 35 домов, сблизились друг с другом и наметили план действий для отыскания пути на волю. Единственным средством мог быть только захват корабля и уход в открытое море. Видимо, большую роль в организации заговора с целью бегства наряду с Бениовским сыграл гвардии капитан П. А. Хрущев. Это был, несомненно, умный и образованный человек. Даже в Большерецке он как-то сумел стать обладателем библиотеки. Среди его книг находилось сочинение лорда Ансона, описывавшего Марианские острова. Хрущев мечтал о переселении в «сию прелестную страну».[4] С книгой Ансона были знакомы многие большерецкие ссыльные, в том числе канцелярист Рюмин, оставивший свои записки.

Нет основания отрицать влияния, которое мог оказать Хрущев на Бениовского и других участников заговора. К ним присоединились приказчик Чулошников, штурман Чурин, штурманский ученик Бочаров, сын священника протопопа Алексея пятнадцатилетний Устюжинов (Уфтюжанинов, Устюжанинов), казак («канцелярист») Рюмин, несколько работных людей купца Холодилова, матросов и камчадалов.[5]

27 апреля 1771 г. вспыхнуло восстание. Правитель Большерецка капитан Григорий Нилов был убит. 30 апреля повстанцы пришли в Чекавинскую гавань, где стояли два вмерзшие в лед галиота «Святая Екатерина» и «Святой Петр». Так как последний находился в лучшем состоянии, его вырубили из льда. 9 мая штурман Чурин вывел галиот на рейд. На галиот

---

[2] Так значится во всех материалах, связанных с мятежом в Большерецком остроге. Как и когда Иосафат Батурин получил этот чин, неизвестно и получил ли он его или сам себе присвоил.

[3] Мавродин В. В. Указ. соч., с. 156; Берх Г. Побег графа Бениовского из Камчатки во Францию. — «Сын отечества», 1821, № XXVII, оф. 7; Сгибнев А. С. Бунт Бениовского в Камчатке в 1771 г. — «Русская старина», 1876, т. XV, с. 527—529; Беглецы. Исторические рассказы об известнейших бегствах из тюрем и других мест заключения. СПб., 1870, с. 226—229.

[4] Берх Г. Побег графа... «Сын отечества», 1821, № XXVII, с. 10—11. — Г. Берх располагал «Записками канцеляриста Рюмина», изустными сказаниями соликамца И. С. Лагина, материалами из архива Г. И. Шелехова, которые предоставил в его распоряжение директор Российско-Американской компании М. М. Булдаков.

[5] Беглецы.., с. 229—230.

погрузили продукты, воду, три пушки, мортиру, порох, ядра, ружья, свинец, и 12 мая 1771 г. «Святой Петр» вышел в море.

Согласно рапорту, посланному с Камчатки в Иркутское губернское правление, на «Святом Петре» ушло в море 65 русских. Рюмин в своих записках говорит о 70 человеках (63 мужчинах и 7 женщинах) русских и камчадалах, участниках плавания Бениовского.[6] Сличая все находящиеся в нашем распоряжении материалы, А. С. Сгибнев также полагает, что на «Святом Петре» отправились в плавание 63 мужчины и 7 женщин. Среди них было несколько камчадалов и коряков.[7]

Долгое время, больше года, в Петербурге не знали о судьбе «Святого Петра». Только в августе 1772 г. Сенат получил от Иркутского губернатора сообщение, что Кяхтинский пограничный комиссар Игумнов, сопровождавший русскую духовную миссию в Китай, доложил ему со слов миссионера Августина о «поляках», которые в сентябре 1771 г. побывали в Макао. Но сообщение из Иркутска запоздало. Тогда же, в августе 1772 г., правительство Екатерины II получило известие о том, что Бениовский прибыл во Францию.[8]

Как же сложилась судьба русских людей, в мае 1771 г. отправившихся в далекое плавание?

Первой стоянкой «Святого Петра» стал остров Маканруши, четвертый остров в группе Курильских островов. На острове Бениовский высадил штурманского ученика Герасима Измайлова и камчадала Алексея Порончина с женой Лукерьей как участников заговора против него с целью вернуться в Большерецк. Там они пробыли год, питаясь водорослями и раковинами, пока их не подобрали русские «промышленные» купца Протодьяконова.[9] От Курильских островов «Святой Петр» направился на юг. Вел корабль штурман Чурин. Стало теплеть. В конце июня началась сильная жара. Испытывая «тягость от несносных жаров», непривычные к жаре люди стали себе «пускать кровь», отчего ослабели и стали восприимчивы к заболеваниям.[10]

7 июля пристали к берегам Японии. С японцами объяснялись «через знаки». Здесь запаслись пшеном и водой. Японцы снабдили русских всем необходимым, но не выпускали из гавани.

---

[6] Берх Г. Побег графа...— «Сын отечества», 1821, № XXVII, с. 12—13; Записки канцеляриста Рюмина о приключениях его с Бениовским. СПб., 1822, с. 46.

[7] Сгибнев А. С. Бунт...— «Русская старина», 1876, т. XV, с. 540—541.

[8] Беглецы.., с. 232—238; Сгибнев А. С. Бунт...— «Русская старина», 1876, т. XV, с. 544; Записка о бунте, произведенном Бениовским в Большерецком остроге и о последствиях оного. — «Русский архив», 1865, с. 417—427.

[9] Берх Г. Побег графа...— «Сын отечества», 1821, № XXVII, с. 50—51. — Г. Берх отвергает показания Рюмина, сообщающего, что «Святой Петр» пристал к семнадцатому курильскому острову, называемому Икоза. Г. Берх считает, что «Святой Петр» «за шесть дней пути не мог зайти так далеко на юг». — Записки канцеляриста Рюмина.., с. 11—12; Берх Г., ук. соч., с. 51.

[10] Записки канцеляриста Рюмина.., с. 14—15.

Бениовский отдал приказ открыть огонь из пушек.[11] 12 июля двинулись дальше. 20 июля подошли к острову Такао-Сима (Такао, совр. Танега-сима). Жители острова, которых Рюмин в своих записках называет «усмайцами», очень хорошо встретили русских и «так до нас были ласковы, как бы уже с нами многое время жили».[12] Понравилось русским путешественникам не только гостеприимство «усмайцев», но и вино из «сарачинского пшена» — «арака», которое «ни чем не хуже нашей российской хлебной водки». В записках Рюмина подробно описаны занятия и быт «усмайцев».[13] Это одно из первых описаний европейцами жителей островов Рюкю.

30 июля «усмайцы» на лодках отбуксировали галиот в море. 7 августа подошли к Формозе (Тайваню). На Формозе путешественников встретили враждебно. В стычке с местными жителями погибли поручик Панов, Логинов и Попов. 20 августа Бениовский предпринял экспедицию против враждебно настроенных жителей побережья, сжег их лодки и жилища. Через день они покинули негостеприимную Формозу.

26 августа подошли к берегам Китая, а 1 сентября галиот «Святой Петр» бросил якорь в гавани китайского города Тасон, где Бениовского принял мандарин. 12 сентября «Святой Петр» прибыл в Макао. Португальцы приняли русских хорошо, но оказались они в Макао в очень затруднительном положении. Русские не знали иностранных языков и не могли объясняться с португальцами. Их тянуло на родину, в Россию, а Бениовский звал их в неизвестность. С португальскими властями он говорил по-латыни и в буквальном и переносном смысле слова, нашел с ними общий язык. Русские требовали возвращения в Россию. Они обвиняли Бениовского в том, что он обманом завлек их в столь опасный и далекий «вояж». Бениовский скрывал от португальцев национальную принадлежность участников этого «вояжа», выдавал их португальцам за венгров, запретил им креститься и молиться по православному. Это вызвало возмущение русских. Во главе выступивших против Бениовского русских стояли Ипполит Степанов и Винблад.

Зная, что в Пекине находится русская миссия, русские спутники Бениовского пытались снестись с китайскими властями, жалуясь на Бениовского и обвиняя его в обмане. Тогда Бениовский заявил властям Макао, что у него на корабле готовится бунт и что «мятежники» якобы намереваются захватить город. Их схватили и посадили в тюрьму. В тюрьме они все «смирились», кроме Степанова, категорически отказавшегося дать подписку о покорности Бениовскому, признать себя подданным

---

[11] Записка о бунте... — «Русский архив», 1865, с. 420—427.

[12] Берх Г. Побег графа... — «Сын отечества», 1821, № XXVII, с. 59; Записки канцеляриста Рюмина.., с. 24.

[13] Записки канцеляриста Рюмина.., с. 24—30.

императора и настаивавшего на возвращении всех русских на родину.

Степанов остался в тюрьме в Макао и дальнейшая его судьба неизвестна. Русские тяжело переживали жаркий климат Макао, болели «от климата» «горячкой» (тропической малярией).

В Макао умерло 15 русских, в том числе Турчанинов, Чурин и Зябликов. В Макао Бениовский продал галиот «Святой Петр», а русских спутников посадил на французские фрегаты «Дофине» и «Леварди». 11 января они вместе с Бениовским отплыли из Макао, прошли Южно-Китайское море и Зондским и Малаккским проливом вышли в Индийский океан. Это были первые русские, пересекшие экватор и оказавшиеся в Южном полушарии, где со времен Афанасия Никитина, насколько нам известно, не плавали русские люди. В пути умер Иосафат Батурин. Воды Индийского океана приняли тело русского офицера, который первым (хотя и во имя дворцового переворота) пытался поднять восстание рабочих мануфактур. На пути к Африке скончались также трое рабочих купца Холодилова.

6 марта прибыли на остров Иль-де-Франс (о. Маврикия), в те времена принадлежавший Франции. Оставив в госпитале острова четырех больных русских, 24 марта отплыли из Иль-де-Франса. 12 апреля уже были на Мадагаскаре и, обогнув мыс Доброй Надежды, 27 апреля вышли в Атлантический океан.

Так, за десятки лет до Крузенштерна, Беллинсгаузена, Лисянского и Головнина первые русские люди, плывя с Востока на Запад, обогнули южную оконечность Африки, видели Столовую гору и на берегу бурские дома Капштадта (совр. Кейптаун). Плывя вдоль берегов Африки с юга на север, пройдя «сороковые ревущие», 7 июля прибыли в Порт-Луи во Франции. Это были первые русские, проплывшие по водам трех океанов: Тихого, Индийского и Атлантического.[14]

Из всех участников первого плавания русских в южных морях во Францию прибыли 37 мужчин и 3 женщины. Часть русских Бениовский уговорил разделить его судьбу. Об их судьбах скажем далее. Но другая половина русских неудержимо стремилась на родину. Шестнадцать мужчин и одна женщина, жена Рюмина, прошли пешком весь путь от Порт-Луи до Парижа. «Шли своим коштом городами, селами и деревнями пешею ходьбою 550 верст» и явились к русскому резиденту в Париже Н. К. Хотинскому с просьбой помочь им вернуться. При этом Судейкин передал Хотинскому веденный им, Рюминым и Бочаровым на всем пути от Большерецка до Макао корабель-

---

[14] Берх Г. Побег графа... — «Сын отечества», 1821, № XXVII, с. 70—72; Беглецы.., с. 240—242; Сгибнев А. С. Бунт... — «Русская старина», 1876, т. XV, с. 760; Заметка о бунте.., с. 429—430; Макрушин А., Макрушин В. Камчатские ссыльные в южных морях. — «Азия и Африка сегодня», 1968, № 3.

ный журнал. Среди русских, упорно и настойчиво стремившихся вернуться на родину, были Судейкин и Рюмин с женой, штурманский ученик Бочаров, матросы Ляпин, Березнев и Сафронов, работные люди купца Холодилова, камчадал Попов и коряк Брехов. Эти двое также были первыми представителями своих народов, пересекшими экватор.

В апреле 1773 г. Хотинский сообщил в Петербург их просьбу. Екатерина II приказала доставить «путешественников» в Петербург. Вице-канцлер А. М. Голицын перевел для них Н. К. Хотинскому 2 тыс. рублей.[15] 20 августа 1773 г. на корабле «Маргарита» они отплыли из Гавра и 30 сентября прибыли в Кронштадт.

«Русак любит свою Русь», — писала Екатерина II о возвращении на родину русских людей, испытавших столько трудностей и страданий и добившихся возвращения в Россию. 3 октября в сопровождении сенатских курьеров участники плавания были отправлены в Сибирь для «определения к тем же должностям, при каких... прежде находились».[16] Одни пожелали жить в Тобольске, другие в Иркутске, третьи в Охотске, четвертые на Камчатке.[17] Подштурманы (штурманские ученики) Измайлов, высаженный Бениовским на Курильских островах, и Бочаров, вернувшийся в Россию из Франции, впоследствии служили у Г. И. Шелехова и плавали по морям Тихого океана.[18]

Какова же судьба остальных русских? Пять русских умерли в госпитале в Порт-Луи. Винблад, швед по национальности, вернулся в Швецию. Хрущев вступил во французскую армию в чине капитана, Кузнецов — поручика, Мейдер — военного лекаря. Приехавший из Парижа в Порт-Луи Бениовский убедил Чулошникова, матросов Андреанова с женой и Патолова, семерых рабочих купца Холодилова отправиться с ним на Мадагаскар. Согласился уйти с Бениовским пятнадцатилетний сын большерецкого священика Иван Устюжинов (Уфтюжанинов, Устюжанинов), которого обучал Бениовский в Большерецке. 28 сентября 1773 г. Бениовский со своими двенадцатью русскими спутниками прибыл на Мадагаскар.

Судьба первых русских, высадившихся на Мадагаскаре, неизвестна. Известно только то, что Устюжинов не покидал своего бывшего большерецкого учителя Бениовского в течение 18 лет, прошел с ним всю его мадагаскарскую эпопею, ездил в Англию и США, откуда из Балтиморы с Бениовским 22 января

---

[15] Шебальский П. К. К записке о бунте Бениовского.— «Русский архив», 1865, с. 895.

[16] Берх Г. Побег графа... — «Сын отечества», 1821, № XXVII, с. 72.

[17] Сгибнев А. С. Бунт... — «Русская старина», 1876, т. XV, с. 546.

[18] Берх Г. Побег графа... — «Сын отечества», 1821, № XXVII, с. 20—21; Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968, с. 185—187.

1785 г. прибыли на Мадагаскар. Доставивший их корабль внезапно ушел, и Бениовский «сам третий» остался в Мадагаскаре. С ним был и Устюжинов. Бениовский заслужил любовь и доверие мальгашей, возглавил их борьбу против французов, пытавшихся захватить остров, и был убит в сражении с французами 23 мая 1786 г. Устюжинов вернулся в Россию и поступил на «гражданскую службу» на Нерчинский завод.

Так мелькнул на горизонте Мадагаскара его правитель, барский конфедерат и камчатский ссыльный Бениовский не оставив по себе никакого следа в памяти мальгашского народа.[19] В истории русского мореходства первое плавание русских людей через три океана является яркой, полузабытой страницей.

[19] Фидлер А. Зов Амазонки. Л., 1966, с. 453—458.

С. Б. ОКУНЬ

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ РУССКОГО АБСОЛЮТИЗМА

(вторая половина XVIII — начало XIX в.)

Дискуссия о сущности русского абсолютизма, проходившая ряд лет на страницах исторических журналов, поставила вопрос о соотношении двух направлений в политической деятельности самодержавия, так называемой политики «просвещенного абсолютизма» и «заигрывания с либерализмом».

Многие годы и в научной литературе, и педагогической практике историки исходили из положений, выдвинутых еще в 1950 г.[1] П. Ивановым, преподавателем Курского педагогического института. В своей статье автор утверждал, что выяснение сущности просвещенного абсолютизма есть изучение проявления тех особых методов, с помощью которых самодержавие стремится держать в узде эксплуатируемое большинство. Иначе говоря, «просвещенный абсолютизм» — это особая форма борьбы с массовыми, народными движениями, с помощью которой «сохранение существовавшего социально-экономического и политического строя предполагалось достичь путем более тонкого, гибкого использования системы наказаний».[2] Это предупреждение господствующего класса о грозящей ему опасности. И «если по отношению к заводовладельцам это делалось в виде наставления законодательного порядка, то в отношении помещиков... использовались лишь печать, выступле-

[1] Иванов П. К вопросу о просвещенном абсолютизме в России 60-х годов XVIII века.— «Вопросы истории», 1950, № 5.

[2] Там же, с. 97.

ния представителей правительства, а также наставление предполагаемого уложения».[3]

Эта мысль по сути дела разделяется и в недавно вышедшей книге Н. П. Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России» (М., 1968). В ней указывается, что «политика „просвещенного абсолютизма" ставила целью успокоить общественное мнение Западной Европы созданием видимости в России „просвещенной монархии", укреплением царистских настроений крестьянства, внушения народным массам мысли, что взгляды и действия императрицы милосердны, справедливы и гуманны».[4] Однако вряд ли можно признать эти утверждения убедительными.

Прежде всего вторая половина 60-х, а также и начало 70-х годов в плане борьбы с массовыми движениями не требовали столь экстраординарных мер. Если бы такие меры принимались после событий 1773—1774 гг. — это можно было бы понять. А главное заключается в том, что «просвещенный абсолютизм» как политика характерен и для ряда других стран. Достаточно вспомнить, что «просвещенный абсолютизм» имел место в Испании (60—80-е годы XVIII в.), в Австрии (80—90-е годы XVIII в.), Пруссии (50—80-е годы XVIII в.), Португалии и др. В то же время в странах, где политический кризис достиг особой остроты, политика «просвещенного абсолютизма» не получила широкого развития. Достаточно вспомнить Францию, а казалось бы, что именно там эти принципы должны были получить особенно широкое распространение. Между тем в стране, находившейся на грани великой революции, «просвещенный абсолютизм» не нашел достаточно широкого распространения. Очевидно, что «просвещенный абсолютизм» включает в себя не только новые методы борьбы с народным движением, а имеет и иные задачи.

В 1964 г. в сборнике статей «Абсолютизм в России» появилась статья академика Н. М. Дружинина «Просвещенный абсолютизм в России». Его определение просвещенного абсолютизма, на первый взгляд, казалось весьма убедительным. По мнению Н. М. Дружинина, политика «просвещенного абсолютизма» была «закономерным этапом государственного развития, предвестием назревающей революции и, несмотря на половинчатость проведенных реформ, приближала момент перехода общественной жизни к новой, более прогрессивной формации».[5]

Но нельзя не согласиться с полемизирующим с ним И. А. Федосовым, который справедливо отмечал, что «буржуазные тенденции, или, вернее, такая политика, которая создает

---

[3] Там же, с. 99.

[4] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968, с. 106.

[5] Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России. Абсолютизм в России. М., 1964, с. 431.

предпосылки для буржуазного развития, как известно, характерны вообще для абсолютизма, а не только для просвещенного». Кроме того, «буржуазная революция произошла раньше всего в тех странах, где никакого просвещенного абсолютизма не было, — в Англии и во Франции, а в странах так называемого просвещенного абсолютизма произошли революции и утвердился буржуазный строй производства лишь спустя 100—150 лет».[6] Поэтому, заключает И. А. Федосов, «считать просвещенный абсолютизм предвестником революции, фактом приближающим момент смены формации, вряд ли есть основания».[7]

Особенностью в подходе к этой проблеме И. А. Федосова является то, что, давая обстоятельный обзор правительственной деятельности второй половины XVIII и первого десятилетия XIX в., намечая хронологические рамки просвещенного абсолютизма в России, он ставит вопрос о соотношении «просвещенного абсолютизма» екатерининского времени с политикой так называемого «заигрывания с либерализмом».

Характеризуя «просвещенный абсолютизм» и различая в нем два этапа — 60—80-е годы XVIII в. и первое пятнадцатилетие XIX в., автор исходит из правильного тезиса, что главной идеей царствования Екатерины II, вступившей на престол в результате дворцового переворота, стало «укрепление авторитета верховной власти и совершенствование государственного аппарата, направленное на то, чтобы сделать его более гибким, послушным и централизованным».[8] Реализация этой задачи методами «просвещенного абсолютизма» определяется специфической расстановкой классовых сил и определенным уровнем классовой борьбы. «Покончив с феодальным сепаратизмом, — пишет в заключении статьи И. А. Федосов, — абсолютизм в это время не сталкивается с организованным сопротивлением новых сил, поскольку классы буржуазного общества еще не сложились. Политика „просвещенного абсолютизма" могла проводиться в тех странах и на таком этапе развития, где и когда развитие буржуазных отношений еще не выходило за рамки феодальной системы, а классовая борьба не грозила существующему общественному строю. Опираясь на созданную им бюрократию, финансовую систему и армию, абсолютизм в это время приобретает наибольшую самостоятельность».[9]

Утверждение И. А. Федосова, что своей целью Екатерина II ставила укрепление авторитета и централизации государственного аппарата, никаких сомнений не вызывает. Прав он, когда указывает, что Екатерина в первую очередь опиралась на слу-

---

[6] Федосов И. А. Просвещенный абсолютизм в России. — «Вопросы истории», 1970, № 9, с. 35.

[7] Там же.

[8] Там же, с. 39.

[9] Там же, с. 55.

жилое дворянство и этим именно обусловлен тот факт, что в правительственных документах она апеллирует к широким дворянским кругам.

Но возникает вопрос, почему, если с феодальным сепаратизмом покончено, потребовалась политика «просвещенного абсолютизма». Кому противопоставлялись широкие круги служилого дворянства, на которые опирался царизм? Не приобрел ли феодальный сепаратизм в эти годы иной характер и не были ли дворцовые перевороты или во всяком случае их часть его типичным проявлением?

И. А. Федосов очень близок к ответу на этот вопрос, но все же его не дает, хотя материал для раздумий в этом плане в его статье имеется. В самом деле, сообщая о реорганизации Сената, автор отмечает, что таковая вызывалась тем, что, «пользуясь своим влиянием, он мог посягать на прерогативы царской власти и стать центром дворянской и бюрократической оппозиции».[10]

Итак, опасность какой-то оппозиции все же признается И. А. Федосовым и это справедливо, так как действительно она существовала, но не в виде просто дворянской и бюрократической оппозиции, а оппозиции сановной, которая пришла на смену сломанному феодальному сепаратизму. А истоки его надо искать в так называемом «верховничестве».

К сожалению, проблема «верховничества» в наших советских исторических исследованиях с достаточной полнотой не освещена. Все изучение «верховничества» в сущности ограничивается Верховным тайным советом и «кондициями», предъявленными Анне Ивановне. Дальнейшее его развитие внимания исследователей не привлекало. Между тем на этом своеобразном явлении в сущности многое базируется в тех дворцовых переворотах, которыми ознаменовалась вторая четверть XVIII в. Сенатская фронда, столь ярко себя проявившая в начале царствования Александра I, по сути дела все то же проявление «верховничества».

Екатерина столкнулась с «верховниками» в момент своего вступления на престол. Имеется в виду написание ими проекта ограничения самодержавия аристократической конституцией. И в сущности ее «Наказ» Комиссии 1767 г. и ряд конкретных мероприятий направлены на утверждение принципа просвещенного монарха, противопоставляемого органу аристократического конституционализма.

Вот почему можно предположить, что наивысшим достижением «просвещенного абсолютизма» и точкой его завершения была «Жалованная грамота дворянству 1785 года». Екатерина II в борьбе с аристократической фрондой, опираясь на широкие дворянские круги, добилась нивелировки дворянского

---

[10] Там же, с. 41.

сословия, тем самым устранив условия, вызывающие необходимость приемов «просвещенного абсолютизма».

«Жалованная грамота» «совершила» основное, к чему стремилась Екатерина: привилегии старинного дворянства (боярства) были отныне столь ничтожны, что оно лишалось каких бы то ни было корпоративных преимуществ. Вот почему, когда в 1801 г. в «интимный комитет» были доставлены «верховнические» по своему духу записки Державина, Мордвинова, Воронцова, Завадовского и других, члены его, зная, что за этими людьми уже не стоит гвардия, т. е. широкие дворянские круги, легко и быстро их отвергли.

Итак, «просвещенный абсолютизм» в России являлся политикой противопоставления власти абсолютного монарха притязаниям аристократической конституции. Просвещенный абсолютизм опирался на широкие дворянские круги, имея своей целью ликвидировать фронду сначала в Верховном тайном совете, а затем и в Сенате.

Просвещенный абсолютизм в конечном счете связан с централизацией и бюрократизацией государственного аппарата. Вот почему к концу екатерининского царствования мы наблюдаем упадок коллегиальной системы, а при Павле — выработку проекта создания министерств.

Переходя к рассмотрению политики «заигрывания с либерализмом», прежде всего следует отметить, что за сорок лет, отделяющих один этап от другого, многое изменилось. Если в 60—70-е годы XVIII в. мы наблюдаем робкие проявления зарождавшегося капиталистического уклада, то в начале XIX в. сталкиваемся с уже довольно ярко проявляющимися противоречиями молодого формирующегося капитализма и господствующей феодальной формацией. Эти годы породили в России национальную революционную мысль. Именно в этом и заключалось значение книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Конечно, возможен спор о замыслах Радищева, но нет сомнения в том, что процесс Радищева и некоторые другие процессы 90-х годов (Пассека, Рожнова и другие) верно были восприняты правительством как проявление национальной революционной мысли в России.

Характерным явлением нового времени является и усиление крестьянского сопротивления. Вопрос об особенностях крестьянского движения в эти годы требует некоторых дополнительных разъяснений. Прежде всего на смену крестьянским войнам приходят десятки отдельных выступлений по ряду обстоятельств, не сливающихся воедино. Происходит перемещение центра крестьянской борьбы. Теперь уже полыхают заревом пожаров не только окраины государства, но и земледельческие центры, ибо теперь борьба ведется не против закрепощения, а за освобождение.

Происходят явные сдвиги в крестьянском мировоззрении. Вопрос о крестьянском мировоззрении, о его эволюции длительное время воспринимался исследователями как нечто статичное и незыблемое. Вопросы о воле, о земле, наивный монархизм — важнейшие проблемы крестьянского мировоззрения — трактовались вне времени, вне конкретной обстановки. Между тем в решении всех этих проблем крестьянское мировоззрение явно эволюционирует.

В начале XIX в. для ряда районов характерно представление о «срочности» крепостных обязательств крестьян. Они, дескать, были отданы «в работу» в связи с государевой службой помещика. И когда просматриваешь документальный материал этого времени, убеждаешься, что смерть одного владельца, как правило, вызывает ответную реакцию в форме отказа крепостных признать нового помещика.

В этих обстоятельствах, когда революционная Франция ведет успешное завоевание Европы, либеральный курс монарха призван предупредить революционную опасность. Эта мысль была очень четко сформулирована еще М. М. Сперанским. В проекте 1809 г. он утверждал, что «мудрость» русского монарха ведет к тому, чтобы все благие преобразования, которые обычно влекут за собой революции, будут достигнуты мирным путем. В России будет революция без революционных потрясений, революция без участия революционных масс — в этом М. М. Сперанский видел смысл политики Александра первых лет его царствования.[11]

Итак, если политика «просвещенного абсолютизма» была направлена против сановной фронды, против ограничения монархии с помощью аристократической конституции, то политика «заигрывания с либерализмом» была направлена на предупреждение рядом частных уступок революционного взрыва и допускала даже введение конституционных ограничений. Общее здесь одно — монарх проводит все мероприятия, которые в других странах завоевываются в первом случае с помощью парламента, во втором — демократическим органом.

О том, что в начале александровского царствования действительно остро осознавался вопрос о революционной опасности, можно судить хотя бы по инструкции, данной Александром Н. Н. Новосильцеву в 1804 г. перед его поездкой в Лондон. В ней говорится, что самое могучее оружие, каким пользовались до сих пор французы и которым они еще грозят всем странам, это общее убеждение, которое они сумели распространить, что их дело — дело свободы и счастья народов. Стыдно было бы за человечество, если бы дело столь прекрасное приходилось рассматривать как собственность правительства, которое не является его защитником, и было бы опасно

---

[11] Сперанский М. М. Проекты и записки. М.—Л., 1961.

для всех государств оставлять долее за французами явную выгоду казаться таковыми. Благо человечества, истинный интерес законных властей и успех предприятия задуманного обеими державами требуют, чтобы они вырвали из рук французов это страшное оружие и, завладев, воспользовались им против них самих.

Но особенно важно при этом подчеркнуть, что ленинская характеристика политики «заигрывания с либерализмом», раскрывает именно эту ее антиреволюционную направленность. «...монархи, — пишет В. И. Ленин, — то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и „спускали" на верноподданных Аракчеевых...».[12]

Однако то, что политикой заигрывания с либерализмом пытались разрешить иные задачи по сравнению с целями, стоящими перед «просвещенным абсолютизмом», не нашло еще отражения в литературе. Так, в недавно вышедшем втором издании книги Ерошкина оба явления рассматриваются как единое целое: «И политика заигрывания с либерализмом, напоминавшая „просвещенный абсолютизм" Екатерины II, и сменившая ее „аракчеевщина", — читаем у Ерошкина, — имели одну цель: упрочение самодержавно-крепостнического строя».[13]

И. А. Федосов первое пятнадцатилетие александровского царствования характеризует как второй этап просвещенного абсолютизма, тем самым подчеркивая эволюцию в политике самодержавия, но не замечая различий в сущности этих двух политик.[14]

Вместе с тем кое-что общее в политике правительства этих лет все же следует подчеркнуть. Обычно как политику «заигрывания с либерализмом», так и политику «просвещенного абсолютизма» характеризуют преимущественно как совокупность демагогических заявлений. Между тем в действительности в этой демагогической в целом политике присутствует и нечто объективно прогрессивное. Оно заключается не в кардинальных изменениях, но в определенном движении вперед: секуляризация церковных земель, закон «о вольных хлебопашцах», ряд мероприятий в области просвещения, цензурный устав и пр. Эти меры еще нельзя рассматривать как шаг по пути превращения феодальной монархии в буржуазную, о которой говорит В. И. Ленин, характеризуя эволюцию российского абсолютизма.[15] Но без них этот шаг был бы невозможен.

Каждому такому движению предшествует ряд поворотов, как в сторону либерализма, так и в сторону реакции, но в конечном счете в нем проявляется развитие в буржуазном на-

---

[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.
[13] Ерошкин Н. П. Указ. соч., с. 149.
[14] Федосов И. А. Указ. соч., с. 53—55.
[15] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 165.

правлении. Особенность же этого процесса заключалась в том, что эволюция дворянской монархии в буржуазную отставала от процесса экономического развития страны в сторону капитализма. В этом неразрешимом противоречии и заключалась специфика процесса политического развития русской государственности в дореволюционные годы.

Л. А. ШИТИЛОВ

О ЧИСЛЕННОСТИ И ПАРТИЙНОМ СОСТАВЕ ВСЕРОССИЙСКОГО СОВЕЩАНИЯ СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

(29 марта — 3 апреля 1917 г.)

Победа Февральской буржуазно-демократической революции в России привела к своеобразной и крайне противоречивой обстановке, называемой двоевластием. Диктатуру буржуазии осуществляло Временное правительство, революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В результате активного революционного творчества масс в марте 1917 г. в стране насчитывалось свыше 600 Советов.[1]

На местах возникает мысль о создании единого, координирующего деятельность Советов органа. В марте роль фактического советского центра выполнял Петроградский Совет, но это его положение не было закреплено официально. Для признания юридически столичного Совета руководящим органом провинциальных Советов и одновременно для их объединения на базе политической платформы господствовавшего в Совете эсеро-меньшевистского блока Исполнительный комитет Петроградского Совета 15 марта принял решение о созыве в конце месяца Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов.[2]

В советской исторической литературе Всероссийскому совещанию Советов уделено известное внимание.[3] Однако до сих

---

[1] Минц И. И. Образование Советов (февраль — март 1917 г.). — «История СССР», 1967, № 1.

[2] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро ИК. М.—Л., 1925, с. 50.

[3] Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. первая. Л., 1967, с. 174—177; Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября (март — октябрь 1917 г.). М., 1967, с. 131—138; Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль — июнь 1917 г.). М., 1969, с. 144—153, и др.

пор не исследован специально вопрос о его численности и партийном составе. Между тем выяснение этого вопроса важно для правильного понимания положения в стране весною 1917 г.

Первоначально на совещание предполагалось прислать представителей от 42 городов России, но вскоре выяснилось, что такое представительство недостаточно. Меньшевик Б. О. Богданов на заседании Исполкома 22 марта сообщил, что на совещании будут присутствовать делегации от Советов 60 крупных городов.[4] На самом деле участие в совещании Советов приняли делегаты гораздо большего количества Советов. Полных данных о том, какие конкретно Советы были представлены на совещании, в источниках нет. Однако об этом частично можно судить на основании перечня Советов, которые приглашались Исполкомом Петроградского Совета на совещание. В частности, приглашения были направлены Советам губернских и промышленных городов, а также армейским комитетам.[5] На совещании были делегации от Советов центра России, городов Среднего и Нижнего Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Прибалтики, Закавказья и др.

Всероссийское совещание Советов открылось утром 29 марта в Таврическом дворце. Согласно докладу мандатной комиссии совещания, иногородний отдел Петроградского Совета, ведавший всеми делами по его созыву, выдал 479 удостоверений; 37 из них получили представители Петроградского Совета. По докладу мандатной комиссии совещанием было утверждено 480 делегатов с правом решающего голоса от 139 Советов, 13 тыловых воинских частей; 6 действующих армий и 26 отдельных частей фронта.[6]

Фактическую численность делегатов и представляемых ими организаций установить теперь трудно. Б. О. Богданов в своей речи при открытии совещания обратил внимание на тот факт, что на нем присутствуют прибывшие в Петроград делегации «крупных центров или крупных войсковых единиц, которые точно также желают присутствовать на этом совещании. В частности, вчера, кажется, закончился казачий съезд, и вот они выражают желание присутствовать на совещании. Мы выдали 11 билетов представителям этого съезда».[7] Делегат от Москвы большевик Е. Игнатов также подтверждал факт присутствия на съезде значительно большего числа делегатов.[8]

---

[4] ЛГАОРСС, ф. 7384, оп. 9, д. 75, л. 34.

[5] Сведения о том, какие конкретно комитеты получили приглашения, отсутствуют.

[6] Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенограф. отчет. М.—Л., 1927, с. 185.

[7] Всероссийское совещание Советов.., с. 28.

[8] Игнатов Е. Всероссийские съезды Советов рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Л., 1927, с. 6.

О том же сообщал, например, из Петрограда в Ревель большевик Н. Борисов: «Съехалось гораздо больше народу, чем предполагали. Многие Советы прислали своих представителей без всяких приглашений, получившие его приглашение во всех почти случаях посылали больше, чем было предложено. Всего ... приехало не менее 300—400 человек».[9]

Определение численности и партийного состава совещания Советов затруднено тем, что списки делегатов не сохранились, а в периодической печати соответствующие сведения крайне не полны. В этой связи авторы, подготовившие публикацию материалов «Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов», писали: «О личном составе совещания исчерпывающих данных не имеется, ни в архивных материалах, ни в газетах нет ни списка делегатов совещания, ни фракционных списков. Только в газете „Дело народа" № 15 был опубликован список эсеров — делегатов совещания, да и тот неполный».[10] Делегаты совещания впоследствии, отчитываясь перед своими Советами, также отмечали, что «не удалось даже точно установить состав съезда: сколько было рабочих, солдат и офицеров. Не установлено также, к каким политическим партиям принадлежали делегаты..».[11]

Однако в сохранившихся источниках и, в частности, отчетах и письмах делегатов совещания, встречаются утверждения о преобладании среди делегатов представителей армейских организаций. Так, представитель Нижнего Новгорода С. Штерин в отчете о работе совещания писал: «Первое, что бросается в глаза, — это подавляющее большинство солдат-делегатов и офицеров. Представители рабочих отдельными точками вкраплены в общую массу серо-зеленых гимнастерок и тужурок».[12] Делегат саратовского Совета большевик М. И. Васильев-Южин так характеризовал состав участников совещания: «К 28 марта съехались почти все делегаты революционной России. Налицо представители далекой Сибири, Кавказа, Ташкента и т. д. О центральных губерниях и говорить нечего — они представлены все. Много делегатов и из действующей армии: черноморский и балтийский флоты, кавказская армия, 12-я армия и некоторые другие крупные части поспешили прислать своих делегатов».[13] А делегат от Томска И. Н. Смирнов уточняет, какие армейские делегации были представлены: «...13

---

[9] «Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов», 1917, № 20, 7(20) апр.

[10] Всероссийское совещание Советов.., с. 18.

[11] «Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона», 1917, № 11, 23 апр.

[12] «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов» (Нижний Новгород), 1917, № 7, 14 апр.

[13] «Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, № 19, 6 апр.

представителей от отдельных тыловых частей, 27 от отдельных частей фронта и от шести армий: 1-й, 5-й, 6-й, 10-й, 12-й и Армии особого назначения. Военных — солдат и офицеров — было около 350 человек и около 120 рабочих и вообще штатских».[14] Данные Смирнова о наличии на совещании представителей перечисленных армий полностью совпадают с отчетом мандатной комиссии. По всей вероятности, в работе совещания приняли участие представители от большой делегации 1-й армии, насчитывавшей в своем составе 59 офицеров и 145 солдат и прибывшей в Петроград 28 марта.[15]

Итак, не вызывает никакого сомнения, что самая многочисленная группа участников Всероссийского совещания Советов представляла военные организации. Местные Советы проявили большую активность в посылке делегатов на совещание Советов, что свидетельствовало о высокой политической активности местных Советов в марте 1917 г.

Еще сложнее обстоит дело с определением партийного состава совещания. Формально на нем были представлены три политические партии — большевиков, меньшевиков и эсеров. Ни одна из них по числу делегатов на совещании большинства не имела. Более того, соглашатели (меньшевики и эсеры) вместе также не составляли половины делегатов совещания. Многочисленнее других была фракция большевиков. В списке большевиков — участников Всероссийского (мартовского) совещания партийных работников — числится делегатами совещания Советов 51 человек.[16] На первый взгляд, о таком же числе большевиков-делегатов совещания Советов говорят и результаты обсуждения одного из важнейших вопросов: о войне. За большевистскую резолюцию проголосовало 57 человек.[17] Именно поэтому в советской исторической литературе принято считать, что большевистская фракция совещания Советов насчитывала не менее 60 человек, причем все авторы в основном ссылаются на приведенные данные.

Проведенные нами разыскания по определению большевистской фракции совещания позволяют сделать вывод о том, что численность ее была несколько большей. Основанием для такого вывода может служить сравнение именных указателей к публикациям протоколов (мартовского) совещания большевиков и к публикации «Всероссийское совещание Советов». При

---

[14] «Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона», 1917, № 1, 23 апр.

[15] «Известия Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов», 1917, № 5, 1 апр.

[16] Протоколы Всероссийского (мартовского) совещания партийных работников. (27 марта — 2 апр. 1917 г.). — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 5, 6.

[17] Всероссийское совещание Советов.., с. 106.

сравнении выясняется, что фамилии большевиков И. И. Скворцова-Степанова, М. К. Муранова и А. М. Буйко отсутствуют в именном указателе публикации протоколов (мартовского) совещания большевиков. А. С. Сыромятников, С. С. Данилов, Ф. Н. Самойлов были делегатами совещания Советов, но в обоих указателях их имена отсутствуют.

Составители именного указателя публикации мартовского совещания большевиков в примечании указали фамилии 15 большевиков, принимавших участие в этом совещании, но из-за плохо поставленной регистрации они не попали в список. Нами выяснено, что 7 из них: Н. А. Борисов (Ревель), С. В. Борисов, П. Лебедь (оба Одесса), Шашкин (Камышлов), а также А. Н. Падерин и Венгеров и др. являлись и делегатами совещания Советов.

В именном указателе публикации протоколов (мартовского) совещания большевиков дополнительно выявлены фамилии большевиков-участников Всероссийского совещания Советов: М. С. Носова (Архангельск), И. А. Саммера и Ш. З. Элиавы (оба Вологда), П. А. Кравцова (Омск), Я. Дробниса (Полтава), С. Ф. Васильченко (Ростов-на-Дону), С. К. Минина и Д. А. Сагарашвили (оба Царицын), И. И. Короткова (Ярославль) и др., всего 19 человек. Можно предположить, что В. Н. Залежский, Г. И. Бокий, Я. А. Эпштейн (Яковлев), М. С. Ольминский, А. И. Елизарова, П. Красиков, Д. А. Лазуркина и другие также были участниками совещания Советов. Правда они могли не быть делегатами этого совещания. Приведенные данные позволили нам сделать вывод, что большевистская фракция на совещании Советов насчитывала свыше 80 человек.[18]

Что же касается результатов голосования по резолюции о войне (за большевистскую резолюцию 57 голосов из общего числа свыше 80 человек), то очевидно, что на них сказались и различные факторы: группа делегатов-большевиков, хотя и немногочисленная, возглавляемая Севруком, не голосовала за большевистскую резолюцию.[19] Можно предположить, что среди 20 воздержавшихся было тоже несколько большевиков, некоторые большевики — делегаты совещания — могли отсутствовать во время голосования. Большая часть делегатов была представлена меньшевиками, эсерами и беспартийными, тяготевшими к меньшевистско-эсеровскому крылу в силу преобладающего влияния этих партий среди масс в послефевральский период.

---

[18] И. А. Теодорович на мартовском партийном совещании говорил, что фракция большевиков составляет четверть состава делегатов Совещания Советов («Вопросы истории КПСС», 1962, № 6, с. 147).

[19] Всероссийское совещание Советов. . , с. 104—105.

В опубликованном в газете «Дело народа» № 15 от 1 апреля 1917 г. списке делегатов совещания эсеров числится 51 человек. Но список этот неполный. При его сличении со списком делегатов совещания Советов выясняется, что в первом не упомянуто 13 человек. Следовательно, эсеровская фракция насчитывала около 65 человек. О численности делегатов совещания — членов других народнических партий — можно судить лишь по протоколам совещания. В именном указателе к ним названы 3 трудовика и 2 народных социалиста. По всей вероятности, представительство этих партий на совещании было несколько большим.

Аналогичным образом обстоит дело с определением численности меньшевистской фракции. В именном указателе к протоколам совещания указано лишь 26 человек. Но материалы местных газет и некоторые архивные источники позволили нам выявить еще некоторое количество депутатов-меньшевиков. В частности, меньшевики Н. Н. Жордания (Тифлис), Г. Я. Аронсон (Витебск), А. Н. Шебунин (Красноярск), А. Н. Дьяконов (Кострома), Р. Я. Франк (12-я армия) и другие были делегатами совещания Советов.

Суммируя приведенные данные, можно отметить следующее: среди партийных делегатов Всероссийского совещания Советов преобладали численно меньшевики и эсеры. Однако и они составляли менее половины общего количества депутатов, в массе своей беспартийных. Тем не менее в силу доверия в то время трудящихся к партиям меньшевиков и эсеров им удалось повести за собой эту делегатскую массу и обеспечить таким путем принятие своих соглашательских резолюций по основным вопросам политического положения.

Вместе с тем совещание показало, что серьезную силу на нем представляли делегаты-большевики. Их фракция была на совещании несколько большей, чем мы себе это раньше представляли.

Это позволяет установить более точную картину влияния большевиков на местах в марте 1917 г., того исходного пункта, с которого вскоре начался бурный процесс большевизации масс, большевизации Советов. Правильное определение числа большевиков-делегатов совещания Советов помогает также глубже понять и оценить значение Апрельских тезисов В. И. Ленина, впервые выдвинутых им перед делегатами именно этого совещания и нацеливших партию большевиков на мирное развитие революции. Делегаты совещания — большевики — были первыми пропагандистами Апрельских тезисов.

С. А. ШЕЛЬДЕШОВА

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ГАЗЕТ С ЭСЕРО-МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ПРЕССОЙ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

(октябрь 1917 — февраль 1918 г.)

Более полувека прошло с момента победы Октябрьской революции, но идеологи антикоммунизма до сих пор не оставляют попыток извратить и исказить сущность самой великой из всех революций, какие знал мир. «Советологи», стремясь фальсифицировать историю Октябрьской революции, вытаскивают на свет эсеро-меньшевистские ярлыки о «бланкистском заговоре», «военном перевороте». В той идейной борьбе, которую ведут в настоящее время советские историки с попытками буржуазной историографии извратить и исказить сущность Октябрьской революции,[1] очень важно показать, что подобные попытки не новы. Истоки их надо искать в России 1917 г., когда мелкобуржуазные партии меньшевиков и правых эсеров при поддержке международного оппортунизма всячески стремились исказить сущность Октябрьской революции. И уже тогда эти попытки фальсификаторов истории Октября находили мощный отпор со стороны партии большевиков и ее прессы.

С первых дней победы вооруженного восстания в Петрограде меньшевики и правые эсеры активно включились в борьбу с Советской властью, используя при этом самые разнообразные методы: от соучастия в вооруженной авантюре Краснова — Керенского, организации юнкерского мятежа до широко развернутой кампании идеологической борьбы с государством диктатуры пролетариата. Ярким проявлением идеологической борьбы с Советской властью было стремление эсеро-меньшевистской прессы исказить сущность, дать извращенную оценку только что свершившейся революции.

Прежде всего отрицался народный характер Октябрьской революции. Поскольку Россия якобы не созрела для социалистической революции, то для ее проведения пришлось, по утверждению эсеро-меньшевистской прессы, прибегнуть к насильственным методам. Причем насилие будто бы было совершено не только над эксплуататорскими классами, но и над самим народом. Исходя из этого, Октябрьская революция изображалась эсеро-меньшевистскими газетами как «смута», «авантюра», «военный переворот», совершенный небольшой группой

---

[1] Афанасьев Ю. Н. Современная французская буржуазная историография о социально-экономических и политических предпосылках Октября. — «История СССР», 1971, № 3; Красин Ю. А. Ленинская теория социалистической революции и буржуазные критики.— В кн.: Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС. М., 1970.

большевиков с помощью «деклассированной солдатской массы», «анархически и бунтарски настроенной».[2] Уже названия самих статей в эсеро-меньшевистской прессе говорили сами за себя: «Военный заговор»,[3] «В смутные дни»,[4] «Авантюра — не революция».[5] В меньшевистской «Рабочей газете» 1 ноября на 4-й полосе была открыта рубрика «Отклики на большевистскую авантюру».[6] Под этой рубрикой публиковались выдержки из буржуазных и мелкобуржуазных газет об Октябрьской революции. Все эти отклики были удивительно однообразны в своей злобе и клевете на первую в мире рабоче-крестьянскую революцию и партию большевиков, ее возглавившую.

В обстановке острой классовой борьбы, когда пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством защищал завоевания Октября, попытки эсеро-меньшевистской прессы извратить сущность Октябрьской революции и представить ее как заговор, авантюру, неминуемо обреченную на поражение и, следовательно, не стоившую якобы жертв со стороны ее защитников, представляли из себя не меньшую опасность, чем вооруженные действия контрреволюционеров. И если пролетариат России на вооруженные акции Краснова—Каледина и всех врагов пролетарской революции отвечал оружием, то большевистские газеты повели идейную борьбу с эсеро-меньшевистской прессой, пытавшейся опорочить и извратить сущность Октябрьской революции. Большевистская печать, в частности партийные и советские газеты революционной столицы, помогали трудящимся правильно понять смысл и значение происходивших событий.

Незаменимым оружием в борьбе большевистских газет за утверждение народного характера Октябрьской революции являлись ленинские документы: статьи, доклады и выступления, глубоко обосновывавшие народный характер революции. В противовес эсерам и меньшевикам В. И. Ленин подчеркивал, что Октябрьская революция есть революция народная, совершенная рабочим классом в союзе с беднейшим крестьянством. Из 52 ленинских документов, опубликованных в «Правде» с 25 октября 1917 по конец февраля 1918 г.,[7] более 20 были посвящены сущности только что свершившейся революции. Наиболее важные ленинские документы, имевшие огромное значение для уяснения массами сущности Октябрьской революции, публиковались не только в «Правде», но и в «Известиях». К их числу относятся: выступление на Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов

---

[2] Дюбуа А. Партия солдатского бунта. — «Новый луч», 1917, № 8, 10 дек.; см. также: Авилов Б. Перспективы нашей революции. — «Новая жизнь», 1917, № 198, 10(23) дек.

[3] «Рабочая газета», 1917, № 196, 26 окт.

[4] «Единство», 1917, № 172, 27 окт.

[5] «Дело народа», 1917, № 191, 28 окт.

[6] «Рабочая газета», 1917, № 200, 1 ноября.

[7] В это число не вошли ленинские документы в виде телеграмм, телефонограмм, разговоров по прямому проводу, также опубликованные «Правдой».

крестьянских депутатов 14 ноября 1917 г.,[8] речь на Чрезвычайном Всероссийском съезде железнодорожных рабочих и мастеровых, произнесенная 13 декабря 1917 г.[9] и, конечно, все выступления В. И. Ленина на III Всероссийском съезде Советов, работавшем с 10 по 18 января 1918 г.[10] Всего на страницах центрального советского органа — газеты «Известия» за период с 25 октября 1917 г. по конец февраля 1918 г. было опубликовано 19 ленинских статей, докладов и выступлений.

Иногда ленинские документы печатались в газетах вместо передовиц. Так, 6 ноября в вечернем выпуске, а 7-го в дневном, «Правда» в качестве передовой статьи опубликовала написанное В. И. Лениным обращение СНК «К населению».[11] В этом обращении говорилось о том, что Октябрьскую революцию совершил народ, т. е. трудящиеся и ранее угнетенные классы, и что большинство народа идет за большевиками.

Большое значение для разоблачения эсеро-меньшевистской прессы, пытавшейся приписать В. И. Ленину бланкистские взгляды на политическую партию как организацию заговорщиков, ставящих целью захват власти, не считаясь с объективными условиями и настроением масс, имела ленинская статья «О революционной фразе», опубликованная в «Правде» под псевдонимом Карпов.[12] В ней В. И. Ленин показал научные основы политики партии большевиков, абсолютную неприемлимость для нее авантюризма и прожектерства. По словам В. И. Ленина, считать Октябрьскую революцию верхушечным заговором и авантюрой, как это делали противники Советской власти, ни в коем случае нельзя, если стоять на объективных позициях в освещении исторических событий. «Мы, марксисты, — писал В. И. Ленин, — гордились всегда тем, что строгим учетом массовых сил и классовых взаимоотношений определяли целесообразность той или иной формы борьбы. Мы говорили: не всегда целесообразно восстание, без известных массовых предпосылок оно есть авантюра», но «в октябре было дело так, что мы точно учли именно *массовые* силы».[13]

Помимо публикации статей, речей В. И. Ленина, написанных или произнесенных им в первые месяцы Советской власти,

---

[8] «Правда», 1917, № 190, 28(15) ноября. — Все даты в остальных газетах даны по старому стилю; «Известия ВЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (в дальнейшем «Известия», 1917, № 226, 15 ноября.

[9] «Правда», 1917, № 214, 27(14) дек.; «Известия», 1917, № 251, 14 дек.

[10] «Правда», 1918, № 9, 26(13) янв.; 1918, № 10, 27(14) янв.; 1918, № 15, 2 февр. (20 янв.); «Известия», 1918, № 8, 12 янв.; 1918, № 9, 13 янв.; 1918, № 10, 14 янв.; 1918, № 15, 20 янв.

[11] «Правда», 1917, № 4 (вечерн. вып.), 19(6) ноября; 1917, № 182, 20(7) ноября.

[12] «Правда», 1918, № 31, 21(8) февр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 343—353.

[13] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 348, 349.

«Правда» начала публикацию ленинских работ, созданных ранее, еще до победы Октябрьской революции, но имевших огромное значение для разоблачения клеветы эсеро-меньшевистской прессы об Октябрьской революции и партии большевиков. Так, в одном из декабрьских номеров «Правды» были напечатаны предисловие и начальные параграфы первой главы книги В. И. Ленина «Государство и революция».[14] Публикация «Правдой» этой ленинской работы, в которой четко изложен вопрос об отношении пролетариата к государству, имела огромное значение для разоблачения попыток эсеро-меньшевистской прессы обвинить партию большевиков в анархизме и авантюризме.

Партийные и советские газеты революционной столицы в борьбе с эсеро-меньшевистской прессой широко использовали редакционные и авторские статьи, разоблачавшие клевету мелкобуржуазной печати о якобы заговорщическом характере Октябрьской революции. Большевистские газеты Петрограда, разъясняя трудящимся отличие революции от заговора, руководствовались ленинским определением революции, данным им в целом ряде работ: «Как запугивают народ капиталисты?»,[15] «К лозунгам»,[16] «Один из коренных вопросов революции»,[17] «Удержат ли большевики государственную власть?»[18] и др. Основной признак революции, по словам В. И. Ленина, состоит в переходе государственной власти в руки класса, бывшего до тех пор в оппозиции к старой власти.[19] Эти ленинские мысли явились тем теоретическим фундаментом, на основе которого строились очень многие статьи в большевистских газетах столицы, уже одни названия которых говорили об их направленности: «Где заговор?»,[20] «Военный заговор или революция»,[21] «Социальная революция».[22]

Партийные и советские газеты Петрограда неустанно разъясняли трудящимся, что эсеро-меньшевистская пресса сознательно пытается исказить сущность Октябрьской революции и противопоставить большевистскую партию рабочему классу и другим слоям трудящихся.[23] Разоблачая попытки соглашательской прессы изобразить партию большевиков как организацию заговорщиков, узурпаторов, большевистские газеты писали, что

---

[14] «Правда», 1917, № 217, 30(7) дек.

[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 120—122.

[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 10—17.

[17] Там же, с. 200—207.

[18] Там же, с. 287—339.

[19] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 112—113, 287.

[20] «Правда», 1917, № 174, 13 ноября (31 окт.).

[21] «Правда», 1917, № 175, 14(1) ноября.

[22] Невский В. Социальная революция. — «Деревенская беднота», 1917, № 31, 17(30) ноября.

[23] Социалистическая революция и оппортунизм. (Ред. ст.). — «Правда», 1918, № 222, 5 янв. (23 дек.); Политические банкроты (ред. ст.). — «Известия», 1918, № 10(274), 14 янв.

источник силы партии и ее успехов в борьбе за социализм заключается в том, что партия опирается на знание объективных законов исторического развития и находится в тесной связи с массами. Об этом писали газеты «Деревенская беднота», «Рабочий и солдат»,[24] «Правда» в статьях В. А. Быстрянского[25] и Д. З. Мануильского.[26]

Очень действенной формой идейной борьбы большевистских газет Петрограда с эсеро-меньшевистской прессой по вопросу об оценке Октябрьской революции являлась публикация партийными и советскими газетами заметок солдат, рабочих и крестьян об Октябрьской революции. Ежедневная крестьянская газета «Деревенская беднота» с 22 ноября ввела рубрику под названием «Как думают солдаты о новой власти рабочих и солдат-крестьян».[27] Под этой рубрикой печатались резолюции собраний солдатских частей, крестьянские письма, выражавшие доверие и полную поддержку деятельности СНК и партии большевиков.

В другой петроградской газете «Рабочий и солдат» под рубрикой «Мысли об Октябрьской революции» печатались заметки солдат о революции, письма, свидетельствующие об их отношении к партии большевиков.[28]

Анализируя идейную борьбу партийных и советских газет Петрограда с эсеро-меньшевистской прессой, можно, в известном смысле, говорить о некоторой специализации в формах подачи материала большевистскими газетами. Если «Правда», центральный партийный орган, делала акцент на публикацию ленинских документов, в которых речь шла о народном характере Октябрьской революции, и статей теоретического плана, разъяснявших отличие революции от заговора, то газеты «Деревенская беднота», «Рабочий и солдат», публикуя отзывы трудящихся об Октябрьской революции, акцентировали тем самым внимание читателей на демонстрации полной поддержки деятельности СНК и проявлении доверия со стороны широких народных масс. И та и другая форма подачи материала служили единой цели: разоблачить попытки эсеро-меньшевистской прессы изобразить Октябрьскую революцию заговором, а партию большевиков обвинить в насилии, узурпации власти, в отрыве от широких народных масс.

Этой же цели служила публикация большевистскими газетами Петрограда откликов зарубежной социалистической прес-

---

[24] Горлов Н. Революция и большевики. — «Деревенская беднота», 1917, № 65, 31 дек. (13 янв.); С. Кн-евъ. Перед завесой грядущего. — «Рабочий и солдат», 1918, № 61, 3(16) янв.

[25] Мировое значение русской революции. — «Правда», 1918, № 223, 6 янв. (24 дек.).

[26] Мануильский Д. З. (Ив. Безработный). Две революции. — «Правда», 1918, № 26(253), 2 (15) февр.

[27] «Деревенская беднота», 1917, № 35, 22 ноября.

[28] «Рабочий и солдат», 1917, № 44, 6(19) дек.

сы об Октябрьской революции. «Известия» с 30 ноября 1917 г. ввели рубрику «Отклики Октябрьской революции».[29] Под этой рубрикой 6 декабря была напечатана статья «Русская революция и международный пролетариат», в которой приводились выдержки из социалистической прессы Бельгии, Швеции, Польши, содержавшие восторженные отклики об Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества. 19 января 1918 г. в «Правде» была опубликована статья видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения, венгерского революционера Бела Куна «С востока на запад».[30] Эта статья Бела Куна, характеризовавшая Октябрьскую революцию как рабоче-крестьянскую, внесла важный вклад в идейную борьбу большевистских газет Петрограда с эсеро-меньшевистской прессой, опровергавшей народный характер революции.

Разнообразные приемы: публикация ленинских документов, подчеркивавших народный характер Октябрьской революции, редакционных и авторских статей теоретического плана, разъяснявших сущность революции, стратегию и тактику партии большевиков, публикация заметок и писем трудящихся, говоривших о полной поддержке ими новой рабоче-крестьянской власти, откликов социалистической зарубежной прессы, приветствовавшей победу социалистической революции — все эти приемы обеспечили успех большевистских газет Петрограда в идейной борьбе с эсеро-меньшевистской прессой.

[29] «Известия», 1917, № 240, 30 ноября.
[30] «Правда», 1918, № 14(241), 1 февр. (19 янв.).

Г. Н. СУРИНА

ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА ПО ВОПРОСАМ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В 1917—1921 гг.

Изучение истории публикации ленинских документов имеет большое значение для понимания руководящей роли партии в профсоюзном движении. Несмотря на важность изучения этой проблемы, в историко-партийной литературе она не освещена. Отсутствуют исследования по истории публикации произведений В. И. Ленина по вопросам профсоюзного движения в периодической печати в 1917—1921 гг.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России создала реальные возможности для массового изда-

ния и распространения произведений В. И. Ленина. Советские издательства сразу начали систематическую публикацию ленинских документов в журналах, выпускали их отдельными книгами, брошюрами. Но главной массовой базой для издания ленинских работ о профсоюзном движении в 1917—1921 гг. были центральные и местные партийные и советские газеты.[1]

	Ноябрь 1917	1918	1919	1920	1921	Всего
«Правда»	1	12	4	6	2	25
«Известия ВЦИК»	—	11	6	1	1	19
«Известия рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы»	—	4	—	—	—	4
«Известия ЦК ВКП(б)» . . .	—	4	1	—	—	5
«Петроградская правда» . . .	—	3	—	—	3	6
«Беднота»	—	5	1	—	—	6
«Северная коммуна»	—	3	2	—	—	5
«Красная газета»	—	1	2	—	—	3
Итого по годам	1	43	16	7	6	73

Из приведенных данных видно, что на страницах указанных газет работы В. И. Ленина за эти годы публиковались более 70 раз, что сделало достоянием широкого круга читателей 38 ленинских документов.[2] Наибольшее количество работ с ноября 1917 по март 1921 г. было помещено в газете «Правда» и «Известиях ВЦИК». Чаще всего на страницах газет появлялись работы В. И. Ленина по вопросам профсоюзного движения в 1918—1919 гг. Позже они стали выходить отдельными изданиями.

Полнее всего тексты ленинских документов давала «Правда». В этом отношении показательна публикация доклада В. И. Ленина на II Всероссийском съезде профсоюзов 20 января 1919 г. В один и тот же день 21 января 1919 г. в газетах «Известия ВЦИК», «Коммунар» (орган ЦК РКП(б)), «Экономическая газета» (орган ВСНХ и народных комиссаров: финансов, продовольствия, торговли и промышленности) и 22, 24, 25 января в «Правде» (центральном органе партии большевиков) этот документ передается по-разному. В газетах «Известия ВЦИК» и «Коммунар» опубликован краткий газетный отчет о докладе В. И. Ленина, который носит информационный характер.

В газете «Экономическая жизнь»[3] текст доклада представлен более полно. Помещен он в разделе «II Всероссийский

[1] Автором использованы полные комплекты газет за ноябрь 1917—март 1921 гг.: «Правда», «Известия ВЦИК», «Известия ЦК ВКП(б)», «Известия рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы». «Петроградская правда», «Беднота», «Северная коммуна», «Красная газета».

[2] Подсчитано автором по полному комплекту газет.

[3] «Экономическая жизнь», 1919, 21 янв.

съезд профсоюзов» под заголовком: «Речь тов. В. И. Ленина». Во вступлении говорилось, что «тов. Ленин остановился на двух задачах профдвижения: одной — отрицательной — борьба с идеей независимости профдвижения: другой — положительной — огосударствление профсоюзов».[4] Соответственно этому вступлению речь поделена на два раздела: 1. Независимость профсоюзов. 2. Огосударствление профсоюзов. Первый раздел начинается словами: «Пресловутый лозунг „независимости" заслуживает внимания не только с профессиональной точки зрения», т. е. вступительная часть доклада В. И. Ленина редакцией газеты изъята. Большая часть доклада со слов «последнее событие в Германии...» до «между владельцами капитала и собственности и современным наемным рабом»[5] включена в речь, но с большим сокращением. Характеристика буржуазной демократии и ленинский вывод о том, что «кто говорит о независимости, кто говорит о демократии вообще, тот сознательно или несознательно предполагает что-то среднее, что-то межклассовое, что-то надклассовое»,[6] в этой публикации отсутствует. Во втором разделе отчета — огосударствление профсоюзов — текст доклада В. И. Ленина был сокращен.

«Правда» 22, 24, 25 января 1919 г. опубликовала текст доклада с сокращениями, но более полно, чем в остальных газетах.[7] Текст доклада в «Правде» совпадает в основном с текстом, вошедшим в стенографический отчет II Всероссийского съезда профсоюзов, опубликованный в 1919 г.[8] В этих публикациях вводная часть доклада редакцией в стенографическом отчете в газете «Правда» была выпущена, хотя в ней В. И. Ленин оценивает значение проекта резолюции о задачах профсоюзов, предложенного фракцией большевиков. В этой же редакции текст был опубликован в XVI томе первого издания собрания сочинений В. И. Ленина. Этим текстом ленинского доклада пользовались до 1921 г., когда был издан Стенографический отчет II Всероссийского съезда профсоюзов, где доклад В. И. Ленина впервые был помещен полностью.[9]

Характерной особенностью ленинских документов, опубликованных в различных газетах, является то, что многие из них представляют отчеты об устных выступлениях В. И. Ленина. В первые годы Советской власти некоторые доклады и речи В. И. Ленина на профсоюзных съездах и конференциях либо не стенографировались вовсе, либо неполно и неточно переда-

---

[4] Там же.

[5] Там же, с. 2.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 440.

[7] «Правда», 1919, 22, 24, 25 янв.

[8] II Всероссийский съезд профсоюзов. Стенограф. отчет, ч. I (пленумы). М., 1919, с. 26—34.

[9] II Всероссийский съезд профсоюзов. Стенограф. отчет, ч. I. М., 1921, с. 46—56.

вали содержание выступлений. Поэтому газетные отчеты являются более достоверным источником. В связи с этим В. И. Ленин говорил, что иногда лучше пользоваться кратким газетным отчетом, нежели плохой стенограммой его устных выступлений. «Вместо записи моих речей, если есть в том надобность, пусть печатают отчеты о них. Я видал в газетах такие отчеты о своих речах, которые бывали удовлетворительны. Но я ни единого раза не видал сколько-нибудь удовлетворительной записи моей речи».[10]

Изучение содержания газет, относящихся к тому периоду, показывает действительно полное отражение на их страницах политики, проводимой партией в профсоюзном движении. Например, в начале 1918 г. газета «Известия ВЦИК» большое внимание уделяет вопросам организации производства, повышению производительности труда, организации деревенской бедноты и др.[11] Именно эти вопросы находились тогда в центре внимания В. И. Ленина.

В 1919—1920 гг. партия проводила большую работу по мобилизации профсоюзов для разгрома интервентов и белогвардейцев. В апреле 1919 г. в «Известиях ВЦИК» в разделе «Заседание пленума Всероссийского Совета профсоюзов» появилась первая неполная публикация доклада В. И. Ленина «О задачах профсоюзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт».[12] В газете отмечалось, что по докладу В. И. Ленина начались прения, которые показали, что партии приходилось вести ожесточенную борьбу с меньшевиками за проведение своей позиции в профсоюзном движении. Там же подчеркивалось, что В. И. Ленин в «Заключительном слове» подверг критике позицию меньшевиков и что «Всероссийский Совет профессиональных Союзов постановляет принять тезисы ЦК РКП(б) как основу для разработки практических мероприятий в связи с мобилизацией», а профсоюзам в этой обстановке надо обратить особое внимание на ход мобилизации, чтобы она прошла организованно.[13]

В условиях партийной дискуссии и фракционной борьбы газеты провели большую работу по разъяснению политики партии в профсоюзном движении. Почти в каждом номере газет «Правда» и «Петроградская правда» печатался дискуссионный материал.

13 января 1921 г. в «Петроградской правде» был помещен полный текст речи В. И. Ленина «О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого», с которой он выступил 30 декабря 1920 г. на заседании фракции РКП(б) VIII съезда

---

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 73.
[11] «Известия ВЦИК», 1918, 19, 25 мая, 28 июня.
[12] «Известия ВЦИК», 1919, 13 апр.
[13] Там же.

Советов. В своем выступлении В. И. Ленин показал несостоятельность взглядов Троцкого, Бухарина и других оппозиционеров, теоретически обосновал роль профсоюзов в системе диктатуры пролетариата и сделал вывод, что «профсоюзы по месту их в системе диктатуры пролетариата стоят, если можно так выразиться, между партией и государственной властью».[14]

Одновременно, 18 января 1921 г., в «Правде» и «Петроградской правде» был опубликован «Проект постановления X съезда РКП по вопросу о роли и задачах профессиональных союзов, вынесенный на рассмотрение ЦК РКП группой членов ЦК и членов профсоюзной комиссии при ЦК».[15] Публикация этого документа имела большое значение, так как комиссия во главе с В. И. Лениным преследовала цель дать партии и рабочему классу ясную ориентировку в дискуссии.

В этом же номере «Петроградской правды» был опубликован «Ответ Петроградской организации т. Троцкому», где говорилось: «Вместе с тов. Лениным Петроградская организация глубоко убеждена, что X съезд нашей партии решительно осудит и отвергнет глубоко ошибочную позицию т. Троцкого в вопросе о профсоюзах».[16]

19 января В. И. Ленин написал статью «Кризис партии» и послал ее в редакцию газеты «Правда» вместе с данными о происхождении тезисов Я. Э. Рудзутака (генерального секретаря ВЦСПС) и письмом с просьбой напечатать эти тезисы:[17] «Прошу редакцию поместить тезисы Рудзутака, принятые V Всероссийской конференцией профсоюзов 2—6 ноября 1920 г.; как материал для дискуссии они крайне необходимы».[18] В «Правде» от 21 января опубликовано это письмо В. И. Ленина, статья «Кризис партии» и материалы о происхождении тезисов Рудзутака: заявление Бухарина, в котором он утверждает, что эти тезисы выработаны коллективно: заявление Троцкого на дискуссии 30 декабря 1920 г., где он подвергает сомнению авторство Рудзутака; заявление Рудзутака, опровергающее клевету Бухарина и Троцкого; выписка из протокола № 44 заседания Президиума ВЦСПС от 1 ноября 1920 г., где говорилось, что слушали тезисы Рудзутака; письмо Лозовского В. И. Ленину, в котором он пишет, что комиссия не работала и тезисы переработаны самим Рудзутаком.[19]

В «Петроградской правде» 21 января также был опубликован полный текст статьи «Кризис партии».[20] Благодаря газет-

---

[14] «Петроградская правда», 1921, 13 янв.

[15] «Правда», 1921, 18 янв.; «Петроградская правда», 1921, 18 янв.

[16] «Петроградская правда», 1921, 18 янв.

[17] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т 42, с. 572.

[18] Ленин В. И. Полн собр. соч., т. 52, с. 50. — Впервые опубликовано в «Правде» 21 янв. 1921 г.

[19] Там же.

[20] «Петроградская правда», 1921, 21 янв.

ной публикации этого ленинского документа члены партии вникали в сущность разногласий, знакомились с этапами дискуссионной борьбы в партии.

По страницам газет «Правда», «Известия ВЦИК», «Петроградская правда» прослеживается рост популярности ленинской платформы. Партийные организации со всех концов России посылали в «Правду» отчеты о проведении собраний по вопросам дискуссии о профсоюзах, где отмечалось, что за платформу Ленина высказывается абсолютное большинство.[21] Например, в резолюции собрания моряков-коммунистов Петроградской морской базы говорилось: «Мы моряки-коммунисты ... считаем, что во всех военных организациях необходимы военные методы, но на профессиональные союзы военные методы целиком не могут быть перенесены... Поэтому мы по вопросу о роли и задачах профсоюзов всецело стоим на платформе, защищаемой т. Лениным».[22]

Изучение текстов ленинских работ, опубликованных на страницах газет, позволяет сделать вывод, что первые издания многих из них даже в виде газетных отчетов играли большую роль для осуществления партийного руководства профсоюзным движением. Несмотря на то, что многие из этих документов даны с большими сокращениями, периодическая печать в свое время имела большое значение в разъяснении политики партии по отношению к профсоюзам. Значение этих публикаций становится еще более очевидным, если учесть, что лишь некоторые из ленинских документов: «Великий почин», «Привет итальянским, французским и немецким коммунистам», «О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого», «Кризис партии», «Еще раз о профсоюзах...» — в то время были опубликованы отдельно. Всего пять речей, три доклада и одно письмо В. И. Ленина были включены в стенографические отчеты партийных, советских и профсоюзных съездов, конференций и заседаний в 1918—1920 гг.

Даже в первое собрание сочинений В. И. Ленина, которое осуществлялось с 1920—1926 гг., вошли далеко не все работы, которые были опубликованы в периодической печати в 1917—1921 гг. Среди них «Доклад об экономическом положении рабочих Петрограда и задачах рабочего класса на заседании рабочей секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 4 декабря 1917 г.», «Выступление на объединенном заседании представителей ВЦСПС, ЦК Союза металлистов и ВСНХ 11 апреля 1918 г.», «Политический доклад Центрального Комитета 2 декабря на VIII Всероссийской конференции РКП(б)», «Письмо к организациям РКП о подготовке к партийному съезду» (написано между 17—26 февраля 1920 г.).

---

[21] «Правда», 1921, 21, 25, 26, 27, 29, 30 янв., 18 февр.
[22] «Правда», 1921, 21 янв., с. 4.

Таким образом, в 1917—1921 гг. газеты часто являлись единственными источниками ознакомления с ленинскими документами по вопросам профсоюзного движения, они были основным информатором о происходящих событиях в профсоюзах послеоктябрьского периода.

З. С. ТРУХАЧЕВА

О ПЕРВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ КОММУНИСТОВ В ТЕАТРАХ ПЕТРОГРАДА В 1919—1920 гг.

Направляющая деятельность Коммунистической партии явилась главным условием становления и развития советского театра, искусство которого уже на начальном этапе культурной революции призвано было служить делу коммунистического просвещения и воспитания широких масс трудящихся. Однако опыт партийного руководства театральным строительством мало изучен в советской литературе. Не исследованы пути и методы партийного воздействия на творческую интеллигенцию театра в годы гражданской войны, в том числе и такой важный канал большевистского влияния на деятельность театров, как первые коллективы коммунистов в театральных учреждениях. Данная статья посвящена истории возникновения и первых шагов деятельности коллективов коммунистов петроградских театров.

Коллективы РКП(б) стали появляться в театрах Петрограда вслед за осуществлением большевиками основных мероприятий по организационному и идейному подчинению театров органам Советской власти. Первые из них были организованы в рабочих и красноармейских театрах. В апреле 1919 г. в Театрально-драматургической мастерской, труппа которой функционировала как красноармейский театр, была создана партийная группа, состоявшая первоначально из трех членов РКП(б) и 7 сочувствующих.[1] В июле 1919 г. был образован коллектив коммунистов рабочих и служащих в Драматическом театре Народного дома.[2] В сентябре 1919 г. 8 членов РКП(б), работавших в Первом революционном рабочем героическом театре, обычно для краткости называвшемся просто Героический театр, также организовали партийную организацию,[3] а в 1919 г. (точное время образования неизвестно) начал свою деятельность коллектив коммунистов в Украинском коммуни-

---

[1] ЛПА, ф. 1817, оп. 1, д. 584, л. 4.
[2] Там же, ф. 6, оп. 1, д. 12, л. 44.
[3] Там же, ф. 1817, оп. 1, д. 584, л. 12.

стическом театре им. Т. Г. Шевченко.[4] Несколько позже были организованы партийные коллективы в академических театрах. В декабре 1919 г. они возникли в Михайловском и Мариинском,[5] а в феврале 1920 г. в Александринском театрах.[6] В апреле 1920 г. образовался коллектив РКП(б) в театре Музыкальной комедии.[7] Сведений о большевистских организациях в других театрах Петрограда в эту пору обнаружить не удалось. Следовательно, можно утверждать, что к весне 1920 г. они существовали не менее чем в 8 театрах из двух десятков функционировавших в это время в городе, т. е. почти в половине петроградских театров.

Организаторами первых коллективов коммунистов были рабочие или служащие театров: М. Вольский (Героический театр), П. Илларионов (театр Народного дома), Н. А. Никифоров (Мариинский театр), Ф. Ф. Фиалковский (Михайловский театр), А. И. Новиков (Александринский театр) и другие. Театральные партийные коллективы работали под руководством районных комитетов партии. Особенно много для их становления сделал РК РКП(б) 2-го Городского района, так как именно там были сосредоточены крупнейшие театры города. Вопросы о состоянии дел в коллективах коммунистов театров обсуждались на заседаниях райкома и бюро райкома РКП(б). Так, в июне 1920 г. бюро РК 2-го Городского района, рассмотрев работу коммунистов Героического театра, приняло решение, способствовавшее налаживанию взаимоотношений коллектива РКП(б) с администрацией театра и вынесло соответствующие рекомендации Петроградскому театральному отделу.[8] Кроме того, между РК и коммунистами театров существовала повседневная связь. Члены РК РКП(б) принимали участие в собраниях коммунистов театров. Коммунисты направляли в райкомы РКП(б) протоколы собраний, отчеты и справки о деятельности организаций. Ответственные организаторы участвовали в заседаниях при райкомах РКП(б).

Помимо райкомов РКП(б) на деятельность театральных коллективов коммунистов оказывала влияние большевистская фракция Петроградского Союза работников искусств, возникшая летом 1919 г. Особенно прочное и плодотворное взаимодействие между коллективами и фракцией имело место в период переизбрания руководящих органов профсоюза работников искусств. Коммунисты вели агитацию среди сотрудников театров за избрание в правление Сорабиса кандидатов, выдвинутых фракцией РКП(б) Союза. Благодаря этой работе в правление Сорабиса были избраны кандидатуры, предложенные больше-

---

4 Там же, ф. 1, оп. 1, д. 624, л. 13.
5 Там же, ф. 1817, оп. 1, д. 584, л. 18, 20.
6 Там же, д. 1183, л. 1.
7 Там же, д. 1192, л. 1.
8 Там же, д. 733, л. 30.

вистской фракцией Союза, что способствовало усилению партийной прослойки в руководстве Сорабиса. Осенью 1919 г. в правление Сорабиса были избраны все 17 кандидатов, предложенные фракцией РКП(б) и среди них 9 членов РКП(б).[9] После перевыборов 1920 г. в правлении Союза работало 14 членов РКП(б).[10] Таким образом, в годы гражданской войны стала складываться система партийного руководства театрами, позволявшая большевистской организации Петрограда активно влиять на работу театров.

Созданные в 1919—1920 гг. театральные коллективы РКП(б) стремились к расширению своего идейно-политического воздействия на работников театров, содействовали организации внутренней жизни театров на новых принципах и более широкому их участию в культурно-просветительной и агитационно-пропагандистской работе, проводимой партийными и советскими организациями города. Райкомы РКП(б) направляли коммунистов в школы агитаторов.

В целях политической дифференциации сотрудников театров члены РКП(б) выступали на общих собраниях по насущным вопросам партийной и государственной жизни, вели агитацию среди рабочих и служащих театров за избрание коммунистов в Петросовет, районные советы рабочих и крестьянских депутатов, в домовые комитеты, за объединение в потребительские коммуны и т. д. Они ходатайствовали перед вышестоящими партийными организациями о доставке газет и политической литературы в театры. Коммунисты в Михайловском театре при содействии РК РКП(б) открыли свой клуб, в Александринском — устроили распродажу агитационной литературы в киоске театра.

Результатом политической работы коммунистов было сближение их с массой беспартийных работников театров и, как следствие этого, — рост числа членов партии. Наибольших успехов в этом добились партийные коллективы Героического театра, Драматического театра Народного дома и Украинского театра, которые приняли в члены РКП(б) не только рабочих и служащих, но и актеров и стали наиболее многочисленными. В Героическом театре в 1920 г. активно работали 18 членов и кандидатов в члены РКП(б) при общем числе сотрудников театра 150 человек,[11] в театре Народного дома — 31.[12] Из творческих работников театров одним из первых в ряды Коммунистической партии летом 1918 г. вступил В. Э. Мейерхольд, в годы гражданской войны членами РКП(б) стали П. Малюга, А. М. Дальский, Л. А. Новицкая, П. А. Кондратович, М. М. Фарафонов и некоторые другие актеры петроградских

9 Там же, ф. 457, оп. 1, д. 19, л. 24.
10 Там же, д. 46, л. 51.
11 Там же, ф. 1817, оп. 1, д. 1350, л. 5.
12 Там же, ф. 809, л. 36.

театров. Однако вступление творческих работников в ряды РКП(б) в эти годы было еще редким явлением.

Наряду с идейно-воспитательной работой коллективы РКП(б) принимали меры к превращению театров в советские учреждения. С этой целью коммунисты Героического театра, Театрально-драматургической мастерской, Драматического театра Народного дома и Михайловского театра стремились к установлению контроля за деятельностью администрации. Следуя указанию вышестоящих партийных огранов, они добивались представительства своих членов в правлениях театров, создавали комиссии из представителей коммунистов и беспартийных, дисциплинарные суды. Вопросы соблюдения производственной дисциплины рабочими и служащими, как острые и злободневные в жизни театров, становились предметом обсуждения на партийных собраниях. В борьбе с нарушителями трудовой дисциплины коммунисты требовали применения таких мер наказания, как увольнение сотрудников из театров. Вся эта работа велась в контакте с местными комитетами.

Наряду с перестройкой внутренней жизни театров коммунисты способствовали претворению в жизнь новых задач, поставленных революцией перед искусством. Им принадлежит инициатива устройства субботников сотрудников театров. Первые субботники были устроены коллективами коммунистов Героического театра, Театрально-драматургической мастерской и Михайловского театра в 1919 г. Участие сотрудников театров в субботниках и воскресниках выразилось не только в заготовке угля, дров и т. д., но и в постановке внеплановых спектаклей для трудящихся. Сбор от некоторых таких спектаклей поступил в пользу Красной Армии. В январе 1920 г. коммунисты Героического театра дали на Петроградском вагоноремонтном заводе спектакль, полученные средства от которого пошли в фонд «Недели фронта». Летом этого же года они организовали добровольческую поездку на Западный фронт в период летнего отдыха сотрудников Героического театра, предоставленного впервые за 3 года.[13] Активно участвовали в постановке агитационных спектаклей на фронте и коммунисты Театрально-драматургической мастерской.

Однако в деятельности первых коллективов коммунистов театров имелись и слабые стороны. В связи с тем, что в их составе преобладали преимущественно рабочие и служащие, они не могли оказывать квалифицированного воздействия на творческую работу театров. Театральные коллективы РКП(б) были малочисленны. Число коммунистов в них не превышало большей частью 6—7 человек.[14] Состав постоянно обновлялся, так как их члены уходили на фронты гражданской войны. В таких

---

[13] Там же, д. 1191, л. 2, 32.
[14] Там же, д. 809, л. 36.

условиях трудно было сохранить целенаправленный и планомерный характер деятельности партийных коллективов.

Все эти особенности заставляли коммунистов театров искать дополнительные организационные формы, позволявшие усилить политическую работу, лучше осуществлять координацию их деятельности. Объединение театральных партийных организаций взяла на себя большевистская фракция Сорабиса, предложившая в феврале 1920 г. создать при Союзе единый коллектив коммунистов.[15] Это начинание Сорабиса поддержал РК РКП(б) 2-го Городского района.[16] Создание объединенного коллектива коммунистов при Сорабисе не означало ликвидации партийных организаций в театрах, напротив, оно было предпринято для оживления их работы. Объединенный коллектив коммунистов при Сорабисе объединил всех коммунистов театров. Он просуществовал около года.[17]

Концентрация партийных сил давала возможность лучше координировать деятельность коллективов РКП(б), поднять большевистское влияние в театрах на новую ступень. Теперь работа коммунистов приобрела более планомерный характер и велась через профсоюз работников искусств, в контакте с ним. Она охватывала значительное число членов Союза. Коммунисты считали своей основной задачей политическую агитацию среди работников театра, вовлекали беспартийных членов Союза в кружки по изучению основ коммунизма, при их деятельном участии в июле 1920 г. был проведен концерт-митинг на тему «Профессиональное движение и интеллигенция».[18]

Коммунисты Сорабиса всячески поддерживали постановки спектаклей агитационного характера как в Петрограде, так и на фронтах гражданской войны. Претворяя в жизнь решение Петроградского губкома РКП(б) об устройстве в «Неделю фронта» (январь 1920 г.) театральных представлений агитационного характера, плата за которые взымалась бы в пользу Красной Армии, они предложили отчислить один процент от заработка актеров и рабочих театров в фонд «Недели фронта». Во избежание недобросовестности при выплате пожертвованных денег кассами некоторых театров было решено направить в них комиссии от Союза.[19] Только за спектакли, поставленные 26 января 1920 г., театры перевели в фонд «Недели фронта» 524 601 руб.[20] Одновременно были переданы теплые вещи. Аналогичная работа была проведена в период агитационно-пропагандистской кампании «В помощь Западному фронту».[21] В

---

15 Там же, д. 1181, л. 10.
16 Там же, д. 809, л. 36.
17 Там же, д. 1773, л. 37.
18 Там же, д. 1181, л. 83.
19 Там же, л. 1, 2.
20 Там же, ф. 1, оп. 1, д. 887, л. 93.
21 Там же, ф. 1817, оп. 1, д. 1181, л. 84.

фонд Красной Армии были даны спектакли в Украинском, Мариинском, Александринском, Народном доме, Музыкальной комедии, Комической опере и других театрах Петрограда.

Коммунисты Сорабиса предприняли ряд шагов по реорганизации эстрадных представлений. Они добились прекращения постановки антихудожественных программ в Театре народной комедии и художественного дивертисмента, способствовали объединению эстрадных артистов в кооперативный театр и организовали там коллектив РКП(б).[22]

Таким образом, первые коллективы коммунистов в театрах Петрограда способствовали объединению партийных сил в театрах и положили начало конкретному партийному руководству их деятельностью. Коммунисты укрепляли партийными кадрами аппарат и руководство профессионального союза театральных работников. Они деятельно способствовали тому, чтобы театр служил народу.

---

[22] Там же, л. 127, 131, 137.

И. В. ПОГОРЕЛЬСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ К СОЦИАЛИЗМУ

(на примере советских республик Средней Азии (1918—1924 гг.)

XXIV съезд КПСС, определяя задачи партии в области национальных отношений на современном этапе коммунистического строительства, с величайшим вниманием отнесся к многолетнему опыту решения ленинской партией национального вопроса в СССР. Успешное осуществление социалистических преобразований и создание национальной советской государственности на окраинах страны были возможны только при условии возникновения и укрепления местных партийных организаций, являвшихся руководящей и цементирующей силой в мобилизации трудящихся масс на борьбу против эксплуататорского строя и создание нового общества.

Вопрос об особенностях партийного строительства в условиях некапиталистического перехода к социализму отдельных народов нашей страны сравнительно мало освещен в нашей историко-партийной литературе. Несомненный интерес в этом отношении представляет история партийного строительства в таких специфических окраинных республиках, как Туркестанская Автономная Социалистическая Советская Республика,

Бухарская и Хорезмская Народные Советские Республики. Формирование республиканских партийных организаций в Средней Азии шло в тесной связи с развитием и углублением революции, укреплением национально-государственного аппарата при неизменном осуществлении руководящей роли партии.

Общие теоретические вопросы некапиталистического пути развития к социализму нашли свое отражение в работах М. Джунусова, а конкретный опыт отдельных народов Средней Азии в ряде коллективных исследований, вышедших почти одновременно.[1] Первая попытка осветить эти вопросы более детально, в аспекте обобщения опыта некапиталистического пути к социализму на примере Хивы и Бухары, была предпринята по инициативе Института истории АН СССР группой авторов, создавших коллективную монографию по истории Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик.[2]

Сейчас назрела настоятельная необходимость более глубокого обобщения опыта партийного строительства в своеобразных условиях некапиталистического пути развития к социализму. Общие труды по этим вопросам, созданные коллективами историков республик Средней Азии и Казахстана, при всей их значимости в силу обзорного характера не могут решить задачи.[3] Более конкретную постановку этих проблем можно наблюдать в небольшой статье А. И. Зевелева и В. М. Устинова, специально посвященной особенностям партийного строительства в Средней Азии (1918—1924 гг.).[4] Однако при всех ее достоинствах в статье не освещаются особенности некапиталистического развития народов Средней Азии при переходе к социализму, и в ней в основном содержатся материалы по одной туркестанской партийной организации.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции вопрос о некапиталистическом развитии, решавшийся ранее в теоретическом плане, переносится в область непосредственной революционной практики. В докладе на II конгрессе Коминтерна в 1920 г. В. И. Ленин с гениальной простотой сформулировал сущность некапиталистического пути развития,

---

[1] Джунусов М. Об историческом опыте строительства социализма в ранее отсталых странах. М., 1958; Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане. Ташкент, 1960; Минуя капитализм (о переходе к социализму республик Средней Азии и Казахстана). — Сб. ст. М., 1961; От средневековья к вершинам современного прогресса (об историческом опыте развития народов Средней Азии и Казахстана от докапиталистических отношений к социализму). Коллективная монография под ред. М. Джунусова. М., 1965, и др.

[2] История Бухарской и Хорезмской народных советских республик. М., 1971, с. 254.

[3] История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967; Очерки Коммунистической партии Туркестана. Ташкент, 1959, и др.

[4] Зевелев А. И., Устинов В. М. О некоторых особенностях партийного строительства в Средней Азии (1918—1924 гг.). — «Вопросы истории КПСС», 1967, № 10, с. 112—121.

указав, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».[5] Несколько ранее, на II съезде коммунистических организаций народов Востока, обращаясь к делегатам съезда, В. И. Ленин говорил, что им, «опираясь на общекоммунистическую теорию и практику... применяясь к своеобразным условиям», нужно будет «решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков».[6]

В широком смысле слова «некапиталистический» путь развития для таких специфических государственных образований, как Бухарская и Хорезмская НСР, включал в себя этап глубоких революционно-демократических преобразований, содержанием которого являлись: 1) ломка феодальных отношений; 2) превращение полунатурального и натурального хозяйства в мелкотоварное и ограничение его капиталистических тенденций; 3) создание социалистического уклада.

Некапиталистическое развитие предполагает две возможных формы: первая — в рамках общего государства, с установившейся диктатурой рабочего класса (примером чего может служить Туркестан). Вторая — в условиях самостоятельного существования (пример, МНР, Тувы, Бухарской и Хорезмской НСР). В том и другом случае народам и странам, вступившим на этот путь, требуется государственная помощь страны, где победила диктатура рабочего класса. В понятие этой помощи могут входить как политическая и военная поддержка, организаторская работа, так и материально-финансовая помощь. Если не в начальный период, то на последующих этапах развития такой вид связи приобретает форму взаимопомощи.

На II конгрессе Коминтерна В. И. Ленин, ссылаясь на незначительность имеющегося опыта, еще не мог указать заранее, какие средства помощи требуются отсталым странам. Он возлагал большие надежды на практический опыт и предлагал «во всех колониях и отсталых странах... образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации».[7] Особенностью этих партийных организаций являлось то, что они возникали в странах с преимущественно крестьянским населением и пополнялись главным образом за счет крестьян, мелких ремесленников и демократической интеллигенции.

Установлению общих принципов и определению практических мер партийного, государственного, хозяйственного и культурного строительства в национальных республиках и областях во многом содействовали периодические совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и об-

---

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.
[6] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 329.
[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

ластей. За период с 1918 по 1923 г. состоялось пять таких совещаний.[8]

Партийная организация Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики с единым партийным руководящим органом оформилась в июне 1918 г. К этому времени в Туркестанской республике насчитывалось свыше 20 партийных комитетов и крупных партийных организаций, объединявших до 2 тыс. членов партии. Собравшаяся 17 июня I краевая конференция конституировалась как I краевой съезд партии коммунистов-большевиков, наряду с решением других вопросов избравший Центральный Комитет Коммунистической партии Туркестана.[9]

Бухарская Коммунистическая партия возникла еще до победы Бухарской народно-советской революции в сентябре 1918 г. Летом 1918 г. из среды младобухарцев-революционеров, примыкавших по взглядам к партии эсеров, выделилась наиболее революционная часть, высказавшаяся за признание большевистской программы. 25 сентября в Ташкенте состоялось общее собрание бухарских коммунистов, принявшее решение о создании Бухарской Коммунистической партии и избравшее Центральный Комитет.

Первоначально коммунисты Бухары отказывались от какого-либо сотрудничества с младобухарцами, но в условиях надвигавшейся в Бухаре народно-демократической революции в июле 1920 г. ЦК РКП(б), отклонив ходатайство ЦБ младобухарцев о принятии их в РКП(б), высказался за оказание поддержки младобухарцам в борьбе против эмирской власти. В августе этого же года IV съезд Компартии Бухары признал возможным создание временного блока с младобухарцами при условии политической гегемонии Компартии Бухары.[10] Накануне революции левая часть младобухарцев влилась в состав Коммунистической партии Бухары.

Ядром Хорезмской Коммунистической партии явилась коммунистическая группа, выделившаяся из состава Петро-Александровского революционного младохивинского комитета весной 1919 г. Окончательно партия оформилась в мае 1920 г. на I (учредительной) Всехорезмской конференции, избравшей Центральный Комитет. С этого же времени младохивинская партия, целиком влившаяся в состав Хорезмской Коммунистической партии, официально прекратила свое существование.[11]

В феврале 1920 г. в Хивинском ханстве и в сентябре этого же года в Бухарском эмирате победили народно-советские,

---

[8] Елкина С. И. К истории совещаний ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (1918—1923 гг.).— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 3, с. 55.

[9] История коммунистических организаций Средней Азии, т. 266—269.

[10] «Вопросы истории КПСС», 1967, № 10, с. 120.

[11] История коммунистических организаций Средней Азии, с. 459, 474.

антифеодальные и антиимпериалистические революции, приведшие к образованию Хорезмской и Бухарской Народно-Советских Республик. Бухарская и Хивинская Коммунистические партии, став правящими партиями, входили в состав Коминтерна, но до 1922 г. не являлись секциями РКП(б).

Трудности работы коммунистов Туркестанской республики, Хорезма и Бухары вызывались не только сложностью обстановки, но и особенностью самих партийных организаций, которые были в основном крестьянскими, постоянно находились под угрозой засорения чуждыми элементами. Особенно сильно были засорены Хорезмская и Бухарская коммунистические партии. Из 2 тыс. членов, составляющих Хорезмскую коммунистических партию, в результате чистки в 1921 г. осталось 60 человек.[12] Но и в 1923 г. полномочный представитель РСФСР в Хорезме Б. Г. Городецкий с некоторой долей преувеличения сообщал в Средазбюро ЦК РКП(б), что в Хорезмской Коммунистической партии 50 процентов составляют торговцы и 10 процентов — представители духовенства.[13]

В неменьшей степени неблагоприятным был в первые годы Советской власти состав Коммунистической партии Туркестана. В результате перерегистрации членов и кандидатов партии в 1919 г. из 57 725 коммунистов из партии выбыло 24 293 человека.[14] Центральный Комитет РКП(б) в 1923 г. назначил новую чистку для ряда национальных областных и республиканских организаций. В этом же году в ходе чистки из состава Хорезмской Коммунистической партии было исключено 145 человек и не прошло чистки свыше 300 человек, таким образом, из партии выбыло свыше 32 процентов ее состава.[15]

Приведенные данные не дают основания предполагать, что вследствие слабости рабочей прослойки на восточных окраинах и опасности проникновения в партию классово-чуждых элементов ЦК РКП(б) должен был отказаться от создания массовых партийных организаций на местах. В резолюции IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (июнь 1923 г.) указывается: «Лишь тогда Советская власть будет крепка в республиках и областях, когда там упрочатся действительно серьезные коммунистические организации».[16] В этой же резолюции предлагалось на окраинах страны при приеме в партию исходить из других классовых критериев, переносить тяжесть партийной работы в сторону

---

[12] История национально-государственного строительства в СССР. М., 1968, с. 294.

[13] ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 81/1, л. 84.

[14] Коммунистическая партия Туркестана и Узбекистана в цифрах. Ташкент, 1968, с. 17.

[15] ЦПА ИМЛ, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 81/3, л. 367.

[16] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 2, изд. 8-е. М., 1970, с. 489.

«медленной, систематической, терпеливой идейно-воспитательной работы лучших элементов крестьянства, кустарей и пр.».[17]

В целях улучшения качественного состава партийных организаций в Средней Азии льготные условия приема в партию рабочих были распространены на батраков. Учитывая, что «ядром РКП в целом являются закаленные рабочие промышленных центров»,[18] Центральный Комитет смело шел по пути вовлечения в ряды партии в национальных областях лучших представителей дехканства, кустарей, демократической национальной интеллигенции. Несмотря на то, что даже в 1927 г. в составе Коммунистической партии Узбекистана крестьяне и батраки составляли 20,4 процента, рабочие — 21,8 процента, а все прочие — 57,8 процента, эта партийная организация представляла собою подлинный авангард трудящихся республики.[19]

Специфический состав партийных организаций требовал не только тщательного отбора вступавших в партию, систематического очищения партийных рядов, но и особой заботы о марксистско-ленинской подготовке кадров, что вызывало необходимость ускоренных темпов создания сети партийных учебных заведений как в виде советско-партийных школ на местах, так и таких, какими являлись Среднеазиатский коммунистический университет (САКУ) в Ташкенте и Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в Москве.

Учитывая трудности хозяйственного, государственного и партийного строительства на территории советских восточных окраин, несмотря на перегруженность и колоссальные масштабы работы, В. И. Ленин пристально следил за всеми происходившими там событиями. В один из наиболее тяжелых периодов существования Туркестанской АССР и ее партийной организации в 1919 г., когда наряду с обострением положения на фронтах гражданской войны в Туркестане возникла реальная угроза раскола партийной организации вследствие возникновения особого Мусульманского бюро КП Туркестана во главе с Т. Рыскуловым, по инициативе В. И. Ленина в Туркестан была послана авторитетная, наделенная широкими полномочиями, комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, являвшаяся одновременно и комиссией ЦК РКП(б). В связи с созданием этой комиссии В. И. Ленин обратился со специальным письмом к «Товарищам коммунистам Туркестана»,[20] в котором просил их с полным доверием отнестись ко всем указаниям комиссии.

Внимание Туркомиссии прежде всего было привлечено к состоянию партийных организаций в Средней Азии. Ненормальным являлось существование в Туркреспублике трех высших партийных органов: Краевого Комитета КП Туркестана,

---

[17] Там же.
[18] Там же.
[19] Национальная политика ВКП(б) в цифрах. М., 1930, с. 149.
[20] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 304.

Мусбюро и Краевого Комитета иностранных коммунистов. В связи с массовым отъездом зарубежных интернационалистов из Туркестана сравнительно быстро и безболезненно была ликвидирована их особая партийная организация. Оставшиеся интернационалисты, находившиеся главным образом в Красной Армии, влились в соответствующие партийные организации.

Гораздо труднее решался вопрос с Мусульманским бюро КП Туркестана. При возникновении Мусульманское бюро рассматривалось как отдел краевого комитета партии для работы среди коммунистов и трудящегося населения местных национальностей и в этом отношении Мусбюро сыграло большую роль в советизации аулов и кишлаков, в вовлечении лучших представителей коренных народов в партию. В дальнейшем Мусбюро начало противопоставлять себя краевому комитету, заявляя о необходимости создания в Туркестане особой «мусульманской коммунистической партии» и даже выступило с предложением о переименовании Компартии Туркестана в тюркскую компартию.

В январе 1920 г. V краевая конференция Компартии Туркестана, проходившая в обстановке ожесточенных споров с национал-уклонистами, приняла решение об объединении всех коммунистических организаций Туркестана в единую партию во главе с единым руководящим органом ЦК.[21] В это же время по решению Турккомиссии для руководства коммунистическими и революционными организациями сопредельных с Туркестаном стран Востока, находившимися в Туркестане (иранскими, турецкими, китайскими, индийскими), а также коммунистической хивинской группой, вскоре преобразовавшейся в самостоятельную партию, и Бухарской коммунистической партией, не входившими в состав РКП(б), был организован специальный Совет интернациональной пропаганды, впоследствии преобразованный в Туркестанское бюро Коминтерна.

Вопросы, связанные с положением Советского Туркестана, с политикой партии и Советского правительства по отношению к Бухаре и Хорезму, были предметом неоднократных обсуждений в Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б). 8 марта 1920 г. ЦК РКП(б) принял постановление об автономии Туркестана и партийном строительстве в республике. ЦК признал правильными решения V краевой конференции по объединению всех коммунистических организаций в единую Коммунистическую партию.[22] Наряду с необходимостью решительного преодоления национал-уклонизма в ряде документов ЦК РКП(б) обращал самое серьезное внимание на борьбу против великодержавного шовинизма.

29 июня 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло четыре

---

[21] История коммунистических организаций Средней Азии, с. 387.
[22] Там же.

весьма важных постановления: «О наших задачах в Туркестане»; «Об организации власти в Туркестане»; «О партийном строительстве в Туркестане»; «Инструкция Туркомиссии».[23] Все эти постановления объединялись под общим названием «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане». В разработке всех указанных постановлений самое непосредственное участие принял В. И. Ленин.

Проект решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане был подготовлен комиссией Политбюро ЦК РКП(б), в которую входили Г. В. Чичерин, Н. Н. Крестинский и председатель Туркомиссии Ш. З. Элиава. Представленный комиссией проект подвергся серьезной критике со стороны В. И. Ленина. В. И. Ленин предложил более четко определить компетенцию ТурЦИКа и ТурСНК, указать на необходимость борьбы с буржуазным национализмом. «Необходимо, на мой взгляд, — пишет В. И. Ленин, — проект т. Рыскулова отклонить». Далее В. И. Ленин предлагал: «...Вставить обязанность Туркомиссии систематически *срабатываться* с ТурСНК и ТурЦИК:

(1) запрашивать их заключение;

(2) вводить их постепенно в дела Туркомиссии...».[24]

Заключительную часть замечаний на проект решения В. И. Ленин посвящает вопросам практической разработки мер, обеспечивающих постепенное расширение прав Туркестанской Коммунистической партии при условии контроля за ее составом, а также просит составить подробную этнографическую карту Туркестана с подразделением узбекского, киргизского (в том числе и казахского), туркменского населения и детально выяснить условия слияния или разделения этих трех частей.[25]

22 июня 1922 г. В. И. Ленин представляет в Политбюро ЦК РКП(б) проект постановления «О задачах РКП(б) в Туркестане», в котором уточняет свои замечания, высказанные 13 июня по поводу проекта вышеуказанной комиссии Политбюро и в заключение своего проекта предлагает: «... (4) систематически обдумать, подготовить, провести передачу власти — постепенно, но неуклонно — местным *Советам трудящихся,* под контролем надежных коммунистов; (5) деления республики на 3 части не предрешать; (6) общей задачей ставить свержение феодализма, но не коммунизм».[26] В соответствии с ленинскими указаниями исправленные тезисы и проект комиссии были утверждены на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 29 июня 1920 г.

В целях обеспечения всестороннего и систематического руководства работой партийных организаций Туркестана в 1920 г. было создано Туркестанское Бюро ЦК РКП(б), а в 1922 г.

---

[23] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 544, прим. 171.

[24] Там же, с. 435.

[25] См. там же, с. 436.

[26] Там же, с. 153.

в связи с вступлением Бухарской и Хорезмской коммунистических партий в состав РКП(б) оно было преобразовано в Среднеазиатское Бюро ЦК РКП(б).

Непрерывный рост и улучшение качественного состава коммунистических партий Туркестана, Бухары и Хорезма позволили им под руководством ЦК РКП(б) и его полномочных органов в Туркестане успешно справиться со всеми стоящими перед ними задачами. В 1923 г. Хорезмская и в 1924 г. Бухарская Народные Советские Республики превратились в республики социалистические. Это обстоятельство дало возможность приступить к решению одной из неотложных задач — к национально-государственному размежеванию народов Средней Азии, к образованию самостоятельных национальных и автономных республик, обеспечивающих для каждого из народов свободу развития в братской семье социалистических наций Советского Союза.

Ю. У. РАКОВСКИЙ

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПЕРЕСТРОЙКОЙ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПРОФСОЮЗОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Перестройка экономики страны в связи с развертыванием наступления социализма по всему фронту потребовала от партии усиления внимания к производственным вопросам. Этим, в свою очередь, вызывалась необходимость активизации самой массовой организации трудящихся — профсоюзов. Повышение уровня партийного руководства профсоюзами в новых условиях явилось одной из важнейших задач партии.

Необходимость организационной перестройки профсоюзов также диктовалась новыми задачами реконструктивного периода. Целью ее являлось улучшение деятельности хозяйственных и общественных организаций в сложных условиях первой пятилетки. Именно на профсоюзы «ложится ответственность за реорганизацию всей хозяйственной жизни на началах социализма».[1]

Изыскание новых форм работы профсоюзов протекало в упорной борьбе партии со старым руководством профсоюзов (Томский и др.), не желавшим вовлечения «профаппарата в активную политическую жизнь», приведших «в период VIII съезда профсоюзов... к попыткам противопоставления профаппарата партии».[2]

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 160.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 8-е, ч. 4. М., 1970, с. 471.

Решения апрельского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г.[3] и III пленума ВЦСПС (ноябрь 1929 г.), наметившего пути перестройки профсоюзов, имели огромное значение для повышения роли профсоюзов в социалистическом строительстве. Перестройка организационной структуры предусматривала сокращение аппарата ответственных работников профсоюзов на 25 процентов. В аппарате ВЦСПС были созданы 7 секторов: кадров, организационной и инструкторской работы, производства и зарплаты, социально-бытовой и рабочего снабжения, культработы, массовых кампаний и сектор финансовой работы.[4] Реорганизация была проведена на основе четкого разграничения функций и не допускала параллелизма в работе секторов. По аналогичному принципу, правда, с некоторым учетом местных условий, были реорганизованы аппараты республиканских и областных советов профсоюзов.

В решении областного комитета ВКП(б) «Об изменении структуры и методов работы ленинградских профсоюзов» подчеркивалось, что изменение структуры и методов работы профсоюзов должны были сделать областные аппараты профсоюзов способными к осуществлению конкретного руководства низовыми профессиональными организациями. Необходимо было решительно отказаться от многочисленных обследований, применявшихся ранее, сделать упор на инструктирование и изучение местного опыта.[5] В Ленинградском областном совете профессиональных союзов был образован сектор организационно-инструкторской работы и контроля.[6] Для сосредоточения внимания президиума ЛОСПС на руководстве вновь создаваемыми секторами из состава президиума был выделен секретариат, занимавшийся подготовкой и рассмотрением многочисленных вопросов.[7]

Большое значение в ходе подготовки к перестройке работы профсоюзов придавалось руководству отчетно-перевыборной кампании. Партийные ячейки обязаны были уделять внимание перевыборам, стремясь к максимальной активности на собраниях,[8] так как одним из важнейших условий успешности перестройки работы профсоюзов являлось обеспечение подлинной профсоюзной демократии и самокритики.[9] На профсоюзных собраниях докладчиками выступали главным образом члены президиума областных комитетов профсоюзов, что придавало этим собраниям больший авторитет и значение.[10]

---

[3] Пленум осудил правооппортунистическую линию профессионального руководства и решил организационные вопросы.

[4] «Труд», 1930, 5 февр.

[5] Бюллетень Ленингр. обкома ВКП(б), 1930, № 6, с. 21—22.

[6] Справочник профработника, 1930, № 10 (157), с. 3.

[7] ЛГАОРСС, ф. 6276, оп. 22, ед. хр. 103, л. 79.

[8] ЛПА, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 170, л. 26.

[9] КПСС в резолюциях. . ., с. 73.

[10] ЛПА, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 170, л. 26.

Перевыборы значительно обновили профсоюзный актив. Только по Союзу металлистов Ленинграда низовые профорганизации были обновлены более чем на 70 процентов.[11] Однако перевыборная кампания была лишь началом процесса обновления профсоюзных кадров. По решению ВЦСПС от 28 января 1930 г. было признано «необходимым при участии широких масс проведение повсеместной сверху донизу чистки аппарата профессиональных союзов».[12]

XVI съезд ВКП(б) одобрил решение Президиума ВЦСПС и подчеркнул, «что чистка профаппарата даст успешные результаты лишь в том случае, если будет проведено решительное выдвижение в профаппарат рабочих и работниц с производства». Съезд обязал партийные и профсоюзные организации обновить аппарат, выдвинув в него ударников, так как основной базой перестройки профсоюзов является движение ударничества.[13]

В процессе чистки вскрывались крупные недостатки в работе профсоюзных организаций, за которые несли ответственность прежде всего руководители этих организаций. Именно поэтому, отмечая слабость профессиональной работы в совхозах области, Ленинградский областной комитет предложил Гдовскому, Дедовичскому, Старорусскому, Боровическому, Новгородскому, Вольскому, Бологовскому и Череповецкому райкомам ВКП(б) немедленно укрепить состав председателей рабочкомов.[14] Этим подчеркивался один из принципов перестройки — повышение персональной ответственности руководящих работников профаппарата. Некоторая часть областных руководящих профработников в результате чистки переводилась на низовую профессиональную работу.[15]

Основной принцип перестройки работы профсоюзов заключался в осуществлении лозунга «лицом к производству», в точном учете и информации на местах. Эти задачи могли быть решены только при укреплении низовой профсоюзной организации. Вместо института профделегатов создавалась профгруппа. В постановлении областного комитета партии «Об усилении профработы в бригаде» отмечалось, что организацию профгруппы необходимо проводить, строго соблюдая производственный принцип. Фракциям ВКП(б) профсоюзных организаций вменялось в обязанности оказание практической помощи профгруппам (составление ежемесячных памяток, консультаций, теоретическая подготовка профактива и т. д.).[16] При ФЗМК были образованы производственно-экономические группы.

Этой же цели — осуществлению лозунга «лицом к производ-

---

11 «Ленинградская правда», 1929, 14 июня.
12 Профсоюзы СССР. Докум. и матер., т. II. М., 1963, с. 621.
13 КПСС в резолюциях. . ., с. 470—471.
14 ЛПА, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 321, л. 24.
15 Бюллетень Ленингр. обкома ВКП(б), 1931, № 4, с. 11.
16 Профсоюзы СССР, т. II, с. 625—626.

ству» — служила и проведенная в 1931 г. кампания разукрупнения профсоюзов. V пленум ВЦСПС, состоявшийся в январе 1931 г., отмечал, что существующая структура союзов, объединяющая огромные массы рабочих разнообразных отраслей промышленности и народного хозяйства, затрудняет конкретное участие профсоюзов в руководстве социалистической промышленностью. Пленум принял решение об образовании 44 профсоюзов вместо существовавших 23.[17] В Ленинграде и области в результате разукрупнения из 22 профсоюзов было создано 43.[18] Разукрупнение должно было уменьшить количество средних звеньев и тем самым приблизить областные комитеты профсоюзов к низовым организациям. С другой стороны, разукрупнение поставило еще с большей остротой проблему руководящих профсоюзных кадров. Не случайно, составы оргбюро вновь создаваемых союзов были вынесены на утверждение Ленинградского областного комитета ВКП(б),[19] а объединенный пленум областкома и контрольной комиссии ВКП(б), проходивший 15—16 февраля 1931 г., утвердил сеть разукрупненных союзов. В резолюции пленума партийным организациям предлагалось осуществлять твердое руководство и помощь профсоюзам в проведении этой работы.[20]

Перестройке подвергались все области профсоюзной работы. Однако особенно большое значение она имела для культурной работы профсоюзов. При перестройке предполагалось усиление политической и воспитательной деятельности их, так как именно «культурно-политическая работа профсоюзов,— отмечалось в отчетном докладе ВЦСПС XVI съезду ВКП(б),— больше, чем какая бы то ни было другая область работы, была пропитана духом аполитичности, узкой цеховщины и узкого культурничества, а эта работа должна служить целям классового воспитания широких масс в коммунистическом духе».[21]

Важно подчеркнуть при этом, что еще до начала реорганизации местные парторганизации уже поняли необходимость изменения существующей структуры культработы. «Профорганизациям необходимо принять меры к решительному улучшению содержания и качества культработы, подчас отстающей от жизни и не соответствующей растущим культурным запросам рабочих масс».[22] Был взят курс на создание при предприятиях культур-

---

17 Там же, с. 650—651.

18 Бибиков Ю. К., Москалев С. Н. Профсоюзы Ленинграда в годы Советской власти (1917—1959 гг.). М., 1960, с. 180.— Правда, существует и другая цифра — 45 («Ленинградская правда», 1931, 18 февр.).

19 ЛПА, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 317, л. 98.

20 Между двумя съездами. Ленинградская партийная организация в решениях конференций и пленумов областкома и ЛК ВКП(б) между XVI и XVII съездами. Л., 1934, с. 32.

21 Стенограф. отчет XVI съезда ВКП(б). М.— Л., 1930, с. 662.

22 Резолюции X районной конференции ВКП(б) Володарского района 1—4 февр. 1929 года. Л., 1929, с. 49.

но-политических советов, единых планов культработы предприятий, исключающих дублирование.

Однако темп перестройки форм массовой культработы на предприятиях был недостаточным. Ассигнования не отвечали поставленным задачам. Поэтому фракции облпрофсовета было рекомендовано провести проверку выполнения профорганизациями решений ЦК ВКП(б) и VIII съезда профсоюзов. Кроме того, предлагалось пересмотреть номенклатуру штатных должностей в клубах, провести значительное сокращение аппарата и шире практиковать работу добровольного актива.[23] Организационная перестройка работы профсоюзов имела некоторые отрицательные последствия. В значительной степени обновленный профсоюзный актив не был еще достаточно опытен, чтобы по-настоящему руководить низовыми организациями. Поэтому сразу после перестройки имело место некоторое непонимание четко разграниченных функций партийных и профсоюзных организаций. Поэтому областной комитет партии обязывал партийные организации решительно бороться с имеющимися фактами подмены, а также со случаями стирания грани между партией и общественными организациями (выборы звенорганов всеми рабочими бригадами, исключение из профсоюза на партийном собрании звена и т. д.).[24] Однако эти «издержки» не могли оказать существенного воздействия на весь положительный ход перестройки профессиональных союзов.

Перестройка привела к организационному и политическому укреплению низового звена и руководящего аппарата профсоюзов, в котором после ее окончания было около 80 процентов рабочих-выдвиженцев.[25] Из общего количества членов ФЗМК к концу 1931 г. члены и кандидаты в члены ВКП(б) составляли 33,9 процента, а среди освобожденных членов ФЗМК — 81,2 процента.[26]

Перестройка профсоюзов улучшила связь партийных и профсоюзных организаций. Кроме того, она способствовала росту профсоюзного членства. В Ленинградской области (город и область) в октябре-ноябре 1931 г. количество членов профсоюзов увеличилось более чем на 175 тыс. человек,[27] а общее число членов профсоюзов к началу 1932 г. составило более 1,5 млн. человек.[28]

---

[23] Бюллетень Ленингр. обкома ВКП(б), 1930, № 2, с. 5—6.

[24] ЛПА, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 321, л. 31.

[25] «Ленинградская правда», 1931, 12 июля.

[26] Труд и профдвижение в Ленинградской области. Стат. справочник. Л., 1932, с. 124.

[27] Отчет Ленинградского городского и областного комитета ВКП(б) к 4 областной и городской конференции. Л., 1932, с. 30.

[28] Труд и профдвижение в Ленинградской области, с. 111.

Р. Я. ХАБИБУЛИНА

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА КПСС

(на материалах Ленинградской партийной организации)

XX съезд КПСС поставил задачу неустанного улучшения и совершенствования организаторской работы в области хозяйственного строительства. «Партийные организации должны,— говорится в резолюции съезда по отчету ЦК,— совершить крутой поворот к вопросам конкретного руководства хозяйственным строительством, усилить изучение техники и экономики промышленных предприятий, колхозов, МТС и совхозов, чтобы руководить их работой с глубоким знанием дела».[1]

После XX съезда партии Ленинградские областной и городской комитеты партии, осуществляя руководство районными и первичными организациями, направляли их на решение наиболее важных вопросов развития промышленного производства. Повышение уровня руководства промышленностью проявлялось в большем внимании партийных организаций к вопросам производственным, в конкретном и пристальном их изучении, в привлечении к решению задач технического прогресса все более широкого круга сведущих людей — коммунистов и беспартийных. Вся организационно-партийная работа по руководству промышленностью была подчинена решению конкретных хозяйственных задач, обеспечению ускорения темпов создания материально-технической базы коммунизма.

В течение 1957 г. на заседании бюро ОК и ГК КПСС обсуждались вопросы партийного руководства профсоюзными организациями на заводе «Большевик» и Волховском алюминиевом им. С. М. Кирова (22 января); состояние изучения руководящими кадрами Невского района экономической теории и конкретной экономики производства (26 февраля); работа чулочно-трикотажной фабрики «Красное знамя» (5 марта); опыт внедрения новой техники и прогрессивной технологии на заводе «Светлана» (6 марта); отчет парткома завода им. К. Маркса (27 марта); вопрос об организации управления промышленностью и строительством Ленинградского экономического района (2 апреля); работа парткома Металлического завода (27 апреля); деятельность кожевенных заводов по улучшению качества кожевенных товаров (7 мая); завода «Русский дизель» по снижению трудовых и материальных затрат в производстве серийной продукции (25 июня); работа Ижорского завода (30 июля); парткома Балтийского завода (20 августа); работа парткома Кондитерской фабрики им. Микояна (4 сентября);

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 8-е, ч. 7. М., 1971, с. 112.

партийных организаций завода им. Свердлова и «Ленстанколит» по пропаганде и внедрению в производство передового опыта (25 декабря).[2] Городской комитет провел 5 совещаний актива или руководителей промышленности, строек и транспорта для решения актуальных вопросов развития общественного производства.[3]

В 1958 г. вопросы партийного руководства промышленностью в той или иной связи ставятся на заседаниях бюро областного и городского комитетов около 20 раз. Особое при этом внимание уделяется ускорению технического прогресса и распространению передового производственного опыта. Так, 17 сентября на заседании бюро горкома рассматривается вопрос о распространении передового опыта новаторов производства на предприятиях Выборгского района и о передовом опыте обмотчицы завода «Севкабель» т. Грицкевич А. А. по экономии металла и вспомогательного материала.[4]

Изучение и обобщение опыта ряда районных и первичных партийных организаций дало возможность выяснить достижения и недостатки партийного руководства промышленностью. Коммунисты Ленинграда значительно повысили активность в деле внедрения новой техники, прогрессивной технологии, добивались организационного и технологического совершенствования производства, развития технического творчества рабочих. Однако уровень партийного руководства промышленностью отставал от требований времени. Городской комитет КПСС определил, что наиболее серьезными являются следующие недостатки: примиренческое отношение партийных организаций ряда предприятий к технической отсталости; слабое руководство техническим творчеством рабочих, содружеством работников науки и производства.

Серьезные недостатки в партийном руководстве хозяйственной деятельностью, в проведении технической политики были обнаружены на Ленинградском мясокомбинате. Факты свидетельствовали о слабой работе партийной организации по мобилизации масс на повышение производительности труда; партком слабо направлял усилия коллектива на повышение технического уровня предприятия; медленно решались вопросы комплексной механизации и автоматизации производственных процессов; на комбинате не было заметного увеличения количества рационализаторов и изобретателей.[5]

В ходе весьма серьезного квалифицированного обсуждения вопроса о ходе выполнения социалистических обязательств, при-

---

[2] ЛПА, ф. 24, оп. 102, ед. хр. 36, 54, 57, 72, 84, 90, 111, 136, 148, 220; ф. 25, оп. 76, ед. хр. 46, 51, 104, 127.

[3] Там же, ф. 25, оп. 76, ед. хр. 144, 152, 157, 165, 173.

[4] Там же, ф. 24, оп. 102, ед. хр. 513, л. 10—11; ед. хр. 557, л. 4, 6; ед. хр. 334, л. 9—10; ф. 25, оп. 76, ед. хр. 307, л. 4—7; ед. хр. 313, л. 5—6.

[5] Там же, ф. 25, оп. 76, ед. хр. 303, л. 3—4.

нятых предприятиями Свердловского района в честь XXI партийного съезда, выяснилось, что партийные организации района недостаточно вникают в хозяйственную деятельность предприятий, а районный комитет довольствуется общими показателями, не изучает конкретное состояние производства, работу с коллективами, особенно на отстающих предприятиях. Городской комитет партии осудил подобный стиль руководства — поверхностный, неконкретный, «руководства вообще».[6]

Существенную помощь первичным организациям оказали обобщение (на заседании бюро ГК 24 декабря 1958 г.) и распространение городским комитетом опыта завода «Красная заря» по разработке и внедрению новой техники и технологии, по развитию технического творчества рабочих.[7]

Перед партийными организациями, коллективами ленинградских предприятий были поставлены конкретные задачи: повысить активность всех работников в борьбе за освоение новых изделий, за модернизацию производства и улучшение качества и надежности продукции, постоянно заботиться о росте их квалификационного и культурного уровня; энергично и организованно пропагандировать передовой опыт лучших трудовых коллективов; настойчиво развивать движение рационализаторов и изобретателей, укреплять союз труда и науки.

Серьезное внимание Ленинградская партийная организация уделяла вопросам управления многоотраслевой промышленностью города Советом народного хозяйства.

Советы народного хозяйства были созданы по решению февральского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. Переход от отраслевого к территориальному принципу управления промышленностью был мероприятием новым, не испытанным. Тем более важны были со стороны партийной организации пристальный взгляд, глубокий анализ, постоянный контроль и конкретные обоснованные выводы.

В течение всего следующего года вопросы деятельности Совнархоза и его отдельных управлений по осуществлению программы механизации и автоматизации производства ставились на бюро областного и городского комитетов партии неоднократно: в мае — об усвоении новой техники и прогрессивной технологии на заводах Управления электротехнической промышленности; в сентябре — о работе Управления приборостроительной промышленности по повышению уровня техники и организации производства на предприятиях приборостроения; в октябре — о работе предприятий Управления тяжелого машиностроения по распространению и внедрению передовых методов труда; в декабре — о распространении передового опыта на

---

[6] Там же, ед. хр. 321, л. 6, 7.
[7] Там же, ед. хр. 334, л. 9, 10.

предприятиях Управления кожевенно-обувной и меховой промышленности ЛСНХ.[8]

Работа аппарата Совета народного хозяйства Ленинградского экономического района подвергалась всестороннему анализу: выявлялись недоработки, определялись ведущие линии развития.

Основное внимание при этих обсуждениях уделялось партийному руководству. Были определены главные направления деятельности районных и партийных комитетов, бюро, всех коммунистов: осуществление контроля над сроками и качеством исполнения новых машин и аппаратов, над планом освоения новой техники и технологии; усиление связей фабрично-заводских коллективов с научными учреждениями; улучшение информации о передовых достижениях зарубежной науки и техники. «Обязать РК КПСС, парткомы и партбюро заводов повысить требовательность к руководителям заводов за безусловное выполнение всех мероприятий по внедрению новой техники и прогрессивной технологии. Глубоко анализировать экономические показатели работы заводов» — так определены задачи партийных организаций при обсуждении вопроса об освоении новой техники и прогрессивной технологии на заводах Управления электротехнической промышленности ЛСНХ.[9]

Более полная картина успехов и недостатков в партийном руководстве хозяйственной деятельностью, в мобилизации масс на борьбу за ускорение темпов автоматизации и механизации производственных процессов, за непрерывный технический прогресс представилась при обобщении почти полуторагодового опыта деятельности партийного комитета Ленинградского совнархоза.

Вопрос этот рассматривался на заседании бюро Областного комитета партии 18 августа 1958 г. Областной комитет обратил внимание коммунистов и всех работников совнархоза на наиболее важные, еще нерешенные задачи: улучшение работы по обобщению и распространению передового опыта, внедрению новой техники и технологии; совершенствование методов руководства промышленностью и строительством. Главным фактором для решения этих задач являлись сами люди, кадры. Поэтому значительное место в резолюции бюро областного комитета «О работе парткома СНХ Ленинградского экономического района» уделяется кадрам. Партийному комитету было рекомендовано улучшить подбор и расстановку кадров в аппарате СНХ, повысить роль коммунистов в руководстве отделами и управлениями, улучшить организацию технической учебы работников совнархоза. Жизнь показала, что хотя реорганизация управления промышленностью имела некоторые положительные

[8] Там же, ед. хр. 267, л. 5—7; ф. 24, оп. 102, ед. хр. 513, л. 5—7; ф. 25, оп. 76, ед. хр. 313, л. 4—6; ф. 24, оп. 102, ед. хр. 557, л. 4—6.

[9] Там же, ф. 25, оп. 76, ед. хр. 267, л. 7.

стороны, но очень скоро стали сказываться и отрицательные результаты нарушений сложившихся связей единого социалистического хозяйства.

Результатом умелого оперативного руководства партийной организации, включающего постоянный контроль, помощь в хозяйственной деятельности, периодический критический анализ и деловое обсуждение итогов этого анализа явились серьезные успехи промышленности Ленинграда в выпуске новых машин, агрегатов, приборов, материалов. Партийные организации становились более опытными, совершенствовали стиль руководства хозяйством, направляли творческую активность трудящихся на развитие техники, применение современной технологии, добивались широкого внедрения в производство достижений современной науки.

Партийность в руководстве хозяйством определяется, в конечном счете, работой с массами, уменьем, как учил В. И. Ленин, слиться (именно в ленинском смысле) с массами. В. И. Ленин одним из главных врагов коммуниста-руководителя считал коммунистическое чванство — стремление решать все задачи коммунистическим декретированием.[10]

Руководящие партийные органы глубже вникали в работу первичных партийных организаций, чаще обсуждали деятельность отдельных партийных комитетов, партийных бюро и даже партийных групп. В этих случаях узловыми были также сюжеты хозяйственные, но поставленные сугубо партийно, с пониманием того, что залог успеха в хозяйственных делах — работа с людьми, правильно понятая и активно осуществляемая авангардная роль коммунистов. Самыми животрепещущими являлись вопросы развития технического творчества трудящихся, их активности и инициативности в социалистическом соревновании, вопросы освоения и внедрения новой техники и технологии, пропаганды передового производственного опыта.

Анализ документов партийных органов (протоколов заседаний бюро областного, городского, районных комитетов и ряда парткомов, стенограмм партийных конференций, пленумов обкома и горкома КПСС), хранящихся в ЛПА, убеждает, что обсуждения носят деловой характер, проводятся после тщательной подготовки, после внимательного изучения. Рекомендации предлагаются конкретные, целеустремленные. Так, 10 июля 1958 г. на заседании бюро ОК КПСС анализировался опыт партийного бюро ткацко-красильной фабрики им. Желябова, одной из крупнейших фабрик в стране по выработке пестротканных тканей. С отчетом выступил секретарь партийного бюро, что само по себе уже примечательно и является свидетельством повышения роли, значимости первичной партийной организации. Внимание было сосредоточено на насущных вопросах: культура

---

[10] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 173—174.

производства, производительность оборудования, себестоимость продукции (в 1957 г. она была выше плановой), обучение рабочих передовым методам труда (многие рабочие не выполняли нормы выработки), качество продукции и создание новых видов тканей. Основой решения этих нелегких задач было совершенствование партийно-организаторской работы, усиление партийного контроля за хозяйственной деятельностью администрации, активизация профсоюзной и комсомольской организаций.[11]

Таков в основном общий стиль обсуждения подобных вопросов. Партийные органы обобщали конкретный опыт районных и первичных организаций, обращая внимание как на новые удачные формы работы, так и на просчеты в их деятельности.

Характерной для партийной работы этого периода является деловитость обсуждения и конкретность постановки вопросов. Например, 12 февраля 1958 г. членам бюро горкома пришлось заняться важными в условиях любого производства вопросами нормирования в связи с ошибками, допущенными при внедрении пересмотренных норм выработки. В цехе № 8 фабрики «Пролетарская победа» при переходе на новые нормы выработки были допущены серьезные ошибки: обсуждение их на сменных рабочих собраниях проведено формально, нормы не доведены до каждого рабочего, не приняты меры по устранению текущих неполадок в цехе, среди рабочих не проведена разъяснительная работа. Об ослаблении партийного руководства в коллективе цеха свидетельствовал и тот факт, что в одной из смен из 17 членов цеховой партийной организации работал лишь один коммунист.[12]

Московский РК и Ленинградский ГК внимательно изучили обстановку в цехе № 8, тщательно обсудили ее и сделали ряд конкретных выводов, дали ряд полезных (не только для коммунистов данного предприятия) советов. Городской комитет КПСС осудил формальное отношение к проведению пересмотра норм и потребовал от всех РК усиления внимания к вопросам производительности труда, пересмотра норм выработки, а от руководства СНХ — постоянной помощи предпрятиям в этой работе.[13]

О конкретности руководства, преодолении поверхностности свидетельствует и другой пример — обсуждение на бюро ГК 3 сентября 1958 г. вопроса о мерах по обеспечению достройки и подготовки к испытаниям атомного ледокола «Ленин» на Адмиралтейском заводе. На заседании бюро было заслушано сообщение директора. В резолюции по обсуждаемому вопросу говорилось о необходимости значительного усиления внимания к социалистическому соревнованию между участками и бригадами на строительстве ледокола; массово-политической работе среди рабочих, занятых на этом крупном и важном объекте.

---

[11] ЛПА, ф. 24, оп. 102, ед. хр. 454, л. 10—12.
[12] Там же, ф. 25, оп. 76, ед. хр. 239, л. 10.
[13] Там же, л. 11.

Серьезному анализу подверглась работа цеховых партийных организаций, которые недостаточно использовали право контроля за хозяйственной деятельностью, слабо руководили партийными группами.[14]

Примечательна сама постановка этих совершенно конкретных вопросов, не говоря уже о деловом характере обсуждения и принятых решений. Тут нет мелочной опеки над предприятиями; рекомендации носят принципиальный характер, нет подмены хозяйственных органов, ибо речь идет о партийной работе, о партийном руководстве, о повышении ответственности партийной организации, коммунистов.

Действенной формой, способствующей усилению влияния районных комитетов партии на решение вопросов технического прогресса, явился технический совет. Благодаря техническому кабинету и созданному при кабинете техническому совету районные комитеты получали реальную возможность привлекать и направлять все технические силы в районе на решение текущих и перспективных производственных задач.

Возникли они в Калининском районе Ленинграда вскоре после XX съезда. О создании и начальном опыте их деятельности рассказал секретарь Калининского РК КПСС В. Н. Бабкин участникам XIII городской конференции коммунистов Ленинграда (январь 1958 г.), а несколько позднее, в 1960 г., в брошюре «У нас на Выборгской. (Из опыта работы партийных организаций с новаторами производства)», выпущенной издательством «Советская Россия».

29 апреля 1958 г. опыт первого в городе совета при техническом кабинете Калининского района обсуждался на заседании бюро Ленинградского обкома партии. Было решено одобрить этот опыт и рекомендовать его распространить во всех районах города. Городскому Дому научно-технической пропаганды было поручено методические материалы и накопленный в Калининском районе опыт организации технической пропаганды издавать в виде брошюр.[15] Вскоре такие советы появились и в других районах. Технические советы стали создаваться и на предприятиях.

После июньского (1959 г.) Пленума, посвященного изучению хода выполнения решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве, технические советы были реорганизованы в советы содействия пропаганде и внедрению в производство достижений науки и техники.[16] Опыт ленинградских коммунистов по руководству промышленностью, по привлечению широкой общественности к решению узловых вопросов ее развития получил широкое распространение в стране.

---

[14] Там же, ед. хр. 298, л. 11.

[15] Там же, ф. 24, оп. 102, ед. хр. 427, л. 20.

[16] На общественных началах (ленинградцы в борьбе за технический прогресс). Сб. 1. Лениздат, 1963, с. 8—19; Сб. 2. Лениздат, 1965, с. 163—164.

А. Н. НЕМИЛОВ

ИЗУЧЕНИЕ НЕМЕЦКОГО ГУМАНИЗМА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В те годы, когда в Германии делались лишь первые шаги в научной разработке истории эпохи Возрождения, вскоре после выхода в свет почти одновременно двух основополагающих трудов «Возвращение к жизни классической древности» Георга Фойгта (1859) и «Культура Италии в эпоху Возрождения» Якоба Буркхардта (1860)[1] в России в 1872 г. появилась статья П. А. Висковатова «Эпоха гуманизма в Германии».[2] В примечании к ней указывалось, что статья служит «как бы введением к обширному труду, задуманному автором». К сожалению, труд этот так и не был завершен. Но по статье мы можем судить по крайней мере о научной позиции автора в тот же самый год начавшего свою деятельность в качестве приват-доцента Петербургского университета.[3]

Висковатов считал, что и в Германии была своя эпоха Возрождения. Не уточняя хронологические рамки, он стремился прежде всего выяснить особенности и закономерности ее развития. «Итальянские гуманисты чуждались народной жизни и интересов, уходя в древность», — отмечает он; в Германии же «достопамятные деятели одновременно с изучением книг, литературы, принимают живейшее участие в преобразовании об-

[1] Burckhardt J. Die Kultur der Renaissance in Italien. Basel, 1860 (русск. пер., тт. I—II. СПб., 1905/6/); Voigt G. Die Wiederbelegung des klassischen Altertums. Berlin, 1859 (русск. пер. не совсем точен «Возрождение классической древности». М., 1896).

[2] ЖМНП, 1872, т. 161, с. 157—184.

[3] П. А. Висковатов (1842—1905) окончил в 1867 г. Берлинский университет, блестяще защитив диссертацию о немецком гуманисте Якобе Вимпфелинге. Тогда же она была издана. ((Wiskowatow R. Jakob Wimpheling. Berlin, 1867). С 1871 по 1873 гг. и с 1895 г. до своей смерти был приват-доцентом Петербургского университета; известен главным образом как лермонтовед.

щественного строя».[4] Как ощутим в этих словах современник «шестидесятников»!

Во многих утверждениях Висковатова мы ясно чувствуем наивность ранних народнических концепций. Так, общественные интересы немецких гуманистов он объясняет тем, что они были в худшем материальном положении, чем итальянцы, так как в Германии не было таких культурных князей-меценатов, как в Италии. «Они оставались в сфере народа, бедствия и нужды которого становились им все более понятны»,[5] — писал Висковатов. Но для того чтобы правильно оценить значение его статьи, следует вспомнить, что, например, капитальный труд К. Гагена «Литературное и религиозное развитие Германии в эпоху Реформации»[6] имел еще преимущественно эрудитский характер. Научная разработка проблем немецкого Возрождения начинается с изданного лишь в 1882 г. исследования Людвига Гейгера «Ренессанс и гуманизм в Италии и Германии»,[7] причем постановка некоторых проблем в нем вполне сходится с наметками, сделанными в статье Висковатова.

Первый шаг в историю немецкого Возрождения, сделанный русским историком, остался без последствий, в отличие от почти одновременного (1870) триумфального выступления А. Н. Веселовского, положившего начало блестящей плеяде русских исследователей итальянского Ренессанса. Едва ли это обстоятельство можно считать случайным. В годы, когда симпатии к Италии в России развивались под обаянием событий «Рисорджименто» и личности Гарибальди, создание новой прусской империи в Германии, ее роль по отношению к политическим событиям во Франции отрицательно воспринималась передовой русской интеллигенцией. Симптоматично появление в 1885 г. статьи одного из крупнейших русских исследователей итальянского Возрождения М. С. Корелина «Эпоха Возрождения и германофилы».[8] В ней критикуется взгляд Г. Кёртинга на истоки литературы Ренессанса. Корелин едко высмеивает «национальное самообольщение германофильства», «народничество» и «преданность католицизму» немецкого исследователя, идеализировавшего средневековое общество и католическую культуру.

В 1914 г. в статье «Ренессанс и реформация»[9] А. Г. Вульфиус противопоставил точке зрения Пауля Вернле и Эрнста

---

[4] ЖМНП, 1872, т. 161, с. 158.

[5] Там же, с. 159.

[6] Hagen K. Deutschlands litterarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter. Erlangen, 1841—44 (3 Bd.).

[7] Geiger L. Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland. Berlin, 1882 /русск. пер. (только 2-я часть)/: Гейгер Л. История немецкого гуманизма. СПб., 1899.

[8] «Вестник Европы», 1885, т. XII, с. 698.

[9] «Научный исторический журнал», 1914, т. I, вып. 3, с. 1—18.

Трельча свои соображения по вопросу соотношения гуманизма и реформации. Отмечая исключительно столкновение идей и противоположность этих двух явлений, оба немецких историка в Реформации видели только учения Лютера и Кальвина. Вульфиус обращает внимание на то, что радикальные деятели Реформации (он называл Г. Денка и С. Франка) стояли гораздо ближе к гуманистам, чем Лютер и Кальвин. Вульфиус очень трезво намечает задачу исследования «внутренних противоречий исторического процесса» и установления особенностей эпохи Возрождения в Германии.

После Октябрьской революции наступил новый этап в изучении проблематики Возрождения. В развивающейся марксистской историографии твердо заняло свое место введенное Ф. Энгельсом понимание эпохи Возрождения как величайшего прогрессивного переворота, хронологически относимого ко второй половине XV—началу XVI в.[10] Большое значение в разработке марксистской методологии имела опубликованная в 1934 г. статья М. А. Гуковского «К вопросу о сущности так называемого итальянского Возрождения»,[11] но в ней вопрос о специфике развития гуманистической культуры Ренессанса в других странах не ставился. В 1941 г. М. М. Смирин опубликовал небольшую, но весьма содержательную статью «Немецкий гуманизм»,[12] посвященную вопросу о соотношении гуманизма и Реформации. Полемизируя с буржуазными историками, М. М. Смирин подчеркивает значение гуманистического движения в подготовке радикальных идей реформации. Некоторые тезисы этой статьи вызывают сомнение своей категоричностью, например, что «буржуазная струя в немецком гуманизме... выражена была слабее всего» и что «в разработке идей гуманизма в наибольшей степени отразилось влияние других классов: с одной стороны, оппозиционного рыцарства, с другой — народных низов».[13] Интересна мысль о связи гуманистического движения с радикальной реформацией. В дальнейшем эта мысль получила развитие в монографии М. М. Смирина «Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война».[14]

В послевоенные годы в советской науке вырос интерес к вопросам истории культуры и идеологической борьбы, все острее ощущалась необходимость критического пересмотра буржуаз-

---

[10] См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 20, с. 345—346.

[11] Гуковский М. А. К вопросу о сущности так называемого итальянского Возрождения. Сб. Памяти К. Маркса, 1883—1933. Л., 1933, с. 738—756.

[12] «Историк-марксист», 1941, № 3, с. 94—105.

[13] Там же, с. 105.

[14] Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. 1-е изд. М.— Л., 1947, изд. 2-е. М., 1955 (исправленное и дополненное).— Основные взгляды автора в систематическом изложении см. также: Смирин М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. (Пособие для учителей). М., 1962.

ных теорий в этой области. Для советской медиевистики в целом большое значение имел выход в свет капитального труда О. Л. Вайнштейна о западно-европейской историографии,[15] в котором немало внимания уделено и специфике немецкого гуманизма. Автор исходит из мысли о том, что «гуманизм вырос в Германии под сильным итальянским влиянием; однако он не был каким-то чужеродным растением, искусственно пересаженным на немецкую почву, а естественным продуктом процессов социально-экономического развития, аналогичным итальянским».[16] Именно твердое представление о закономерности эпохи Возрождения в Германии отличает концепцию советского исследователя от взглядов П. Иоахимсена, расценивавшего немецкий гуманизм лишь как подражание итальянскому.[17]

Проблеме специфики немецкого Возрождения посвящены некоторые работы в области истории искусства и литературы, а также исследования отдельных вопросов теории философии.[18] Особый интерес представляет статья Б. И. Пуришева «Своеобразие немецкого Возрождения».[19] Автор делает впервые попытку анализа этой проблемы с марксистских методологических позиций, привлекая материал экономической, социальной и политической истории, изобразительного искусства, литературы и естественных наук. Выводы Б. И. Пуришева представляются, впрочем, скорее парадоксальными, чем мотивированными: так, в частности, вывод о «пристрастии к старомодным формам в литературе» справедлив лишь по отношению к части бюргерской литературы. Очевидно преувеличена и специфичность «склонности к сатире», свойственной критическому направлению искусства и литературы также и во Франции (Раблэ, Палисси).

---

[15] Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.— Л., 1964, с. 316—358.

[16] Там же, с. 316.

[17] Joachimsen P. Geschichtsauffassung und Geschichtsschreibung in Deutschland unter dem Einffuss des Humanismus. T. 1. Leipzig — Berlin, 1910.

[18] Нессельштраус Ц. Альбрехт Дюрер. Л.— М., 1961; Либман М. Искусство Германии XV и XVI веков. М., 1964; Гершензон-Чегодаева Н. М. Возрождение в немецком искусстве.— В кн.: Проблема стилей в западноевропейском искусстве. Ренессанс, барокко, классицизм. М., 1966, с. 85—110; Пинский Л. Реализм эпохи Возрождения. М., 1961, Пуришев Б. Очерки немецкой литературы XV—XVII вв. М., 1955; Каган Ю. М. 1. Конрад Цельтис — немецкий поэт-гуманист.— Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, т. XXI, 1958; 2. Генрих Бебель — немецкий гуманист начала XVI в.— «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 2; Тажуризина З. А. Учение Николая Кузанского о бытии и познании. Автореф канд. дисс. М., 1966; Соколов В. В. и Тажуризина З. А. Николай Кузанский (к 500-летию со дня смерти).— «Вопросы философии», 1964, № 10.

[19] Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. Сб. М., 1967, с. 212—244.

Специфика немецкого Возрождения полнее выявлена в диссертации Ю. М. Каган о творчестве К. Цельтиса и Г. Бебеля.[20] Автор отмечает обращение к античной теме (но не образу); повышенный интерес к истории Германии; публицистичность в борьбе гуманистов со схоластикой; острота критики католической церкви; склонность к теоретическим отвлеченностям.

Среди исторических работ о немецких гуманистах, вышедших из печати в послевоенный период, большинство посвящено конкретному изучению творчества, социально-политических взглядов и религиозно-философских идей отдельных деятелей или групп. Нет ни одного исследования по гуманистическому движению в целом или хотя бы по одному из его этапов (их очень мало и в мировой историографии). Попыток разрешить общие проблемы в связи с творчеством того или иного гуманиста, как это делает историк из ГДР Г. Энтнер в работе о С. Карохе,[21] у нас пока еще не делалось.

Это в полной мере относится к моим статьям о нюрнбергском круге гуманистов в XV в. и о В. Пиркгеймере,[22] к исследованиям В. М. Володарского об Ульрихе фон Гуттене,[23] как и к работам В. Г. Левена о Себастьяне Франке и Теофрасте Парацельсе.[24] Кое-что для понимания специфики немецкого Возрождения дает труд В. В. Первухина об Иоганне Эберлине,[25] хотя автор ограничивается анализом общественных взглядов своего героя. Потребность обобщения накопленного советскими и зарубежными историками материала становится сейчас все более ощутимой, тем более что недостаток марксистских работ на эту тему нередко вызывает отраженное воздействие на научно-популярную и учебную литературу устаревших и откровенно буржуазных концепций.

---

[20] Каган Ю. М. Из истории немецкого гуманизма начала XVI в. (автореф. канд. дис.). М., 1962.

[21] Entner H. Frühhumanismus und Schultradition im Leben und Werk des Wanderpoeten S. Karoch von Lichtenberg. Berlin, 1968.

[22] Немилов А. Н. 1. Первые гуманистические кружки в Нюрнберге и их роль в развитии раннего немецкого гуманизма. Уч. зап. ЛГУ, № 251, сер. истории, вып. 28, 1958; 2. Развитие гуманистической культуры в Нюрнберге (XV — начало XVI вв.). Автореф. канд. дис., Л., 1959; 3. Виллибальд Пиркгеймер и его место среди немецких гуманистов начала XVI в. В кн.: Средние века, вып. 28. М., 1965, с. 140—157.

[23] Володарский В. М. 1. Гуманистические воззрения У. фон Гуттена.— В кн.: Средние века, вып. 24. М., 1963; 2. Социально-политические взгляды У. фон Гуттена.— В кн.: Средние века, вып. 26. М., 1964.

[24] Левен В. Г. 1) К оценке народных восстаний в трактатах С. Франка.— Учен. зап. Рязанск. ГПИ, т. 16, 1957; 2) Философские воззрения С. Франка.— «Вопросы философии», 1958, № 10; 3) Общественно-политическая мысль Германии в XVI в. (Теофраст Парацельс).— Учен. зап. Рязанск. ГПИ, т. 29, 1961.

[25] Первухин В. В. Реформационный проект Иоганна Эберлина из Гюнцбурга.— В кн.: Средние века, вып. 28. М., 1965.

В. В. СЕРГЕЕВ

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ США

Вступление США в империалистическую войну 1914—1918 гг. было во многом обусловлено характером и особенностями англо-американских отношений. Быстрое развитие финансовых и торговых связей, общая заинтересованность правящих кругов Англии и США в поражении кайзеровской Германии стимулировали сближение обоих государств. Вместе с тем между ними существовали острейшие противоречия, вызванные, в частности, стремлением США подорвать британскую гегемонию на морях. Программа большого военно-морского строительства, принятая в Америке в 1916 г., была обращена своим острием против Англии и ее союзника Японии. Англо-американские отношения 1914—1918 гг. породили множество исторических исследований в США. Классифицировать эту литературу, охарактеризовать ее главные направления — таковы задачи, которые ставит перед собой автор настоящей статьи.

После первой мировой войны господствующие позиции в объяснении причин участия в ней США занимала «официальная» историческая школа. Представители этого направления всячески оправдывали внешнеполитический курс президента Вильсона, стремились отвлечь внимание общественности от тех фракций буржуазии, которые несли ответственность за вовлечение страны в войну и нажились на ней. Они доказывали, что Америка вступила в войну на стороне Антанты не столько из-за политических или экономических факторов, сколько по «сентиментальным» причинам. Народ Соединенных Штатов был, как они утверждали, «устрашен подводной войной».[1] Видные приверженцы этой концепции Ч. Сеймур и Х. Ноттер в своих работах развивали мысль, что английская блокада в отличие от подводной войны не угрожала жизням американцев. «Различие между жизнью и правами собственности, — писал Х. Ноттер,— обусловливало политику Вильсона в отношении к обеим коалициям с самого начала войны».[2] Ч. Сеймур, в свою очередь, заявлял, что, несмотря на личные симпатии к союзникам, американские руководители на практике стремились к действительному нейтралитету. Он приводил многочисленные факты серьезных расхождений между США и Великобрита-

---

[1] Seymour Ch. American diplomacy during the world war. Baltimore, 1934, c. 24.

[2] Notter H. The origins of the foreign policy of Woodrow Wilson. Baltimore, 1937, c. 645.

нией по вопросу о блокаде. И вместе с тем автор говорил о стремлении американских лидеров достичь компромисса с Англией. В чем же причина такого, на первый взгляд, нелогичного курса? В подводной войне. Именно в ней Ч. Сеймур видел причину того, что «Вильсон отвечал на действия союзников протестами, а на действия Германии — угрозами».[3]

Публиковавшиеся отчеты Сенатской комиссии Дж. Ная вынуждали представителей официальной историографии пойти на признание известной заинтересованности финансовых и промышленных кругов США в победе Антанты. Однако они продолжали отрицать решающую роль этих кругов в деле вовлечения американского народа в войну. «Что касается влияния проанглийских или финансовых „интересов", если таковые и существовали, то они не коснулись Вильсона, а лишь Вильсон решал вопросы мира и войны», — писал Ч. Сеймур.[4] Таким образом, официальная историография интерпретировала внешнюю политику США с апологетических и идеалистических позиций и естественно не смогла вскрыть истинную подоплеку англо-американских отношений. Бросавшаяся в глаза несостоятельность доводов официальной школы способствовала распространению критических настроений, зародившихся в общественных кругах США еще во время работы Парижской мирной конференции.

Выразителем критических тенденций в исторической литературе выступили так называемые ревизионисты. Они строили свои концепции основываясь на соображениях тех членов конгресса, которые выступали против резолюции о войне, предложенной Вильсоном 2 апреля 1917 г.[5] Профессор С. Адлер видел наиболее вероятную причину волны ревизионизма в «беспрецедентной доступности информации».[6] Серьезный исследователь не может удовлетвориться подобным объяснением. Питательной почвой ревизионистских взглядов было глубокое недовольство различных слоев американского общества. От Вильсона отвернулись и многие представители имущего класса, разочарованные тем, что он «не смог повести Америку в „обетованную землю" мирового лидерства».[7] Более того, победа социалистической революции в России разорвала фронт империализма и своим влиянием на народные массы представляла угрозу самим основам капиталистической системы. Устранение Германии расчистило почву для обострения англо-американ-

---

[3] Seymour Ch. Указ. соч., с. 17—18.

[4] Там же, с. 209.

[5] Congressional Record. 65 Congress, 1-st session, vol. 55. Washington, 1917, с. 213—234.

[6] Adler S. The War-guilt question and American disillusionment, 1918—1928.— J. Mod. Hist. March 1951, с. 27.

[7] Klingberg F. The historical alternation of moods in American foreign policy.— «World Politics», 1952, January, с. 248.

ского морского соперничества, что возбуждало сомнение в целесообразности недавнего союза с коварным Альбионом.

Начало критическому пересмотру основных проблем американского нейтралитета положили сочинения Дж. К. Тернера, Ф. Босмена, Г. Бэрнса. Прежде всего они пытались убедить читателей, что английская блокада наносила больший ущерб американскому нейтралитету, нежели подводная война Германии. Еще задолго до появления документальных свидетельств они писали о заинтересованности деловых кругов США в выступлении на стороне Антанты. «Действительный враг Америки, — писал Дж. К. Тернер, — наш богатый соотечественник, который жаждал вовлечь нашу страну в войну во имя своих эгоистических целей».[8] Радикализм не мешал первым историкам-ревизионистам придавать значительное, зачастую решающее значение субъективному фактору. Бэрнс, например, писал, что, если бы в Лондоне был другой посол, а не Пэйдж, то вся история американской внешней политики пошла бы по-другому. В итоге решение конгресса о вступлении в мировой конфликт расценивалось как «ужасная ошибка», которая явилась результатом отхода руководителей Белого дома от принципов нейтралитета в пользу Великобритании.[9]

Дальнейшее распространение ревизионизма объясняется обострившимися спорами с бывшими союзниками о выплате долгов. В 30-е годы ревизионистское направление в значительной степени смыкается с политическим изоляционизмом и достигает своего наибольшего размаха. Под нажимом изоляционистских групп правительство было вынуждено разрешить деятельность комиссии Дж. Ная, беспрецедентной в истории США. Выводы комиссии, вскрывшей, хотя и не в полной мере, связи американского капитала с английским, совпали с тяжелой экономической депрессией 30-х годов и послужили дополнительным стимулом для активизации историков-ревизионистов.

В обстановке усиления изоляционистских тенденций в США знамя ревизионизма подхватила большая группа историков, таких, как К. Х. Грэтен, У. Миллис, Ч. Тэнзил и др. Эти авторы в первую очередь отмечали борьбу Вашингтона с вмешательством Великобритании в торговлю нейтральных стран. Ревизионисты усматривали в действиях английского правительства грубое нарушение международного права.[10] Объяснение причин неспособности американского руководства прибегнуть к решительным мерам против Англии они по-прежнему искали в комплексе субъективных факторов. Одни авторы ко-

---

[8] Turner J. K. Shall it be again? N. Y., 1922, c. 105, 386.

[9] Barnes H. Why America entered the war.— In.: Cristian century, vol. XLII, c. 1441—1444.

[10] Grattan C. H. Why we fought? N. Y., 1929, c. 164.

рень зла усматривали в Вильсоне, который, по их мнению, «позволил Англии поставить Германию на грань голодной смерти».[11] Другие обвиняли посла Пэйджа, государственного секретаря Лансинга и полковника Хауза в «раболепии» перед англичанами.[12]

Не избежал идеализации исторических событий и крупнейший, на наш взгляд, историк ревизионистского направления Ч. Тэнзил. Так, он придавал большое значение тому обстоятельству, что «президент Вильсон испытывал своего рода интеллектуальный союз с сэром Эдуардом Греем из-за их общего восхищения сонетами Уильяма Вордсворта».[13] Ч. Тэнзил и близкие к нему авторы утверждали, будто соблюдение нейтралитета оказалось невозможным в силу личных симпатий американских лидеров. У. Миллис даже считал, что «Соединенные Штаты были молчаливыми партнерами Антанты».[14]

Историки обоих главных направлений до 40-х годов не сумели вскрыть важнейших причин поворота США на путь союза с Англией. Споры, которые они вели между собой, способствовали выяснению преимущественно второстепенных вопросов.

Вторая мировая война изменила обстановку в мире. США заняли господствующее положение среди капиталистических государств. Они выступили инициаторами образования НАТО, в которой вторую после себя роль отводили Великобритании. Между США и Англией установилось тесное сотрудничество, базирующееся на принципах «северо-атлантической общности». В этих условиях ревизионистское направление в изучении англо-американских отношений 1914—1918 гг. перестает играть ведущую роль. «Вторая мировая война пролила новый свет на первую мировую войну, — писал Д. Шихен, — она подвергла ревизии самих ревизионистов».[15] Что касается окрепшего официального направления, то оно, как и раньше, объективно служит интересам правящих кругов США.

Многие исторические труды, изданные в США в 50—60-е годы, написаны на высоком профессиональном уровне с использованием широкой документальной базы. В 50-х годах на научном небосклоне появилось имя А. Линка, который становится ведущим биографом В. Вильсона. В 1957 г. вышла его книга «Вильсон-дипломат». Автор попытался в ней определить основные этапы и проблемы англо-американских отношений на

---

[11] Bausman F. Facing Europe. N. Y., 1926, c. 175.

[12] Borchard G. and Lage W. P. Neutrality for the United States. New Haven, 1938, c. 34.

[13] Tansil Ch. America goes to war. Boston, 1938, c. 164.

[14] Millis W. Road to war. America, 1914—1917. London, 1935, c. 89.

[15] Essays in American historiography, ed. by D. Shechan and H. C. Syrett. N. Y., 1960, c. 271.

протяжении первой мировой войны. Главную угрозу англо-американской дружбе, по мнению Линка, представляла объявленная Великобританией блокада Германии. В развернувшейся дипломатической борьбе США отступили, что, в отличие от ревизионистов, Линк одобряет. «Принятие Вильсоном английской системы, — пишет он, — кажется реалистичным и мудрым... потому что результатом разрушения английской блокады было бы уничтожение американской дружбы с двумя великими европейскими демократиями».[16] В ходе империалистической войны происходило постепенное сближение обеих стран, изредка омрачаемое действиями Великобритании по усилению блокады. Однако Линк пытается оправдать Англию, ибо, по его мнению, она делала то, что было «жизненно необходимо».[17] В своих последующих работах А. Линк рассматривает каждый из этапов англо-американских отношений, повторяя в целом уже знакомые нам выводы.[18]

В 1958 г. была опубликована работа Д. М. Смита, избравшего в качестве предмета исследования деятельность государственного секретаря Р. Лансинга. В противовес ревизионистским нападкам на Лансинга автор именно в проанглийском курсе госдепартамента видит заслугу его руководителя. «Америке повезло иметь во главе госдепартамента политика большого калибра, который был способен защищать интересы нации»,[19] — заявляет историк. Сохранение интересов безопасности США Лансинг прежде всего видел в дружбе с Англией. Он опасался, что «разгром союзников оставит Америку лицом к лицу с враждебным миром и вынудит Соединенные Штаты заняться военными приготовлениями, которые в корне изменят традиционный образ американской жизни».[20] В новой книге «Великое отклонение» Д. М. Смит развил аргументы в пользу англо-американского сотрудничества. Он указывал, что американцы «рассматривали Великобританию как оплот между западным полушарием и Европой, уничтожение которого подвергнет Соединенные Штаты большой опасности».[21]

Несколько отличается по своей конструкции от упомянутых выше работ книга Э. Мэя «Мировая война и американская изоляция 1914—1917 г.». В ней Мэй последовательно исследует события английской истории и влияние их на политиче-

---

[16] Link A. S. Wilson the diplomatist. Baltimore, 1957, c. 44.

[17] Там же, с. 64.

[18] Link A. S. 1) Struggle for neutrality, 1914—1915. Princeton, 1960; 2) Wilson: confusions and crisis, 1915—1916. Princeton, 1964; 3) Wilson: campaigne for progressism and peace, 1916—1917. Princeton, 1965.

[19] Smith D. M. Robert Lansing and American neutrality. Berkeley, 1968, c. 171.

[20] Там же, с. 37.

[21] Smith D. M. The great departure. The United States and world war. N. Y., 1965, c. 14.

ский курс США. Тем не менее по своим выводам работа Мэя смыкается с книгами Линка и Смита. Так, он пишет, что английская блокада мало затрагивала экономические интересы США, в то время как подводная война постоянно их нарушала. Это в конечном счете и заставило президента вступить в войну.[22]

В конце 60-х годов интерес к проблемам первой мировой войны не ослабел. В 1968 г. читатели познакомились с книгой Д. Флеминга, в которой автор пытается проследить процесс возникновения мирового конфликта и вступление в него США. Д. Флеминг раскладывает по полочкам аргументы ревизионистов и один за другим отвергает их, подводя читателя к выводу, что не культурная общность с Англией, не тесное экономическое сотрудничество между Англией и США заставили последних вступить в войну, а необходимость защиты национальных интересов, затронутых подводной войной.[23]

Несколько по иному подходит к решению проблемы военный историк Х. Девирд. Основу традиционной англо-американской дружбы он объясняет единством целей, главная из которых состояла в сохранении равновесия сил в Европе. По его мнению, США потому и поддерживали Великобританию в войне, что та боролась за восстановление европейского баланса сил, нарушенного германской империей.[24]

Своеобразный итог изучению политики США в 1914—1918 гг. был подведен в «Исследованиях американской дипломатии», где без особых комментариев представлены концепции ревизионистов и официальных историков.[25]

Таким образом, в послевоенный период в США по интересующему нас кругу проблем было издано несколько серьезных монографий, выполненных с профессиональным мастерством. Деятельность Вильсона и Лансинга, их взгляды на проблемы отношений с Англией выяснены довольно полно. Тем не менее буржуазная историография так и не смогла дать научно обоснованный ответ на вопрос о главных причинах зигзагов внешнеполитического курса США в 1914—1918 гг. Пороки буржуазной методологии, субъективизм и соображения политической конъюнктуры обусловили неспособность, а иногда и нежелание американских историков раскрыть империалистическую сущность противоречий и дипломатической борьбы между США и Англией.

---

[22] May E. R. World war and American isolation. 1914—1917. Cambridge (Mass.), 1956, c. 433.

[23] Fleming D. F. The origins and legacies of world war I. N. Y., 1968, c. 223—227.

[24] Deweerd H. A. President Wilson fights his war. N. Y., 1968, c. 6—8.

[25] Issues in American diplomacy. Vol. II. Ed. by O. Rappaport. N. Y., 1969.

К. Б. ВИНОГРАДОВ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОЛОНИАЛИЗМА

Через несколько лет после окончания второй мировой войны правительство Эттли распорядилось построить в Лондоне огромное здание, предназначенное для министерства колоний. Однако к моменту завершения строительства выяснилось, что это ведомство не нуждается в подобном помещении. Вскоре оно само прекратило существование. Этот пример, вероятно, символизирует тот несомненный факт, что даже многоопытная британская буржуазия не ожидала столь быстрого крушения колониализма и распада подвластной ей империи. Однако в 60-е годы правящие круги Великобритании предприняли ряд экстренных мер для того, чтобы с помощью новых методов сохранить свои позиции в Азии и Африке. Определенную роль в развернутом английской буржуазией контрнаступлении играет и современная неоколониалистическая историография. Подобно тому, как неоколониализм пришел на смену «старому» колониализму в политике и экономике, на наших глазах произошли заметные метаморфозы и в области идеологии. Проблемы отношений с «Востоком» невыгодно толковать теперь в духе Киплинга, Керзона или даже Тойнби с его противопоставлением и конфликтами «высшей» и «низшей» цивилизации. Если продолжать откровенно проповедовать теорию превосходства белой расы и твердить о коренных отличиях народов «сонного Востока», то разве будет это способствовать стремлениям империалистических держав удержать развивающиеся страны в орбите своего влияния? И вот происходит смена вех — призыв ориентироваться на Запад сопровождается рассуждениями о взаимозависимости, «синтезе культур», сближении стран «Атлантического мира» и «Востока».[1]

«Перестройка» в рядах английских специалистов-историков была облегчена тем, что в Великобритании давно существовала тенденция сгладить острые углы, выпятить некие выгоды, которые несла с собой британская оккупация тех или других земель. Еще в период засилья империализма историки-либералы неизменно превозносили «цивилизаторскую миссию» Британии; лицемерные оговорки и нравоучения, как правило, включались в опусы даже тех апологетов Pax Britannica, которые признавали исключительную роль войн и насилия в создании и укреплении империи.

В 20—30-е годы некоторые лейбористские политики и публицисты рекомендовали не только модернизировать курс коло-

---

[1] Ср.: Шабад Б. А. Идеологические основы современного колониализма. М., 1961, с. 28—44.

нализма, но и отказаться от «устарелой» интерпретации заморской политики Великобритании. Свои рецепты предлагали буржуазные ученые из Оксфорда, консервативные политики группы Милнера — Эмери. Все эти авторы сходились в том, что деяния Англии в Азии и Африке следует все же трактовать благожелательно. Главная ее задача всегда состояла и состоит в том, чтобы подготовить зависимые страны к самоуправлению, обогатить их материально и духовно, приобщить к замечательному опыту демократического управления. «Классически» изобразил такой, разумеется, вымышленный ход истории профессор А. Циммерн. Все страны империи он уподобил процессии, двигающейся по шоссе «к самоуправлению». Причем доминионы лишь незначительно опережали остальное шествие...[2]

В 1923 г. Э. Григг (лорд Олтринхэм) назвал Британскую империю подлинным содружеством наций и «величайшим экспериментом в истории».[3] Согласившись с таким определением, А. Циммерн добавлял: британское содружество несовершенно, но это «наилучшая действующая модель политического сотрудничества народов весьма различного происхождения и культуры».[4]

После 1945 г. отдельные буржуазные историки продолжали «по-старинке» прославлять колониализм и подвиги тех, кого когда-то именовали «столпами империи». Характерна, например, весьма живучая тенденция публикации апологетических биографий генералов-завоевателей (Китченер и др.), «проконсулов» (Керзон и др.), колониальных администраторов. Даже в наши дни, когда статуя Гордона низвергнута с пьедестала в Хартуме, все еще можно прочесть, что сей генерал — «гордость Англии», человек «исключительного благородства».[5] Восхваляют также и британских правителей Индии, включая и запятнавших себя многими преступлениями карателей.[6]

Однако большинство английских исследователей, сообразуясь с изменившейся обстановкой и потребностями правящих кругов, придерживаются несколько иной позиции, развивая упомянутую нами версию А. Циммерна—Э. Григга. Немало уже написано ими о том, что страны Востока и страны Запада в прошлом, как и в настоящем, вовсе не стояли на противоположных полюсах. Никогда между ними не было непроходимой пропасти. Совсем еще недавно видные британские историки

---

[2] Zimmern A. The third British empire. Oxford, 1926.

[3] Grigg E. The greatest experiment in history. New Haven, 1924.

[4] India analysed. Vol. I. Ed. by F. Houlstor and B. Bedi. London, 1933, c. 19—20.

[5] Symons J. England's pride. The story of the Gordon relief expedition. London, 1965, c. 236—237.— Сходные оценки можно встретить и в последней работе о Гордоне: Marlow J. Mission to Khartum. Apopheosis of general Gordon. London, 1971.

[6] См., например: Powell-Price J. C. A history of India. London, 1955; Hilton R. The Indian mutiny. London, 1957, и др.

указывали на пагубное влияние некоторых западных идей на «неподготовленных» людей Востока. Ныне и тут преобладает иная трактовка — именно Запад и, в особенности Англия как его форпост, привнесли на Восток свою «буржуазную демократию», показали достойный подражания образец. Сомнительные исторические аналогии, натянутое отождествление революционных преобразований в Европе и Америке XVII—XVIII вв. с освободительным, антиимпериалистическим движением современности — вот обычный прием ряда авторов.

Приходится одновременно идти на определенные «жертвы». Исчезает стремление показать оккупантов этакими «суперменами». Нет, это были скорее заурядные люди... Например, новейшие биографы Милиера готовы развенчать его, поиронизировать над узостью воззрения или тщеславием... Среди пришельцев попадались, к сожалению, и жестокие, высокомерные персоны. По их приказам британские войска расправлялись с «туземцами». Но зачем же преувеличивать значение этих эпизодических «эксцессов»? Таков часто встречающийся ход рассуждений современных английских буржуазных авторов. Исподволь они все-таки хотели бы представить западные державы в роли друзей и покровителей народов Азии и Африки, готовых помочь им поскорее покончить с вековой отсталостью. Реабилитация колониальной экспансии, хотя и в видоизмененных формах, продолжается.

Под углом зрения «подчистки» истории в неоколониалистском стиле написаны многие монографии и коллективные работы последних 12—15 лет. Можно, например, обратить внимание на последние тома «The New Cambridge Modern History». Попытки сгладить контрасты и конфликты Запада и Востока заметны уже в т. XI (1962) и т. XII (1960) этого издания. Недавно XII, заключительный, том был заново переиздан в значительно переработанном виде. Авторы демонстративно отрекаются от былого европоцентризма; отношения порабощенных к началу XX в. народов с «великими» державами рассматриваются как некая иллюстрация их имманентного «единства» и общности исторических судеб. В итоге изрядно искажается вся панорама национальной и классовой борьбы в XX в.

Солидную работу по истории Восточной Африки предпринял коллектив оксфордских исследователей, возглавленный Р. Оливером, В. Хэрлоу и другими известными учеными.[7] И в данном случае редакторы предприняли демонстративную попытку показать, что они порвали с ранее господствовавшими концепциями. Во введении к первому тому они отмежевались от той точки зрения, согласно которой Африка до прихода европейцев истории не имела, а колониальный период сводился к изучению деятельности оккупантов.

[7] History of East Africa. Vol. I. Ed. by R. Oliver and G. Mattews; vol. II. Ed. by V. Harlow and E. M. Chilver. Oxford, 1963, 1965.

Пространное введение ко второму тому написала М. Перэм, маститый автор многих хорошо документированных монографий. Она тоже констатировала полную непригодность прежних представлений о превосходстве белой расы. Вместе с тем М. Перэм уверяла, что контакты с колониальными державами принесли жителям Африки массу благодеяний. И хотя за это «пришлось платить», выигрыш для них был «очевиден».[8]

В большинстве глав обоих томов «Истории Восточной Африки» тезис о «положительных» последствиях обоснования колонизаторов на «черном континенте» получил конкретное воплощение. К тому же изрядно искажены мотивы британской экспансии. Влияние крупной буржуазии на формирование государственного курса замалчивается так же, как ее стремление использовать сырьевые богатства и дешевый труд попавших в кабалу народов.

Велико число разного рода исследований и более популярных сочинений, посвященных генезису и истории «Содружества наций», ныне — официально уже не именуемого «британским».

Вот перед нами объемистая, отлично изданная книга Н. Мэнсерга «Опыт содружества».[9] Она представляет определенный интерес как попытка проследить путь, проделанный странами, до сих пор не порвавшими с Англией. В содержательной первой главе автор демонстрирует несколько нарочитую беспристрастность. Кроме сторонников преобразования империи в содружестве (Дарэм, Гладстон или Эттли), нельзя забывать и о таких фигурах, как Солсбери, Керзон или Родс, пишет он. Не было периода, когда бы все страны империи согласованно двигались к прогрессу. Вспомним об Ирландии, Кипре, Родезии. Роль силы в создании и поддержании империи нельзя недооценивать. Но уже в этой главе историк параллельно проповедует, что подчинение туземного населения применению силы или угрозе использования силы давало ему немало выгод; повсеместно, куда приходили британцы, устанавливался мир и спокойствие.

В последующих главах подлинная объективность в еще большей степени подменяется поверхностным сопоставлением фактов, устраивающих автора. Парадная сторона преобладает не только при описании безоблачной (по Мэнсергу) эволюции Канады или Австралии, но даже и в изложении сложных перипетий борьбы «цветных» колоний за независимость. По ходу дела автор пробует представить Амритсарскую резню 1919 г.

---

[8] History of East Africa, vol. II, c. XVI. — В отдельных случаях (как, например, в Кении) английское управление вело к затяжным конфликтам. Но и это полупризнание обставлено оговоркой в духе персонификации истории: если бы возглавлять администрацию Кении поручили Ф. Лэгарду (излюбленному герою М. Перэм), «ее история могла быть совсем иной» (там же, с. XXXIV).

[9] Mansergh N. The Commonwealth experience. London, 1969.

трагическим недоразумением.[10] Ему нравится англо-ирландский договор 1921 г., расчленивший «изумрудный остров». Историк признает факты расовой дискриминации в Южной Африке, но в другом месте своего труда называет южноафриканский «эксперимент» (т. е. создание и последующую судьбу доминиона Южно-Африканский Союз) «исключительно удачным».[11] Касаясь бесславного конца британского господства в Индии, автор склонен изобразить дело так, будто английские правящие круги вовсе не содействовали ее разделу на два государства.

Можно было бы увеличить число примеров, которые показывают тенденциозность Мэнсерга, его приверженность к необоснованным, безапелляционным суждениям. В итоговой главе историк воспевает «эволюционный процесс трансформации империи в содружество». Будучи не в силах полностью отрицать роль «сопротивления подневольных народов» и изменения соотношения сил на мировой арене, он тем не менее принижает эти важнейшие факторы и выдвигает такие мотивы, как почитание свободы, присущее англичанам, и их уменье извлекать уроки из истории. Окончательно спускаясь с высот научной претенциозности, автор в конце книги приводит и такие несостоятельные аргументы в пользу «Содружества», как гордость и амбиции народов Азии и Африки, жаждущих некоей ассоциации с Англией, со знаменитым британским парламентом.

Кроме Н. Мэнсерга, сходные воззрения излагают и некоторые другие историки. Так, лейбористские авторы Дж. Страчи и Дж. Хэтч подчеркивают эволюционные тенденции в развитии империи и близки к теории добровольной самоликвидации британской империи после второй мировой войны.[12]

В настоящее время еще нет возможности дать развернутую характеристику концепций историков неоколониалистской ориентации. Но уже вполне определилось намерение многих из них свести само понятие «колониализм» к одной лишь политической зависимости, выхолостить экономическое содержание эксплуатации «отсталых» стран «цивилизованными» державами, и в первую очередь Великобританией. Усилия сторонников этого относительно нового направления нельзя расценивать как принципиальный разрыв с прошлым. Подлинной научной объективности их трудам все еще недостает. По существу мы имеем дело с умелой, хотя в значительной степени и вынужденной перегруппировкой сил в лагере буржуазной историографии.

При всей изобретательности «адвокатов империализма», при

[10] По его мнению, можно понять «чувство англичан» и даже действия палача генерала Дайера.

[11] Mansergh N. Указ. соч., с. 24—25, 94.

[12] Strachey J. The end of empire. London, 1959; Hatch J. The history of Britain in Africa. London, 1969.— Критику первой из этих книг можно найти в историографической главе работы «Распад британской империи» (М., 1964).

всем изобилии их продукции уже к концу 60-х годов выяснилось, что предпринятая ими контратака успеха не имеет. Это признал, например, кембриджский историк Э. Стокс, один из самых активных приверженцев неоколониалистской интерпретации экспансии империалистических держав.[13]

Все чаще добросовестные ученые задумываются над кардинальными проблемами истории британской империи. Можно ли правдиво воссоздать ее, если не искоренить расистские воззрения, если придерживаться порочных приемов противопоставления политики и экономики? Касаясь этих вопросов, редакторы «Оксфордской истории Южной Африки» подчеркивают, что «Маркс и его последователи многое сделали для воссоединения экономики и истории».[14] Первый том изданного под их руководством труда вызвал положительный отклик прогрессивной общественности.[15]

Высокой оценки заслуживают исследования Т. Рэнжера и группы его учеников, работающих в Дар-эс-Саламе, посвященных преимущественно движению Сопротивления народов Африки колонизаторам.[16] Серьезным ученым зарекомендовала себя молодая исследовательница из Суонси М. Чемберлен. Весьма аргументированно показала она несостоятельность распространенной на Западе «стратегической» концепции раздела Африки, предложенной кембриджскими историками Р. Робинсоном и Дж. Галлагером.[17] Собственные свои воззрения на причины империалистической экспансии М. Чемберлен формулирует довольно осторожно, но в конце концов отдает предпочтение «экономическим мотивам». Ведь «дипломатические и стратегические мотивы имеют смысл, лишь если под ними есть какая-либо экономическая основа».[18]

Из ряда других работ отметим еще яркую научно-популярную книгу известного эдинбургского историка В. Кирнэна «The Lords of Human Kind».[19] Это единственная в своем роде попыт-

---

[13] Stokes E. Late nineteenth century expansion and the attack on the theory of economic imperialism.— Histor. J., 1969, No 2, с. 285—301.

[14] The Oxford history of South Africa, vol. 1. Ed. by M. Wilson and L. Thompson, Oxford, 1969, c. VII.

[15] См., например, рецензию А. Лерумо («The African Communist», 1970, No 42, с. 106—109). В кембриджском «The Journal of African History» (1970, No 3, с. 435—444) Ш. Маркс справедливо указала на превосходство этого издания над аналогичным сочинением, опубликованным в ЮАР. В 1971 г. выпущен второй том «Оксфордской истории Южной Африки». Ряд глав в нем выполнен на высоком профессиональном уровне; однако главные процессы национальной и классовой борьбы в ЮАС и ЮАР проанализированы не вполне удовлетворительно.

[16] Ranger T. Revolt in Southern Rhodesia. London, 1967; Aspects of Central African history. Ed. by T. Ranger. London, 1968, и др.

[17] См. разбор ее в монографии Черняка Е. Б. «Адвокаты колониализма» (М., 1964, с. 129—134).

[18] Chamberlain M. The new imperialism. London, 1970, с. 42.

[19] Kiernan V. The lords of human kind. Black man, yellow man and white man in an age of empire. Boston, 1969.

ка рассмотреть главные этапы колониальной экспансии (до начала XX в.) в глобальном масштабе.

В заключение следует указать на растущую роль английских ученых-марксистов, занимающихся проблемами колониализма. Труды Р. Палм Датта, Б. Дэвидсона, И. Кокса, Дж. Уоддиса и некоторых других широко известны и за пределами Великобритании; они способствуют становлению молодой исторической науки развивающихся стран.

О. А. НАУМЕНКОВ

ГЛАВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РАЗДЕЛА АФРИКИ

Превращение США после второй мировой войны в главную ударную силу мирового империализма определило тот факт, что во главе неоколониалистов встали американские монополии. Они же являются главной опорой южноафриканских, родезийских и португальских колонизаторов. Интерес к истории Африки в США резко возрос. За последние годы американские авторы выпустили в свет много исследований, посвященных различным аспектам истории Африки и борьбы за колонии в конце XIX в. К сожалению, советские историки уделяют явно недостаточное внимание критическому анализу этих работ.[1] Данное сообщение является скромной попыткой отчасти восполнить имеющийся пробел.

При ознакомлении с американской литературой по истории раздела Африки бросаются в глаза некоторые ее специфические черты. В частности, если американские дипломаты, экономисты, идеологи и публицисты задают тон в идейном контрнаступлении империализма в Африке, то американские историки зачастую следуют в форватере своих западноевропейских коллег. До 60-х годов в Западной Европе изучению Африки уделялось значительно больше внимания, чем в США, там имеются многочисленные квалифицированные кадры, устоявшиеся традиции и большой опыт по созданию апологетических работ. Поэтому в своем большинстве «новые» и «самые новые» концепции и теории раздела Африки, выдвинутые за последние 10 лет, принадлежат перу европейских авторов. Но американские ученые не только поддерживают, но и дают им в своих трудах дальнейшее

[1] Можно отметить лишь статью В. И. Назарова. (Назаров В. И. Защита традиционного колониализма в Африке в американской исторической и политической литературе.— В кн.: История Африки. М., 1971, с. 90—126). Основное внимание автор уделил критике искажения буржуазными учеными новейшей истории континента.

развитие. Особый интерес у историков из США вызвала нашумевшая концепция английских историков Р. Робинсона и Дж. Галлагера.[2]

Профессор Иельского университета У. Луис усиленно защищает их тезис о том, что колониальная политика Англии в Африке в конце XIX в. была вызвана исключительно соображениями «национальной безопасности» Великобритании.[3] Но если Робинсон и Галлагер имеют в виду 80—90-е годы XIX в., то Луис отстаивает своеобразный «континуитет» в колониальной политике Англии с 80-х годов до конца первой мировой войны. По его мнению, единственной причиной британского колониализма были стратегические опасения Лондона перед усилением позиций других держав (прежде всего Германии) на Черном континенте.[4]

Преподаватель истории в Санта Барбара (Калифорнийский университет) Р. Коллинз безоговорочно воспринял другой тезис Робинсона и Галлагера, а именно их утверждение, что раздел Африки был всего лишь побочным продуктом захвата Египта Англией в 1882 г.[5] Более того, историк развивает «египтоцентрическую» концепцию далее. В его интерпретации раздел Африки выглядит как процесс целиком и непосредственно обусловленный египетской политикой Лондона. Акция 1882 г. положила ему начало. Затем в 1888—1889 гг. правительство Англии решило сделать оккупацию Египта перманентной и в результате начался «второй раунд» раздела. Наконец, провал англо-бельгийского соглашения 1894 г. о разграничении границ в Центральной Африке сигнализирует наступление последнего, третьего, раунда «схватки за Африку». Дополнением к этой примитивной схеме служит не менее сомнительное утверждение, что единственной державой, сознательно проводившей колониальную экспансию, была кайзеровская Германия.[6]

В последних работах Р. Коллинза ощущается также сильное влияние другого английского африканиста Дж. Сэндерсона. В противовес доминировавшей долгие годы среди буржуазных ученых традиции всячески восхвалять кровавого колонизатора и спекулянта Леопольда II Бельгийского английский историк дал достаточно верную характеристику деяниям этой одиозной личности. Но Сэндерсон преследовал при этом вполне опреде-

---

[2] Критику их взглядов см.: Черняк Е. Б. Адвокаты колониализма. М., 1964, с. 129—134.

[3] См.: Robinson R., Gallagher J. Africa and Victorians. London, 1961, с. 462, 466.

[4] Louis W. R. 1) Great Britain and the African settlement of 1919.— Amer. Hist. Rev., 1966, vol. 71, с. 875—892; 2) Great Britain and Germany's lost colonies 1914—1919. Oxford, 1967, и др.

[5] Collins R. Introduction.— В кн.: The partitation of Africa. Illusion or necessity. N. Y., 1969, с. 6—7.— Ср.: Robinson R., Gallagher J. Указ. соч., с. 161, 163, 462.

[6] Collins R. Указ. соч., с. 13, 17, 11.

ленные цели. В его схеме Леопольд II выглядит печальным исключением среди благородных и гуманных европейских (прежде всего английских) дипломатов и чиновников того времени.[7]

Коллинз также признает, что за показным гуманизмом и красивыми словами бельгийского монарха всегда скрывались низменные, торгашские расчеты. В частности, именно так расценивает историк интерес, проявленный Леопольдом к экспедиции спасения от махдистов Судана бывшего губернатора Экваторим Эмин-паши.[8] И здесь он совершенно прав. Но затем Коллинз демагогически противопоставляет «коварному» королю бескорыстных и благородных государственных деятелей Англии. «Их стыдливый интерес к спасению Эмина произошел из викторианского милосердия, а не из беспринципных замыслов создания империи».[9]

Историк из Говардского университета (Вашингтон) Р. Браун в своей небольшой монографии приводит немало новых документальных данных из парижских архивов.[10] В частности, ему посчастливилось найти знаменитое досье «Afrique III, 32a», пропажу которого так оплакивал Сэндерсон.[11] Но выводы американского историка являются просто-напросто пересказом сформулированных в свое время Сэндерсоном положений. Вслед за последним Браун утверждает, что ответственность за проведение колониальной экспансии Третьей республики в Тропической Африке лежит исключительно на небольшой клике второстепенных политических деятелей, группировавшихся вокруг департамента (с 1894 г.— министерства) колоний. Они действовали «заговорщическими» методами, скрывая свои истинные цели от президента, министров и общественного мнения.[12] Своими домыслами буржуазные историки хотят замаскировать классовый характер колониальной политики Франции, вывести из-под огня критики главного виновника колониальной экспансии — французскую буржуазию.

Помимо историков, взявших на вооружение методы и приемы фальсификации истории Африки своих западноевропейских кол-

---

[7] Sanderson G. N. England, Europe and the Upper Nile, 1882—1889. Edinburgh, 1965, c. 88.

[8] Collins R. Origins of the Nile struggle. Britain and Germany in Africa. Ed. by Pr. Gifford, W. R. Louis. New Haven — London, 1967, c. 127.

[9] Там же, с. 128—129. См. также: Collins R. King Leopold, England and the Upper Nile 1899—1909. New Haven — London, 1968, c. 18, 20, 110.— Любопытно отметить, что в этой монографии Коллинз пытается (и не без успеха) подражать даже стилю книги Сэндерсона, написанной очень живо и интересно.

[10] Brown R. G. Fashoda reconsidered: the impact of domestic politics on French policy in Africa 1893—1898. Baltimore — London, 1970.

[11] Там же, с. 5; см.: Sanderson G. N. Указ. соч., с. 272.— В этом досье собраны документы, относящиеся к начальному периоду подготовки экспедиции Маршана.

[12] Brown R. G. Указ. соч., с. 137—138; Sanderson G. N. Указ. соч., с. 386—387, 389.

лег, активную деятельность в США развернули и другие авторы, работы которых носят откровенно охранительный, проимпериалистический и антиафриканский характер, нередко они даже лишены распространенного ныне на Западе объективистского камуфляжа. Наиболее показательна в этом плане деятельность Л. Гэнна и П. Дюиньяна. Л. Гэнн долгое время работал в Солсбери. Он написал официальные истории Южной и Северной Родезии, в которых политические взгляды автора, его откровенно расистские настроения выражены с предельной ясностью.[13] Затем Гэнн перекочевал в Стэнфордский университет США, где вступил в тесное сотрудничество с П. Дюиньяном. Результатом этого «альянса» был выход в 1967 г. обширной монографии «Бремя империи: оценка западного колониализма в Африке к югу от Сахары».[14] Еще раз авторы изложили свою интерпретацию истории Африки в сборнике «Колониализм в Африке».[15] «Мы не разделяем широко распространенное мнение, которое ставит знак равенства между колониализмом и эксплуатацией»,— таково кредо реакционеров от науки.[16] В своем апологетическом рвении историки делают подчас поистине сенсационные «открытия». Л. Гэнн с апломбом утверждает, что главной целью С. Родса в проведении африканской экспансии было стремление просветить и цивилизовать африканцев.[17] А правителя матабеле Лобенгулу он упрекает за то, что последний не сумел использовать миссионеров, чтобы создать в кратчайшие сроки национальную интеллигенцию.[18] В другой работе Лобенгулу упрекают уже за то, что он не стал компаньоном Родса.[19] Гэнн клеветал на выдающегося вождя народов Газаленда и Маникаленда Ганганьяну.[20]

Демонстрируя одновременно и профессиональную некомпетентность и махровый расизм, историки объявляют людоедами один из наиболее высокоразвитых народов Тропической Африки — ибо, проживающий в Нигерии.[21] А город Бенин накануне его взятия английскими войсками в 1897 г. они сравнивают с...

---

[13] Gann L. H. 1) A history of Northern Rhodesia. Early days to 1953. London, 1964; 2) A history of Southern Rhodesia. Early days to 1934. London, 1965.

[14] Gann L. H., Duignan P. Burden of empire: an appraisal of Western colonialism in Africa South of the Sahara. N. Y., 1967.

[15] Gann L. H., Duignan P. Reflections on imperialism and the scramble for Africa. Colonialism in Africa, 1870—1960. Vol. I. Cambr., 1969, vol. II. Cambr., 1970.

[16] Gann L. H., Duignan P. Introduction. Colonialism in Africa, vol. I. Cambr., 1969, c. 22.

[17] Gann L H. A history of Southern Rhodesia..., c. 43, 64.

[18] Там же, с. 57—58.

[19] Gann L. H., Duignan P. Burden of empire..., c. 190.

[20] Gann L. H. A history of Southern Rhodesia..., c. 98.

[21] Gann L. H., Duignan P. Burden of empire..., c. 155.

гитлеровским концлагерем Бельзен (!).[22] Не приходится удивляться, что даже в буржуазной литературе эти антинаучные опусы встретили отпор. «Бремя империи» — ...кусок пропаганды, защищающий не только колониализм в Африке как исторический феномен, но и его сегодняшние родезийское, южноафриканское и португальское проявления. Расистские настроения этой книги несомненны»,— справедливо подчеркнул лондонский ученый Э. Атмор.[23]

Долгие годы изучает колониальную экспансию Португалии в Африке коллега Гэнна и Дюиньяна по Стэнфорду Р. Хэммонд. Историк использует большое количество документов из английских архивов,[24] он хорошо знаком с работами португальских авторов, публицистикой и прессой Португалии конца XIX — начала XX в. Но, основываясь на примере этой отсталой страны, он тщится доказать «неэкономический характер» империалистической экспансии вообще и тем самым опровергнуть ленинскую теорию империализма.[25] Автор не скрывает своего «европоцентризма». «Такие слова как эксплуатация, колониализм и расизм», по его мнению, «ничего не могут объяснить» в истории раздела Африки.[26]

Конечно, было бы неверно умолчать о том, что в эти же годы в США был создан ряд интересных, содержательных исследований по истории раздела и родственным сюжетам.[27] К сожалению, объем этого сообщения не позволяет хотя бы бегло на них остановиться. Но лицо американской историографии раздела определяют не эти, остающиеся в меньшинстве, ученые, а те авторы, чьи взгляды подвергнуты анализу выше.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в американской историографии раздела Африки имеется влиятельное течение, представители которого (У. Луис, Р. Коллинз и др.) безоговорочно воспроизводят апологетические выверты европейских авторов. Эти историки развивают традиции изощренной, замаскированной защиты колониализма. Другое же направление (Л. Гэнн, П. Дюиньян и др.) служит не столько неоколонизаторам, сколько колонизаторам старой закалки, т. е. «дьявольскому союзу» Претории, Лиссабона и Солсбери.

---

22 Там же, с. 141.

23 Atmore A. E. The credit balance of imperialism. J. Afr. Hist., 1969, vol. X, No 2, с. 335.

24 Архивы португальского МИДа закрыты после 1850 г.

25 Hammond R. J. Portugal and Africa, 1815—1910. A study in uneconomic imperialism. Stanford, 1966, с. X, 335.

26 Там же, с. VIII.

27 Например: Butler J. The Liberal Party and the Jameson Raid. Oxford, 1968; Ascherson. N. The King Incorporaited. Carden City, 1965, и др.

М. О. МАЛЫШЕВ

ОБОРОНА ПЕТРОГРАДА В 1918 г. ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ БРЕСТСКОГО МИРА

(историографический обзор)

Организация обороны Петрограда в 1918 г. после подписания Брестского мира в освещении советских историков — такая постановка вопроса вызывает у ряда исследователей истории гражданской войны и военной интервенции нарекание. Ряд ученых считают, что после подписания Брестского мира и стабилизации фронта под Псковом и Нарвой, а также на Карельском перешейке организация обороны под Петроградом не имела первостепенного значения. В подтверждение своей мысли они приводят следующие положения: во-первых, враг был связан Брестским договором, в то же время основные его боевые силы находились на Западном фронте; во-вторых, никаких активных боевых действий под Петроградом не велось. Это дало возможность Петрограду направить боевые резервы по указанию В. И. Ленина на другие фронты; в-третьих, немецкое командование под давлением свершившейся революции в Германии было вынуждено поспешно выводить свои войска с оккупированной территории; боевые силы Красной Армии, находившейся под Петроградом, стали занимать освободившиеся территории.

В основе своей эти аргументы правильны, но мы придерживаемся другой точки зрения, считая, что организация обороны Петрограда и всего Северо-Западного района велась упорно и систематически, начиная с весны 1918 г., и имела своей целью предотвратить возможность наступления немцев и их союзников.

Оборона создавалась также для того, чтобы служить исходной позицией для наступления Красной Армии и изгнания немецких оккупантов из пределов нашей Родины. Но оборона состояла не только в организации и укреплении передовых позиций второй и третьей линий, она велась также и по линии укрепления тыла (ликвидация контрреволюционных очагов, эвакуация промышленных предприятий, части населения, которые не могли оказывать помощь в организации обороны, снабжение армии и города продовольствием, промышленности — топливом и сырьем. Наконец, военное обучение населения, строительство боевых сил Красной Армии, подготовка офицерского состава и т. д.).

Особо хочется подчеркнуть создание осенью 1918 г. 7-й армии, базой формирования которой явился Петроград и Петроградский военный округ. Перед 7-й армией была поставлена задача «чисто оборонительного характера, но это не исключает возможность на будущее время постановки армии и наступа-

тельных задач».[1] Аналогичные задачи имели Балтийский флот и его база-крепость Кронштадт. Необходимо отметить тот факт, что в отечественной литературе работ, посвященных обороне Петрограда после подписания Брестского мира, нет.

Исключение составляет статья А. Л. Фраймана «В. И. Ленин и оборона Петрограда 1918 года», опубликованная в 1970 г.[2] Автор разделяет нашу точку зрения о необходимости широкого освещения вопроса обороны Петрограда в 1918 г. после подписания Брестского мира.

Обращаясь непосредственно к первым общим трудам по истории гражданской войны, прежде всего мы должны отметить работы А. Анишева «Очерки гражданской войны 1917—1920 гг.» и Н. Е. Какурина «Как сражалась революция».[3]

Автор первой книги делает попытку систематически изложить историю гражданской войны. Не останавливаясь на рассмотрении данной работы, укажем только то, что А. Анишев уделил немало внимания вопросу германской оккупации в 1918 г., однако он привлекает материалы по Украине, а не Прибалтике и Псковщине, т. е. не то, что интересует нас в рассматриваемой теме.

Большой интерес представляет собой труд Н. Е. Какурина «Как сражалась революция». Работа построена на широком архивном материале с привлечением значительного количества исследований по истории гражданской войны. Какурин уделил внимание и обороне Петрограда в 1918 г. Приводя ряд интересных материалов по организации обороны, подготовке боевых сил и т. д., он, на наш взгляд, ставит и решает некоторые вопросы, связанные с боевыми операциями, проводившимися на Северо-Западном фронте в целом.

Главным недостатком рассматриваемой работы, является то, что Какурин все внимание уделяет разбору военных действий, не связывая их с классовым характером гражданской войны. Мы целиком присоединяемся к мнению, высказанному видными советскими историографами С. Ф. Найдой и В. П. Наумовым о данной работе, которые отмечали, что для ее автора «гражданская война — это не крайнее обострение классовой борьбы, не высшая ее форма, а лишь военные действия двух враждебных стран».[4]

По инициативе Генерального штаба РККА в конце 20-х годов был создан труд «Гражданская война 1918—1921 гг.» под

---

[1] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). Сб. докум. М., 1969, с. 66.

[2] См.: В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970.

[3] Анишев А. Очерки гражданской войны 1917—1920 гг. Л., 1925; Какурин Н. Е. Как сражалась революция. М., 1925.

[4] Найда С. Ф., Наумов В. П. Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. М., 1966, с. 43.

редакцией А. С. Бубнова, С. С. Каменева, М. Н. Тухачевского, Р. П. Эйдемана. В этом трехтомном труде приведен большой фактический материал и сделаны широкие научные обобщения. Авторы ввели в научный оборот много новых документов. Они широко использовали воспоминания непосредственных участников гражданской войны. В частности, большой интерес представляют помещенные в первом томе воспоминания Я. Ф. Фабрициуса и Травинского «Две измены».[5]

К концу 20-х годов историки стали уделять больше внимания изучению истории гражданской войны на Западе и Северо-Западе, при этом освещая главным образом петроградский участок Западного фронта. Был издан ряд монографий, среди которых следует отметить книгу Н. А. Корнатовского «Борьба за Красный Петроград».[6] В этом исследовании нас интересуют его первые главы, которые посвящены организации немцами осенью 1918 г. так называемого белогвардейского «Северного корпуса» в Пскове, деятельность контрреволюционных сил в Петрограде — все это изложено полно и на основании интересных архивных документов с извлечением мемуарной литературы.

Следует отметить, что за последующие годы появился еще ряд мемуаров как за рубежом, так и у нас, дополняющих и еще глубже раскрывающих события, имевшие место на оккупированной германскими войсками территории. Среди интересных работ, вышедших в 30-е годы, в первую очередь надо назвать книгу Г. Пухова «Как вооружался Петроград».[7] Автор впервые на архивном материале делает попытку изучить строительство Красной Армии на территории Петроградского военного округа в 1918—1919 гг. Особый интерес представляет та часть работы, где автор рассматривает начальный период строительства 7-й армии. Хотя этот материал в основном автор опубликовал ранее в журнале «Красная летопись»,[8] приведенные новые данные значительно дополнили рассматриваемый вопрос.

Главным недостатком исследования является его схематичность. Это вызывает у читателей ряд недоуменных вопросов. Так, например, чем вызвана задержка начала строительства 7-й армии? Какова роль Совета Комиссаров Союза коммун Северной области и окружного военного комиссариата в формировании частей и соединений 7-й армии, их материальном снабжении, а также ряд других вопросов. В целом работа представляет огромный интерес, хотя бы только потому, что ее автор сделал первую попытку проследить процесс строительства Крас-

---

[5] Гражданская война 1918—1921 гг. Под ред. А. С. Бубнова и др. Т. 1. М., 1928.

[6] Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград. Л., 1929.

[7] Пухов Г. Как вооружался Петроград. М., 1933.

[8] Пухов Г. С. Переход от добровольческой к регулярной Красной Армии в Петрограде и округе.— «Красная летопись», 1929, № 4/31.

ной Армии по всем возможным линиям на территории Петроградского военного округа.

В конце 30-х годов Ленинградский институт истории партии выпускает сборник документов «Крах германской оккупации на Псковщине»,[9] составитель А. Л. Фрайман, редактор и автор вступительной статьи Н. А. Корнатовский.

В сборник впервые был включен ряд архивных документов, а также материалы, опубликованные в периодической печати рассматриваемого периода. Особый интерес представляет третья глава этого сборника — «Под гнетом германской оккупации», где авторы опубликовали приказы и распоряжения оккупантов на Псковщине. Последние публиковались в «Официальных ведомостях Псковского областного управления».

С началом Великой Отечественной войны возрастает интерес исследователей к данной теме. В 1941 г. выходит работа А. Л. Фраймана «Разгром германских разбойников в 1918 году»; А. И. Гуковского «Вторжение немцев в страну Советов в 1918 г.».[10] Секретариат главной редакции «Истории гражданской войны в СССР» в 1943 г. издает сборник материалов и документов под редакцией М. Б. Митина и И. И. Минца.[11] Сборник в основном составлен из материалов, публиковавшихся ранее в нашей печати. Однако в сборнике помещены и новые документы, освещающие крах германской оккупации в Прибалтике. Среди них особый интерес представляют сообщения из Ревеля о распространении там коммунистами листовок, о партизанском движении и некоторые другие.

В 50-х годах большое влияние на дальнейшую разработку проблем истории гражданской войны оказало издание сборника ленинских документов «Военная переписка» (1917—1920 гг.).[12] В сборник вошли документы, в которых изложены многие высказывания В. И. Ленина по военным вопросам, малоизвестные и малодоступные широкому кругу читателей. Большое значение имел для исследователей истории гражданской войны выход в свет в 1959 г. XXXVI тома Ленинского сборника. В нем впервые был опубликован ряд документов, относящихся непосредственно к обороне Петрограда, как то: «Заметки о революционной защите Петрограда», «Телеграмма в Петроград от 1 IV 1918 г.» и др.

В 1958 г. вышел в свет III том «Истории гражданской войны». Большую ценность представляет трехтомная публикация документов и материалов «Из истории гражданской войны

---

[9] Крах германской оккупации на Псковщине. Л., 1939.

[10] Фрайман А. Л. Разгром германских разбойников в 1918 г. М., 1941; Гуковский А. И. Вторжение немцев в страну Советов в 1918 г.— «Исторические записки», т. 13, 1942.

[11] Разгром немецких захватчиков в 1918 г.—Сб. матер. и док. М., 1943.

[12] Ленин В. И. Военная переписка (1917—1920 гг.). М., Воениздат, 1956.

в СССР».[13] Составители включили в сборник множество документов, публикуемых впервые. В нем широко представлены документы центральных партийных архивов. Среди последних интересен документ, помещенный в III томе, освещающий рост партийной организации 7-й армии и ряд других.

В 1958 г. выходит брошюра Е. Путырского и Е. Ерыкалова «Петроградские рабочие в борьбе за создание Красной Армии»,[14] где рассматриваются два основных вопроса: организация Красной Армии в добровольческий период и борьба петроградских рабочих за создание регулярной армии. В работе дано значительное число интересных примеров, показывающих героическую борьбу рабочих Красного Петрограда за создание боевых соединений Красной Армии. Авторы хорошо сумели показать конкретных лиц — командиров и политработников — первых строителей и воспитателей молодой Красной Армии. К сожалению, авторы не коснулись многих вопросов строительства боевых частей как на оборонительных рубежах Северо-Запада, так и в самом Петрограде, не говоря уже о таком важном вопросе, как непосредственное участие петроградских рабочих в строительстве 7-й армии.

Несколько раньше, т. е. в 1957 г., один из авторов рассматриваемой брошюры Е. П. Путырский опубликовал работу «Военные комиссариаты Петроградского военного округа и их роль в строительстве Красной Армии в 1918 году».[15] В ней впервые был освещен вопрос строительства и деятельности военных комиссариатов в 1918 г. на территории Петроградского военного округа. Деятельность военных комиссариатов Петроградской трудовой коммуны, а позднее Петроградского военного округа в основном заключалась в проведении мобилизации, формировании частей Красной Армии и бесперебойной отправке пополнения на фронт.

Именно эти вопросы автор и осветил в своей работе на основе архивных документов, многие из которых ввел впервые в научный оборот, и также периодической печати того времени. Однако, рассказывая подробно о формировании и отправке на фронт частей и команд военным комиссариатом Петрокоммуны, автор в то же время не делает этого по отношению к Северному фронту, в состав которого входили 6-я и 7-я армии, ограничиваясь высказыванием о том, что в формировании 6-й и 7-й армий «Петроградский окрвоенкомат по указанию центра, принял са-

---

[13] Из истории гражданской войны в СССР.— Сб. докум. и матер. 1918—1920 гг., в трех томах. М., 1960—1961.

[14] Путырский Е. и Ерыкалов Е. Петроградские рабочие в борьбе за создание Красной Армии. Л., 1958.

[15] Исторические записки, т. 61, 1957, с. 294—332.— Ранее, в 1954 г. Путырский Е. П. опубликовал статью «Организация военных комиссариатов на территории Петроградского военного округа» (апр.— дек. 1918 г.).— Тр. Высшего Военного пед. ин-та им. М. И. Калинина, вып. VI. Л., 1954.

мое активное участие (как в формировании органов управления обеих армий, так и в снабжении и пополнении их)».[16]

Е. П. Путырский в своей работе затрагивает и вопрос организации Всеобуча в Петрограде. Однако более широко он освещен в работе Ф. Н. Гудченко «Коммунистическая партия — организатор военного обучения трудящихся в 1918—1920 гг.»,[17] а также в ряде других исследований.

Немаловажное значение для изучения обороны Северо-Запада в целом и Петроградского района в частности имеют «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», часть II и «Очерки истории Псковской организации КПСС».[18]

Несколько ранее партийный архив Псковского обкома КПСС совместно с архивным отделом Псковского облисполкома издает сборник документов «Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии 1917—1918 гг.».[19] Здесь впервые был опубликован целый ряд документов, относящихся к организации партизанской борьбы против оккупантов на Псковщине. Особый интерес представляет документ № 145, относящийся к организации штаба партизанских отрядов в г. Острове. Штаб этот занимался координацией боевых действий партизан с частями Красной Армии.

Говоря об организации обороны на советско-финляндской границе, следует упомянуть работы таких историков, как И. И. Сюкиянен «Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии»; В. Петров «Финляндия в планах империалистических держав в 1918—1920 гг.»; Ю. Оснос «Германская интервенция в Финляндии в 1918 г.».[20]

Особый интерес представляет работа В. М. Холодовского «Революция 1918 года в Финляндии и Германская интервенция»,[21] автор которой впервые попытался всесторонне исследовать вопрос революции в Финляндии и германской интервенции. Он использовал архивные документы, хранящиеся в Финляндии, огромное количество мемуарной литературы, периодическую печать. Для нас интересна в этом исследовании глава, посвященная антисоветским планам и действиям Германии и бело-

---

[16] Путырский Е. П. Военные комиссариаты петроградского военного округа и их роль в строительстве Красной Армии в 1918 году.— «Исторические записки», т. 61, 1957, с. 312.

[17] Тр. Военной академии тыла и транспорта, № 13. Л., 1958.

[18] Очерки истории Ленинградской организации КПСС, ч. II. Л., 1968; Очерки истории Псковской организации КПСС. Псков, 1971.

[19] Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии 1917—1918 гг. Псков, 1957.

[20] Сюкиянен И. И. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1948; Петров В. Финляндия в планах империалистических держав в 1918—1920 гг. Петрозаводск, 1961; Оснос Ю. Германская интервенция в Финляндии в 1918 г.— «Исторический журнал», 1941, № 12.

[21] Холодковский В. М. Революция 1918 года в Финляндии и Германская интервенция. М., 1967.

финнов в 1918 г. Здесь рассмотрены такие проблемы, как германские планы использования Финляндии для войны против Советской России, военные приготовления в Финляндии, отношения политических деятелей Финляндии и Германии к войне с Советской Россией и т. д.

Заслуживают особого внимания работы историков Прибалтики. Решительно преодолев традиционное исследование событий гражданской войны в рамках только своей республики, историки Эстонии, Латвии и Литвы рассматривают их в своих трудах в тесной связи с историей гражданской войны на территории всей страны. Среди них необходимо отметить следующие исследования: «Борьба за советскую власть в Прибалтике», подготовленную Академией наук СССР и академиями наук Эстонии, Латвии и Литвы, работу И. Типпера «В огне революции», Ю. Тайгро «Борьба трудящихся Эстонии за Советскую власть и мир в 1918—1920 гг.» и ряд других.[22]

В этих работах, как и в ряде других, рассматриваются вопросы борьбы народов Прибалтики за освобождение своих земель от ига оккупантов в 1918—1919 гг. Они написаны на огромном архивном материале и содержат большое число ценных сведений из советских и иностранных источников, что дает возможность будущим исследователям интересующей нас темы глубже изучить обстановку в тылу оккупационных войск.

---

[22] Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М., 1967; Типпер Ю. В огне революции. Таллин, 1964; Тайгро Ю. Борьба трудящихся Эстонии за Советскую власть и мир в 1918—1920 гг. Таллин, 1959.

М. Ф. НОВОЖЕНОВА

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ПРОФСОЮЗАМИ В 1907—1910 гг.

(анализ литературы 20-х годов по истории профсоюзного движения)

В советской историографии нет обобщенной характеристики изучения историками деятельности РСДРП в профсоюзах в период реакции. Частично историография этой проблемы дана в «Очерках истории исторической науки в СССР» и в монографии «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России».[1]

В данной статье на основании анализа литературы 20-х годов

---

[1] Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV. М., 1966, с. 398—411; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970, с. 191—203.

по истории профсоюзного движения ставится задача проследить утверждение марксистско-ленинской методологии в исследовании деятельности РСДРП в профсоюзах в период реакции.

Уже в первых работах по истории профессионального движения, изданных в 1918 г., был поставлен вопрос с позиции марксистско-ленинской методологии о связи политической программы профсоюзов и программы РСДРП в период реакции. Авторы этих работ Р. Арский и Ф. Н. Белявский[2] пришли к выводу, что политические задачи профессиональных союзов в 1907—1910 гг. не могли быть выполнены без руководства со стороны социал-демократии. Для конкретного представления о партийном руководстве профсоюзами в 1907—1910 гг. предстояло изучить, как осуществлялась связь между РСДРП и профсоюзами, каковы были формы этой связи. Серьезная попытка исследования этих вопросов была сделана К. Н. Яковлевой в 1920 г.[3] На основании изучения и систематизации официальных данных об экономических и политических забастовках в период подъема и спада рабочего движения автор сделал вывод, что основная заслуга придания стачкам и забастовкам политического характера принадлежала большевикам.[4]

В 1921—1922 гг. появились работы по истории профессионального движения отдельных союзов и профессионального движения в отдельных областях.[5] Авторы их изучили документы, свидетельствующие об участии РСДРП в работе профсоюзов в период реакции, об авторитете большевиков в них, о связи профсоюзов с социал-демократической фракцией III Государственной думы и сделали вывод, что, несмотря на трудные условия работы в 1907—1910 гг., большевики продолжали дело политического воспитания масс.

С 1923 г. исследовательская деятельность по истории партийного руководства профсоюзами шла по двум направлениям: публикация сборников документов и написание обобщающих работ, в которых значительное внимание уделялось изучению ленинских взглядов по вопросам тактики партии в период реакции, а также практическому руководству партией профсоюзным движением в 1907—1910 гг.

В публикации документов особенно много сделал Истпроф: центральные — Петроградский и Московский, а также его местные отделения. По постановлению траурного заседания плену-

---

[2] Арский Р. Профессиональные союзы. Пг., 1918; Белявский Ф. Н. Очерки по истории профессионального движения в России. М., 1918.

[3] Яковлева К. Н. Забастовочное движение в России за 1895—1917 гг.— В кн.: Матер. по статистике труда, вып. 8. М., 1920.

[4] Там же, с. 8—27.

[5] Иванов Б. Профессиональное движение рабочих хлебо-пекарно-кондитерского производства Петрограда и губернии с 1903 по 1917 гг. М., 1920; Антошкин Д. Очерк движения служащих в России со второй половины XIX века. М., 1921; Ходеев М. Всероссийский профессиональный союз рабочих и служащих связи. М., 1921.

ма Ленинградского губернского совета профессиональных союзов в январе 1924 г. был издан сборник ленинских работ по вопросам профессионального движения,[6] в которых Ленин неоднократно подчеркивал важность работы социал-демократов в профсоюзах и намечал задачи большевиков в укреплении связи партии с профсоюзами.[7] К текстам статей и речей В. И. Ленина были даны справки-комментарии, характеризующие историческую обстановку в стране в период реакции. Выход в свет этого сборника положил начало широкому изучению ленинских положений по вопросам тактики РСДРП в профсоюзах в период реакции.

В 1924—1925 гг. публиковались работы популярного характера, в которых были освещены ленинские идеи о задачах партии в отношении к профсоюзам, ленинская оценка роли профсоюзов в классовой борьбе. Особое место отводилось истории борьбы В. И. Ленина с ликвидаторами, которые в период 1907—1910 гг. избрали профсоюзы местом своей деятельности.[8]

В монографии В. Дегтя, в главе о взаимоотношениях партии и профсоюзов, были проанализированы решения V Лондонского съезда, резолюции V Общероссийской конференции и пленарного заседания ЦК РСДРП в 1910 г., подтверждающие, как много сил и внимания большевики во главе с В. И. Лениным уделяли работе в профсоюзах в 1907—1910 гг. и борьбе за них с ликвидаторами.[9]

В 1924 г. Украинское бюро ВЦСПС опубликовало сборник резолюций съездов и конференций РКП(б) по вопросам профдвижения,[10] составители которого разоблачили утверждение меньшевистских историков П. Колокольникова и В. Гриневича об отсутствии якобы влияния большевиков на профсоюзы в годы реакции. Резолюции V Лондонского съезда и конференций, проходивших в 1907—1910 гг., убедительно свидетельствовали о постановке большевиками вопросов о необходимости участия социал-демократов в работе профсоюзов и о дальнейшем укреплении организационной и идейной связи их с партией. С 1923 г. издаются обобщающие работы по истории профессио-

[6] Ленин В. И. Речи и статьи по вопросам профессионального движения. М., 1924.

[7] Там же, с. 29—34.

[8] Лозовский А. Ленин и профдвижение.— Вестник коммунистической академии, 1924, № 8; Гуревич А. Ленин и профессиональные союзы. М., 1924; Гиринис С. В. Ленин и профессиональное движение. М., 1924; Рабинович Л. Ленин и профессиональные союзы.— Голос работника, 1926, № 12; Пропаганда ленинизма и профессиональные союзы.— Сб. матер. и пособий. М., 1925; Ленинизм в профдвижении.— В кн.: Конспект лекции по истории, теории и практике профессионального движения. Л., 1926; Деготь В. Ленинизм в профессиональном и рабочем движении. Изд. 2-е. М., 1926.

[9] Деготь В. Указ. соч., с. 104—145.

[10] Тактика большевизма в профдвижении (Сб. резолюций по вопросам профдвижения съездов и конференций РКП(б) 1903—1923. II съезд РСДРП — XIII съезд РКП(б)). Харьков, 1924.

нального движения, в которых историки продолжают изучать деятельность РСДРП в профсоюзах в годы реакции. Обращаясь к дальнейшей разработке данной проблемы, историки исходили из вывода, сделанного в литературе предшествующих лет, что профессиональное движение являлось частью революционного движения и было неразрывно связано с РСДРП.

В этой литературе отразилась борьба двух концепций: большевистской и меньшевистской в изучении истории партии.

С меньшевистской точки зрения рассматривал историю деятельности большевиков в профсоюзах в 1907—1910 гг. В. В. Святловский.[11] Претендуя на роль «беспартийного историка», В. В. Святловский в действительности так подобрал факты, что выразил меньшевистскую точку зрения. Автор игнорировал сборник речей и статей В. И. Ленина по вопросам профдвижения, сборник документов о деятельности большевиков в профсоюзах, которые к моменту выхода книги В. В. Святловского были уже изданы. С обстоятельной рецензией на книгу В. В. Святловского в 1925 г. выступил Мих. Осипов, подвергнувший резкой критике меньшевистские уклоны в работе, доказав неверность выводов автора, построенных на бессистемном нагромождении фактов и цифр.[12]

В большинстве исследований по истории профессионального движения, выходивших с 1923 г., содержалась научная с позиции марксистско-ленинской методологии оценка работы большевиков в профсоюзах в 1907—1910 гг. Б. И. Кремлев и Я. Фин в своих работах, по сравнению с предшествующими исследованиями, глубже подошли к изучению этой проблемы.[13] Они специально рассмотрели деятельность РСДРП в профсоюзах, тактику сочетания нелегальной и легальной работы в годы реакции, партийное руководство профсоюзами. Эти авторы уделяли особое внимание изучению борьбы большевиков с меньшевиками-ликвидаторами за влияние в профсоюзах. Работа А. Гудвана впервые давала обстоятельную характеристику численного состава профессиональных союзов.[14] Изучив своеобразный источник — данные отчета товарища министра внутренних дел П. Курлова в ответ на запрос социал-демократической фракции III Государственной Думы по поводу профсоюзов, автор отметил, что в годы реакции процент социал-демократов в профсоюзах увеличился. К сожалению, А. Гудван не попытался выяснить причины этого явления, важного в целом для понимания положения РСДРП в годы реакции.

---

[11] Святловский В. В. История профессионального движения в России. Л., 1924.

[12] «Каторга и ссылка», 1924, № 5, с. 326—328.

[13] Кремлев Б. И. Изучение профессионального движения. М., 1923; Фин Я. Двадцать лет российского профессионального движения. М., 1925.

[14] Гудван А. К вопросу о количественном составе профсоюзов в 1907 г.— Матер. по истории профессионального движения в России. Сб. II. М., 1924, с. 167—168.

Обобщающее исследование по истории борьбы большевизма и меньшевизма в профсоюзах — результат анализа многочисленных партийных документов — было написано в 1926 г. В. Докукиным.[15] На основании изучения резолюций V Общероссийской конференции РСДРП, материалов расширенного пого заседания редакции «Пролетария», работ В. И. Ленина, писем ЦК РСДРП в партийные организации автор доказал правильность тактики большевиков в отношении к профсоюзам.

В 1923—1928 гг. появляются работы по истории профсоюзов отдельных областей и краев,[16] а также отдельных отраслей.[17] Они были важны для разработки новых вопросов в истории деятельности партии в профсоюзах в 1907—1910 гг. На основании новых документов были изучены вопросы борьбы большевиков с ликвидаторами в годы реакции за сохранение легальных профсоюзов, участие большевиков в культурно-просветительной работе, в организации политических забастовок и стачек.

Обобщающим исследованием по истории профсоюзного движения и вместе с тем по истории партийного руководства профсоюзами в годы реакции, свидетельствовавшим об утверждении марксистско-ленинской концепции в изучении этой проблемы, явилась книга Д. Антошкина, изданная в 1928 г.[18] Автору удалось показать всю сложность работы большевиков в профсоюзах в период реакции, борьбу с меньшевиками по вопросу об отношении к профсоюзам. С 1928 г. после решения VIII съезда профсоюзов о разоблачении правых оппортунистов и об их антипартийной деятельности выпуск литературы по истории профсоюзного движения почти прекратился.

Таким образом, за 1918—1928 гг. было введено в научный оборот большое число документов по истории деятельности партии в профсоюзах в 1907—1910 гг. На основании этих документов были написаны научные статьи и монографические исследования, освещающие партийное руководство профсоюзами в 1907—1910 гг. В дальнейшем к изучению истории деятельности РСДРП в профсоюзах историки обратились в конце 50-х — начале 60-х годов.

---

[15] Докукин В. Большевизм и меньшевизм в профессиональном движении. Л., 1926.

[16] Рабочее и профессиональное движение в Нижегородском крае (1869—1917 гг.). Н. Новгород, 1923; Очерк возникновения и развития профсоюзов совработников на Волыни (1904—1924). Житомир, 1924; Докучаев А. Матер. по истории профдвижения Тверской губернии (1883—1917). Тверь, 1925.

[17] Ачканов Г. Как мы боролись и строили свой союз.— Матер. для истории Всероссийского союза рабочих водного транспорта. М., 1923; Краткие очерки из истории Союза рабочих водного транспорта. Вольск, 1923; Матер. по истории профессионального движения рабочих полиграфического производства, № 1. М., 1925.

[18] Антошкин Д. Краткий очерк профессионального движения в России. М., 1928.

В. А. ЗУБКОВ

ОБ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ И ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ВЛКСМ

XXIV съезд КПСС дал высокую оценку деятельности ВЛКСМ. Героический путь комсомола неразрывно связан с историей партии, с борьбой советского народа под ее руководством за торжество социализма и коммунизма.

Резко возросшие за последние 10—15 лет публикации источников и выпуск литературы по истории ВЛКСМ, большое количество (более 350) диссертаций ставят на повестку дня проблему глубокой и интенсивной разработки вопросов источниковедения и историографии истории ВЛКСМ. В ограниченных рамках настоящей статьи автор предпринял попытку в общей форме кратко охарактеризовать состояние источниковедения и историографии истории комсомола.

За последние годы были сделаны крупные шаги в дальнейшем развитии источниковой базы истории ВЛКСМ. Важную роль в этом сыграла подготовка и выпуск в свет сборников, содержащих основные источники по истории ВЛКСМ. К ним следует отнести в первую очередь наиболее полное издание трудов и высказываний В. И. Ленина о молодежи,[1] а также сборник документов Коммунистической партии «Наследникам революции», в котором собраны наиболее важные решения партийных съездов и конференций, Центрального Комитета КПСС о комсомоле и молодежи.[2]

Публикуются произведения руководящих деятелей КПСС и Советского государства о комсомоле и молодежи. Среди них особенно важное значение в качестве источников имеют труды Н. К. Крупской, М. И. Калинина, С. М. Кирова.

Проделана большая работа по изданию важнейших решений съездов и конференций комсомола, документов пленумов ЦК ВЛКСМ. Особенно важным событием для историков комсомола явился выход в свет двухтомника документов и материалов «Товарищ Комсомол», а также тематических сборников по различным областям деятельности ВЛКСМ: «Организация удесятеряет силы», «Комсомол и высшая школа», «Комсомол и пионерская организация», «50 лет ВЛКСМ».[3]

Весьма интересными являются такие тематические сборники документов и материалов по истории комсомола, как «Славные

---

[1] См.: Ленин о молодежи. Сб. М., 1970.

[2] Наследникам революции. Докум. партии о комсомоле и молодежи. М., 1969.

[3] Товарищ Комсомол. Докум. съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ (1918—1968 гг.), т. I—II. М., 1969; Организация удесятеряет силы. М., 1968; 50 лет ВЛКСМ. Докум. и матер. М., 1969, и др.

традиции», «В кольце фронтов», «Марш ударных бригад».[4] Они завоевали большой авторитет среди пропагандистов и слушателей сети комсомольского политпросвета и всех интересующихся героической историей ВЛКСМ. Существенная работа проделана по выявлению и изучению документов по истории местных комсомольских организаций. Больше внимания стало уделяться публикации статистических данных о численности и составе ВЛКСМ.

Важным источником для изучения героической истории ВЛКСМ служит комсомольская периодическая печать. Среди комсомольской периодики следует особо выделить журналы «Юный коммунист» (впоследствии «Молодой большевик», «Молодой коммунист»), «Юный пролетарий», «Коммунистическая молодежь», «Комсомольская летопись», газеты «Комсомольская правда» и «Смена», ряд местных газет и журналов.

К сожалению, мало внимания уделяется изучению таких источников, как листовки, воззвания, обращения центральных и местных органов комсомола, которые были особенно характерны для периодов организации комсомола, гражданской и Отечественной войн, восстановления народного хозяйства и первых пятилеток.

Периодически издаются мемуары партийных и государственных деятелей, комсомольских активистов о роли В. И. Ленина в создании и определении основных принципов деятельности ВЛКСМ, о различных этапах в истории комсомола. Особую ценность в этом отношении представляют сборники воспоминаний о В. И. Ленине «Великий друг молодежи», «Письма комсомольцев и молодежи В. И. Ленину», мемуары старых комсомольцев.[5]

Все больше выпускается сборников и статей, основанных на конкретных социологических исследованиях о наших юных современниках. Среди них работы В. Т. Лисовского, С. Н. Иконниковой и других.[6] Важное значение имеет дальнейшая популяризация кино-фотодокументов по истории ВЛКСМ. К сожалению, пока работа в этом направлении ведется недостаточно. Проведена систематизация документальных материалов Центрального архива ВЛКСМ, местных комсомольских архивов. Все это ставит вопрос о тщательном изучении и анализе источников по истории ВЛКСМ.

---

[4] Славные традиции. Сб. док. и матер. М., 1958; В кольце фронтов. Сб. док. М., 1963; Марш ударных бригад. Молодежь в годы восстановления народного хозяйства и социалистического строительства. 1921—1941. Сб. док. М., 1965.

[5] Великий друг молодежи. М., 1960,; Великий друг молодежи. Изд. 2-е. М., 1969; Сердцем и именем. Письма молодежи В. И. Ленину. М., 1969; Мильчаков А. И. Первое десятилетие. М., 1965.

[6] Лисовский В. Т. Эскиз к портрету. М., 1968; Иконникова С. Н., Лисовский В. Т. Молодежь о себе и своих сверстниках. Л., 1968 и др.

Однако изучение источников по истории ВЛКСМ и молодежного движения ведется недостаточно. Так, например, исследования трудов К. Маркса и Ф. Энгельса как теоретического источника и методологической основы для изучения проблем молодежного движения насчитываются пока единицами.

Весьма интересными являются две статьи З. Г. Апресяна: «К. Маркс. Революционная молодежь идет со мной», помещенная в журнале «Молодой коммунист» к 150-летию со дня рождения К. Маркса, и «Разработка К. Марксом и Ф. Энгельсом политики коммунистов в отношении молодежи»,[7] а также его вводная статья к недавно вышедшему сборнику «К. Маркс и Ф. Энгельс о молодежи».[8]

В этих работах, а также в книге В. А. Сулемова «Союз молодых борцов»[9] глубоко анализируются труды основоположников марксизма о выработке основных принципов научной политики пролетарской партии по отношению к молодежи.

Следует приветствовать в связи с этим издание специального сборника «К. Маркс и Ф. Энгельс о молодежи». Это поможет историкам комсомола в написании теоретических и методологических работ по истории юношеского движения.

Важнейшее значение в качестве источника и методологической основы для изучения истории ВЛКСМ имеют труды В. И. Ленина, который в новых исторических условиях не только обосновал и развил основные принципы политики партии по отношению к молодежи, но и принял непосредственное участие в создании первой в мире молодежной организации нового типа — комсомола, определил программу и принципы деятельности этой организации на многие десятилетия.

Этой теме посвящено несколько вышедших в последние годы исследований. К ним относятся работы Н. В. Трущенко «Партийное руководство комсомолом», А. М. Муравьева «Труды В. И. Ленина — источник изучения истории революционного движения молодежи».[10] В некоторой степени эта тема получила освещение в кандидатской диссертации А. А. Резника «Историография комсомола периода возникновения и первых лет деятельности (1917 — 1920 гг.)», защищенной в ЛГУ в 1968 г.

Особое внимание следует уделить дальнейшему источниковедческому анализу работ В. И. Ленина о молодежи и прежде всего его речи на III съезде РКСМ.

Следует отметить, что проблемы источниковедения истории

---

[7] Апресян З. Г. К. Маркс: Революционная молодежь идет со мной.— «Молодой коммунист», 1968, № 5; Позывные истории, вып. II. М., 1970.

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс о молодежи. М., 1972.

[9] Сулемов В. А. Союз молодых борцов. М., 1971.

[10] Трущенко Н. В. Партийное руководство комсомолом. 1918—1920 (источники и историография). Горький, 1970; см.: Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС, вып. 1. Изд-во Ленингр. ун-та, 1971.

ВЛКСМ не привлекают еще должного внимания историков комсомола. Почти нет источниковедческих работ, посвященных документам, принятым съездами и конференциями КПСС, ЦК партии об организации и деятельности ВЛКСМ. На наш взгляд, следовало бы продумать вопрос об издании специальной серии сборников документов «Съезды партии о комсомоле» с вступительными статьями и комментариями, которые оказали бы значительную помощь историкам комсомола и пропагандистам, слушателям сети комсомольского политпросвещения. Не издаются сборники постановлений Советского правительства и ВЦСПС подобно тем, которые издавались в 20-е годы».[11]

Что касается стенограмм съездов и конференций комсомола, которые являются непосредственным источником для изучения истории комсомола, то большинство из них уже давно стало библиографической редкостью. Кроме того, некоторые из этих стенограмм нуждаются в дальнейшем уточнении, научных комментариях и т. п. Изданные сборники документов по истории ВЛКСМ хотя существенно восполнили этот пробел, но не ликвидировали его полностью. А между тем документы съездов и конференций комсомола, тщательно выверенные, снабженные комментариями, явились бы ценным источником для историков комсомола, особенно в их борьбе с буржуазными фальсификаторами, которые, стремясь придать видимость научности своим «исследованиям», весьма тенденциозно с антикоммунистических позиций используют в своих «сочинениях» стенограммы съездов и конференций комсомола, изданные в 20—30-е годы.

Нуждается в дальнейшем улучшении выявление и исследование документов по истории местных комсомольских организаций. Весьма интересным и ценным начинанием была предпринятая в 20-х годах попытка изучения численности и состава комсомола и издание в связи с этим статистических справочников и обзоров по истории ВЛКСМ.[12] Очевидно, было бы целесообразно в какой-то форме возобновить эту традицию.

Следует уделить больше внимания исследованию периодической печати как одному из непосредственных источников истории ВЛКСМ. Пока это предпринято только А. П. Романовым в его интересной и содержательной диссертации.[13]

---

[11] Юношеский труд. Постановление государственных, профессиональных и комсомольских организаций. М.— Л., 1925.

[12] РКСМ в цифрах. Стат. сб. о состоянии РКСМ за период с 1 окт. 1922 г. по 1 янв. 1924 г., вып. I. М., 1924; РЛКСМ в цифрах. Стат. сб., вып. III. М., 1925; Комсомол СССР. Стат. сб. о численном и качественном составе и политпросветработе РЛКСМ с 1 июля 1924 г по 1 янв. 1926 г.

[13] Романов А. П. Комсомольская периодическая печать 1917—1920 гг. как исторический источник. М., 1969.

Почти нет статей и обзоров, посвященных анализу мемуаров и воспоминаний о В. И. Ленине и молодежи,[14] о различных периодах в истории ВЛКСМ.[15]

Весьма интересными были предпринятые в прошлом публикации о героях комсомола, совершивших ратные и трудовые подвиги.[16] Возможно следовало бы подумать о переиздании отдельных работ таких руководителей комсомола, как Н. Чаплин, А. Косарев и др. Необходимо публиковать больше обзоров о документальных материалах по истории ВЛКСМ, хранящихся в Центральном архиве ВЛКСМ и местных партийных архивах. Пока такие работы весьма редки.[17] Следует подвергнуть более подробному источниковедческому анализу и многочисленные издания, основанные на современных конкретных социологических исследованиях о комсомоле и молодежи.

* * *

Несколько слов об историографии ВЛКСМ.

Как уже отмечалось, к настоящему времени накопилась обширная научная и научно-популярная литература по истории ВЛКСМ, большое количество диссертаций, в числе которых 10 докторских. Все это дает основание ставить вопрос о тщательном анализе изданной литературы и защищенных диссертациях, об их проблематике, достоинствах и недостатках, о задачах изучения мало исследованных периодов и проблем в истории комсомола, ликвидации «белых пятен», определении дальнейших задач научной разработки истории ВЛКСМ, создания стройной системы планомерного и последовательного изучения истории комсомола.

Вместе с тем проблемам историографии ВЛКСМ до настоящего времени уделяется явно недостаточно внимания. Обзоры литературы по истории комсомола, предпринимавшиеся в 20-х и начале 30-х годов на страницах журнала «Юный коммунист», «Комсомольская летопись», сборника «Молодежь в революции», явились лишь первыми шагами к становлению историографии ВЛКСМ. Эти статьи и обзоры имели важное значение в борьбе за ленинскую концепцию истории молодежного дви-

---

[14] Трущенко Н. В. Тема В. И. Ленин о комсомоле и молодежи в советской историографической литературе. В кн.: Позывные истории, вып. I. М., 1969.

[15] Исламов Ю. Воспоминания бывших комсомольцев — ценный источник для изучения истории ВЛКСМ.— Изв. АН Таджикской ССР, Отд. общ. наук, вып. 4. Душанбе, 1962.

[16] См., например: Безумству храбрых поем мы славу. М.— Л., 1929; Знатные люди Ленинградского комсомола. Л., 1936.

[17] Арапова Л. П. Источники о трудовой деятельности комсомола и молодежи Ленинграда в дни блокады (1941—1945 гг.).— Тр. МГИАИ, т. XVII, 1963.

жения, за научный подход к изучению истории ВЛКСМ.[18] Однако в конце 30-х годов такие публикации прекратились.

Современные публикации, посвященные историографии истории комсомола, представляют собой, как правило, небольшие статьи, помещенные в периодических изданиях. Среди них, помимо изданий, упоминавшихся выше, которые наряду с источниковедческим носят и историографический характер, можно выделить работы Н. В. Трущенко, А. П. Ацаркина, В. К. Криворученко.[19]

По историографии комсомола имеются две кандидатских диссертации молодых ленинградских историков А. А. Резника «Историография комсомола периода его возникновения и первых лет деятельности (1917—1920 гг.) и С. А. Педана «Комсомол в годы восстановления народного хозяйства» (1921—1925 гг.) (Очерки историографии).[20] Обе они защищены на кафедре истории КПСС ЛГУ и вносят определенный вклад в историографию ВЛКСМ. К сожалению, подробный разбор достоинств и недостатков этих диссертаций произвести в рамках настоящей статьи невозможно.

---

[18] Винтер К. Знать историю (об изучении комсомольцами истории РКСМ).— «Юный коммунист», 1923, № 5, с. 13—14; Ярцев Г. Комсомольскую историю молодежи.— Там же, 1924, № 4, с. 95; Мурин В. Как следует изучать юношеское движение (о необходимости изучения истории партии. Письмо в редакцию).— Там же, 1924, № 18, с. 21; Чаплин Н. П. О фальсификации комсомольской истории и теории, или о ловкости рук т. Тарханова.— «Молодой большевик», 1925, № 16, с. 19—29; Зайцев В. и Булах В. Обзор дореволюционной литературы о юношеском труде в журнале Комсомольская летопись.— «Комсомольская летопись», 1926, № 4, с. 148—155; Что читать по истории ВЛКСМ.— «Юный коммунист», 1928, № 17—18, с. 86—89; Прошлое комсомола в мемуарной литературе.— «Молодежь в революции», 1931, № 1, с. 101—128; Зиберман С., Злотин В. О Труде и Свете и ССРМ (критический обзор литературы по истории юношеского движения в Петрограде (1917—1918). — Там же, с. 5—40; За большевистскую историю юношеского движения.— Там же, 1932, № 1(2), с. 20—25; Смородин П. Изучение истории комсомола в большевистские руки. — Там же, 1932, № 3—4, с. 114—123; Аскеров А. Изучение истории ВЛКСМ на большевистские рельсы.— «За теоретическую учебу», 1932, № 5—6, с. 6—10; Пантелеев И. За ленинскую историю юношеского движения (к истории создания КИМ). — «Юный коммунист», 1934, № 11, с. 36, и др.

[19] Трущенко Н. В. 1. Партийное руководство комсомолом (историография и источники). М., 1970; 2. Тема В. И. Ленин о комсомоле и молодежи в советской историографической литературе.— В кн.: Позывные истории, вып. 1. М., 1969; Криворученко В. К., Ацаркин А. Н. Некоторые вопросы разработки истории ВЛКСМ.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 3; Криворученко В. К. Ленинскому комсомолу — пятьдесят лет.— В кн.: Позывные истории, вып. 1. М., 1969; Андросенкова З. М. Что читать по истории комсомола.— В кн.: В едином строю. Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.

[20] Резник А. А. Историография комсомола периода его возникновения и первых лет деятельности (1917—1920 гг.). Автореф. канд. дис. Л., 1968; Педан С. А. Комсомол в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.) (Очерки историографии). Автореф. канд. дис. Л., 1972.

Историографические обзоры имеют место лишь во введениях к некоторым диссертациям по комсомольской проблематике, однако далеко не во всех. В этом смысле к историкам комсомола можно полностью отнести замечание, высказанное авторами статьи «Актуальные проблемы историографии истории КПСС», опубликованной в журнале «Коммунист», что «пора считать за правило наличие в трудах по истории партии историографических и источниковедческих введений».[21] Тем самым будет поднят уровень исследования проблем истории ВЛКСМ.

Таким образом, если говорить об историографии истории комсомола в целом, то на сегодняшний день, в отличие от истории комсомола, она едва лишь достигла «комсомольского возраста». До настоящего времени не все периоды и не все проблемы истории ВЛКСМ освещены всесторонне. Пока мало изучена деятельность комсомола в период восстановления народного хозяйства, послевоенный период, в годы 6—8 пятилеток.

Крайне мало работ, посвященных методологическим и теоретическим проблемам истории ВЛКСМ, роли Коммунистической партии в организации комсомола и его деятельности, недостаточно изучены численность и состав комсомола в различные периоды его развития, его участие в осуществлении культурной революции, в коммунистическом воспитании молодежи, борьба с различного рода оппозиционными группировками. Пока эта тема нашла наиболее полное отражение лишь в работах В. А. Сулемова.

История ВЛКСМ — составная и нераздельная часть истории КПСС. Поэтому основная цель историографии истории ВЛКСМ состоит в том, чтобы в результате анализа процесса утверждения ленинской концепции развития молодежного движения, истории комсомола не просто дать представление об историко-комсомольской литературе, а отразить через нее развитие Коммунистической партией марксистско-ленинских идеологических и организационных основ молодежного движения, уделив особое внимание борьбе комсомола под руководством партии с различного рода оппозиционными уклонами в молодежном движении, ввести в научный оборот новые источники, проанализировать проблематику, достоинства и недостатки работ по истории ВЛКСМ, наметить задачи и пути ее дальнейшего развития.

Развитие источниковедения и историографии истории ВЛКСМ еще больше отточит наше идейное оружие в борьбе с буржуазными и ревизионистскими фальсификаторами истории ВЛКСМ, международного молодежного движения.

---

[21] Зевелев А., Педосов А., Угрюмов А. Актуальные проблемы историографии истории КПСС.— «Коммунист», 1972, № 2, с. 64.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

М. И. Артамонов. Гелоны, агафирсы и сигинны 3
Р. Ф. Итс. Южное Чжао и его место в средневековой истории мира 17
Д. Г. Савинов. К вопросу этногеографии севера Центральной Азии в предмонгольское время 23
Б. П. Шишло. Социальные основы и социальное значение культа предков 28
К. Ф. Савело. О совете знати в донормандской Англии (по материалам VIII — начала X в.) 33
В. В. Штокмар. Пуритане и церковная политика английской абсолютной монархии в конце XVI — начале XVII в. 42
В. Г. Ревуненков. Конфликт между Коммуной Парижа и секциями в августе 1793 г. 47
А. Г. Сорокин. Переговоры Бисмарка и Наполеона III в Биаррице (октябрь 1865 г.) 54
А. Я. Массов. Из истории раннего австралийского колониализма (экспансия Австралии в Новой Гвинее в 1884—1919 гг). . 59
А. В. Попкова. Политический кризис в Англии в 1909—1911 гг. . . 65
В. К. Фураев. Информационное бюро Советского Союза в Вашингтоне (1923—1933 гг.) 70
Инге Пардон. Политика КПГ и СЕПГ по отношению к молодежи в первые годы после поражения фашизма 77
С. И. Ворошилов. Отношение политических партий Австрии к проблеме «общего рынка» 81
И. Я. Фроянов. Церковно-монастырское землевладение и хозяйство на Руси XI—XII вв. 87
А. Л. Шапиро. О характере найма в Древней Руси 95
В. В. Мавродин. Русские участники мятежа Бениовского и их плавание на Мадагаскар и в Европу 103
С. Б. Окунь. К вопросу о сущности русского абсолютизма (вторая половина XVIII — начало XIX в.) 110
Л. А. Шитилов. О численности и партийном составе Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов (29 марта —3 апреля 1917 г.) 117
С. А. Шельдешова. Из истории борьбы большевистских газет с эсеро-меньшевистской прессой в первые месяцы Советской власти (октябрь 1917 — февраль 1918 г.) 123
Г. Н. Сурина. Из истории публикаций произведений В. И. Ленина по вопросам профсоюзного движения в периодической печати в 1917—1921 гг. 128
З. С. Трухачева. О первых коллективах коммунистов в театрах Петрограда в 1919—1920 гг. 134
И. В. Погорельский. Некоторые особенности партийного строительства в условиях некапиталистического пути развития к социализму (на примере советских республик Средней Азии. 1918—1924 гг.) 139

Ю. У. Раковский. Партийное руководство организационной перестройкой ленинградских профсоюзов в годы первой пятилетки . . 147
Р. Я. Хабибулина. Повышение уровня партийного руководства промышленностью после XX съезда КПСС (на материалах Ленинградской партийной организации) 152

ИСТОРИОГРАФИЯ

А. Н. Немилов. Изучение немецкого гуманизма эпохи Возрождения в русской дореволюционной и советской историографии . . 159
В. В. Сергеев. Англо-американские отношения периода первой мировой войны в исторической литературе США 164
К. Б. Виноградов. Основные черты современной английской историографии колониализма 170
О. А. Науменков. Главные направления современной американской буржуазной историографии раздела Африки 176
М. О. Малышев. Оборона Петрограда в 1918 г. после подписания Брестского мира (историографический обзор) 181
М. Ф. Новоженова. Партийное руководство профсоюзами в 1907—1910 гг. (анализ литературы 20-х годов по истории профсоюзного движения) 187
В. А. Зубков. Об источниковедении и историографии истории ВЛКСМ 192

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Сборник статей

Выпуск 2

Редакторы *В. В. Макарова, С. Г. Поликарпов*

Технич. редактор *Л. И. Киселева*

Корректоры *В. К. Измайлович, И. Л. Кудряшова*

М-57010. Сдано в набор 15 III 1973 г. Подписано к печати 14 VIII 1973 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Печ. л. 12,5, Уч.-изд. л. 13,73. Бум. л. 6,25. Заказ 235. Тираж 1850 экз. + 10 отд. отт. Цена 98 коп.

Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова

Типография ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164. Ленинград, Университетская наб., 7/9.

15

221x

98 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА • 1979

12/4441